

— тайны масонства —

Масоны

и Февральская революция
1917 года

тайны масонства

Масоны

и Февральская революция
1917 года

Москва
«Яуза – Пресс»
2007

Оформление художника *С. Груздева*

М 31 **Масоны** и Февральская революция 1917 года. — М.: Яуза-пресс, 2007. — 352 с. — (Тайны масонства).

ISBN 978-5-903339-19-8

Впервые читатель может ознакомиться со столь полной «инвентаризацией» источников и точек зрения, высказанных по этой проблеме в исторической литературе. Авторы показывают весь комплекс причин, которые привели к революционному перевороту, объясняют неоднозначные мотивы действующих лиц, проводят увлекательные расследования, «очные ставки» свидетелей и историков, которые уже высказывались по этому вопросу, но были либо излишне доверчивы, либо слишком осторожны — нередко по идеологическим, а не научным мотивам.

ББК 63.3(0)62

Виктор Брачев

«Победоносный Февраль» 1917 года:
масонский след

Предисловие

Первое упоминание о масонской ложе в России относится к 1731 году. Состояла она, как предполагают исследователи, из подвизавшихся в России англичан, то есть была иностранной. Появление первой русской масонской ложи относится к 1750 году. Масонство в нашей стране дважды запрещалось. Первый раз негласно Екатериной II в связи с делом Н. И. Новикова 1792 года и второй — в 1822 году Александром I, уже вполне официально. Запрет этот возымел действие, и по крайней мере явная деятельность масонских лож прекратилась. Тайная же, в виде небольших оккультных групп и кружков, продолжалась вплоть до середины XIX века.

Конечно же, сказать, что после этого, то есть во второй половине XIX века, масонов в нашей стране совсем не было, нельзя. Однако о каких-либо организационных масонских структурах этого времени ничего не известно. Очевидно, что несмотря на «великие реформы» Александра II, условия для деятельности масонских лож в стране по-прежнему оставались неблагоприятными.

Совсем другое дело — начало XX века, когда общественно-политические условия в стране в связи с революцией 1905 года после Манифеста 17 октября претерпели серьезные изменения. Правда, масонство в России по-прежнему оставалось под запретом. Тем не менее в новых условиях под прикрытием ряда официально разрешенных политических партий и разного рода культурно-просветительских организаций тайные масонские и полумасонские кружки и группы росли как грибы после дождя. В результате за такой сравнительно короткий период, как 1900—

1917 годы (фактически в 1905—1917 гг.), в России сформировалось и успешно функционировало самое настоящее оккультно-масонское подполье, представлявшее серьезную опасность существованию Российской империи.

Все это не было, разумеется, большим секретом для Департамента полиции. Кроме того, о существовании масонов в России и их подрывной деятельности чуть ли не каждый день напоминала правительству национально-консервативная печать. Однако реагировала власть и, в частности, Департамент полиции на все это вяло.

И дело тут было не в обычной для нашей страны нехватке сил и средств, а скорее в весьма двусмысленной позиции в этом вопросе самих верхов и, в частности, императора Николая II. Ведь практически все его заграничные родственники сплошь и рядом состояли в масонских ложах и открыто покровительствовали ордену. Не лучшим образом обстояли дела и с родственниками царя внутри России. Великий князь Александр Михайлович состоял членом французского ордена филалетов и даже возглавлял накануне 1917 года одну из его лож в Петрограде. Великие князья Николай и Петр Николаевичи, великий князь Георгий Михайлович (1869—1919) были членами опять же французского ордена мартинистов. Все они были сторонниками легализации масонства в России¹, правда, не политического, как «Великие Востоки» Франции или Италии, а масонства, так сказать, традиционного, религиозно-нравственного, как в Англии, Германии, Дании или Швеции.

И не только они. Идея использования масонства, правда, не для освобождения России от самодержавия, о чем мечтали наши либералы этого времени, а в целях его дальнейшего упрочения, можно сказать, витала в проправительственных сферах России начала XX века. Характерный пример — публикация 5(18) августа 1907 года в близкой к правительству газете «Новое время»

¹ Сержов А. И. История русского масонства. 1845—1945. СПб., 1997. С. 88—89.

ее редактором А. С. Сувориным своей статьи на эту тему. «В настоящее время, — заявил он здесь, — я хочу основать масонскую ложу со всеми ее порядками и обрядностью. Обрядность — великая вещь. Без нее не существовали бы церкви. Масонские ложи, насколько мне известно, запрещены, хотя это несправедливо в такое время, как наше, когда существует множество тайных и явных обществ, вред которых доказан превосходно... Я говорю серьезно. Масонство нужно было бы для объединения русских людей, только русских, с исключением всего того, что не русское.

Программа русского масонства должна быть по возможности лишена всего того, что называется политикой, и в особенности должна быть заклтым врагом политиканства и партийности... Русское масонство должно бы заниматься подбором русских людей на всякую деятельность и следить за их честностью, трудолюбием и развитием способностей. Оно должно было бы облегчить всякую активность, инициативу и брать на себя хлопоты для проведения в жизнь всего полезного, доброго и производительного»¹.

Дело в том, поясняет далее свою мысль А. С. Суворин, что русские люди в последние годы начинают чувствовать себя в «Русском Царстве» не очень уютно. «Какое бы дело ни делалось, даже русский руководитель сейчас же осаждается рекомендациями взять себе в помощь инородцев, преимущественно евреев. Они — подрядчики, они — адвокаты, они сочинители проектов, они — помощники министров. Печать, адвокатура, торговля, все либеральные профессии пополняются нерусскими людьми. Слово «русский» высмеивается прибавкой «истинно». Патриотизм называется «мерзостью». Сами русские люди в своем увлечении политическими партиями и в своей стыдливости не прослыть черносотенцами действуют в пользу «угнетенных» евреев»².

¹ Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма 1904—1908 гг. М., 2005. С. 703—704.

² Там же. С. 705.

Масонство, предупреждает своих читателей А. С. Суворин, все равно придет в Россию. И, придя, непременно возьмет в свои руки «все то, что должно бы оставаться в русских руках и русским умом сделано». Легализация масонства в России и объединение в его рамках всех национально мыслящих русских людей, вне зависимости от их партийной принадлежности и политических пристрастий, помогла бы, по его мнению, избежать этой опасности. Конечно же, как и у великих князей, речь у А. С. Суворина идет не о политиканствующем западном масонстве вроде «Великого Востока Франции», а о той якобы «чистой, гуманистической» его струе, которая «привлекала к себе в XVIII и первой четверти XIX века лучших русских людей». Теперь, продолжает свою мысль А. С. Суворин, масонство на Западе серьезно изменилось, «стало международным, попало в зависимость от евреев и обратилось в политическую партию. Я говорю, — подчеркивает А. С. Суворин, — не о партии, а о той общности государственных, нравственных, бытовых и материальных интересов русских, которая должна их связывать помимо политического настроения и его оттенков...»¹. Если уж такой консерватор, как А. С. Суворин, заговорил о том, что помимо масонства «плохого», т.е. политического, существует еще и масонство «хорошее», нравственное, которое и следует легализовать в России, то что уж говорить о других, менее сведущих в истории масонства и к тому же не столь искушенных, как он, в политике людей.

Неудивительно, что запутался, в конце концов, в масонской паутине и сам Николай II, получивший в начале XX века самое настоящее посвящение в ордене мартинистов. А ведь мартинисты — те же масоны. Сохранились воспоминания об участии Николая II в спиритических сеансах, когда, стоя в центре очерченного медиумом магического круга, призванного предохра-

¹ Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма 1904—1908 гг. С. 706.

нить его от воздействия темной потусторонней силы, царь благоговейно внимал посланиям из загробного мира своего отца императора Александра III. Рассчитывать в создавшейся ситуации на какие-то особые успехи в борьбе с масонством официальных структур не приходилось, хотя на легализацию масонства в России правительство все же не пошло: слишком уж очевидна была в обстановке кануна революции нелепость этой затеи.

В целом же и в правительстве, и в широких общественных кругах России начала XX века преобладало мнение о надуманности масонской проблемы. «Масонский вопрос, — отмечал в 1912 году И. К. Антошевский, — вопрос не только исторический, экономический или социальный; но в России еще и политический. В России, где масонство официально запрещено, оно является в глазах публицистов и политиков известного толка вмес- тилищем всяческих ужасов, гидрой революции, социализма, неверия и пр., и пр. На самом деле все вопли о масонском засилье в России просто нелепы. Правда, масонство в России существовало, но опыт прежних лет показал неспособность русской интеллигенции к планомерной организации и строгой дисциплине. Русское масонство если и возродится, то, во всяком случае, не скоро, но лишь тогда, когда массы проникнутся сознанием его необходимости»¹.

Как же он ошибался! Если, конечно, действительно «ошибался», а не сознательно, как это принято у масонов, вводил своих читателей в заблуждение. Ведь только т.н. политических масонов в России насчитывалось в это время по самым скромным оценкам свыше 400 человек!² Но ведь наряду с масонством политическим были в России начала века еще и ложи традиционного т.н. «иоанновского» масонства, не говоря уже о многочисленных кружках и группах откровенно мистического толка. Одних толь-

¹ Антошевский И. К. Масонство в Польше // Изида. Журнал оккультных наук. 1912. № 4 (январь). С. 25.

² Старцев В. И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 110.

ко спиритических кружков в 1909 году в России насчитывалось не менее 2 тысяч¹.

Конечно же, перечислить здесь всех или хотя бы небольшую часть масонов и оккультистов едва ли возможно. Достаточно сказать, что в опубликованном в 1992 году С. Ф. Ивановой «Списке лиц, принадлежавших или же подозреваемых в принадлежности к российскому масонству начала XX века» насчитывается 431 фамилия². Поэтому ограничимся здесь перечнем только деятелей культуры начала XX века, подозреваемых в прикосновенности к масонству: А. В. Амфитеатров, Г. В. Адамович, М. А. Алданов, Л. Н. Андреев, Е. В. Аничков, К. И. Арабажин, М. П. Арцыбашев, Андрей Белый (Б. Н. Бугаев), А. Н. Бенуа, И. Я. Билибин, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, В. В. Вересаев, В. И. Вернадский, М. А. Волошин, Г. И. Газданов, З. Н. Гиппиус, А. М. Гликберг (Саша Черный), Максим Горький (А. М. Пешков), Р. Б. Гуль, А. К. Дживилев, М. В. Добужинский, Н. Н. Евреинов, Вяч. И. Иванов, А. А. Кизеветтер, В. О. Ключевский, М. М. Ковалевский, В. Г. Короленко, А. П. Лозинский, И. С. Лукаш, Л. Д. Любимов, С. К. Маковский, К. В. Мочульский, В. В. Муйжель, П. М. Невежин, Вас. И. Немирович-Данченко, П. А. Нилус, великий князь Николай Михайлович Романов, Д. Н. Овсянко-Куликовский, М. А. Оцуп, Е. П. Пешкова, П. П. Потемкин, В. А. Пяст, М. В. Сабашников, Б. В. Савинков, В. И. Семеvский, С. Н. Сергеев-Ценский, С. Г. Скиталец (Петров), М. Л. Слоним, Ф. К. Сологуб, П. А. Сорокин, А. И. Сумбатов-Южин, Е. В. Тарле, В. А. Теляковский, Ю. К. Терапиано, М. И. Терещенко, А. Н. Толстой, Е. Н. Трубецкой, И. И. Тхоржевский, А. М. Федоров, М. А. Чехов, Марк Шагал, П. Е. Щёголев³. Итого 65 человек!

¹ Быков В. П. К чему мы пришли. // Спиритуалист. Вестник спиритуализма и его философии. Ежемесячный журнал. 1912. № 1—2. С. 5.

² Из глубины времен. Альманах. Под ред. А. В. Островского. Вып. 1. СПб., 1992. С. 182—187.

³ Список Сахарова. Русские писатели, художники, актеры, философы, историки, числившиеся в масонских ложах в первую треть XX века. // Сахаров В. И. Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII — нач. XIX в. М., 2000. С. 208.

Так что при всем уважении к И. К. Антошевскому приходится признать, что «вопли», как он изящно выразился, «публицистов и политиков известного толка» о масонской угрозе России были не так уж обосновательны. А вот уверения самого Антошевского о полном якобы отсутствии каких-либо масонских лож в его время в России, по меньшей мере, выглядят странными. Впрочем, не будем слишком строги к И. К. Антошевскому. Масонского присутствия в России стараются не замечать и многие профессиональные историки. Значение масонского фактора в общем раскладе политических сил накануне и в ходе Февральской революции 1917 года было так мало и ничтожно, уверял, например, в 1990 году своих читателей А. Я. Аврех, что историки имеют полное право сбросить со счетов русское политическое масонство за последние 10 лет существования царизма¹.

Автор этих строк держится в этом вопросе совсем другого мнения. Более того, особенностью авторского замысла данной книги как раз и является включение в нее сведений не только о масонских мастерских т.н. политической направленности (многое здесь уже известно историкам), но еще и о целом ряде мистических орденов, а также кружков и братств религиозно-нравственного характера (о них известно куда меньше), видевших свою очередную задачу не в борьбе за «освобождение» России, а в овладении «тайным знанием», в добрых делах и в работе над своей собственной душой. Конечно же, это во многом осложнило нашу работу, однако результат ее, как надеется автор, стоит того.

Сразу же отметим, что разоблачение масонства и оккультизма не входило в нашу задачу. Скорее уже наоборот. Дело в том, что некоторые исследователи, увлекшись обличением и бичеванием масонства, явно хватают через край. *«Подобно идеологии фашизма, — пишет, например, профессор О. А. Платонов, — масонская идеология должна быть объявлена вне закона, а ее носители подвергаться суровому уголовному преследованию.*

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 339.

Масонские ложи и близкие к ним организации вроде клубов «Ротари» или «Пэн-клубов» должны быть справедливо приравнены к фашистским организациям и запрещены»¹. Некорректность приравнивания О. А. Платоновым масонства к фашизму очевидна. Вызывает возражения и его призыв подвергнуть суровому уголовному преследованию всех «носителей масонской идеологии». Ведь преследовать их, и сурово, О. А. Платонов предлагает не за какие-то конкретные преступления, а за «идеологию», которой они придерживаются, то есть за их образ мыслей. Все это мы, как говорится, уже проходили. Да и кто в нашей стране стал бы их преследовать?

Конечно же, материала для вывода об отрицательной в целом роли масонства в нашей истории и его критики у нас более чем достаточно. Однако критика эта не должна превращаться в огульное поношение его, своеобразный с позиций сегодняшнего дня суд над ним. Ведь историк все-таки еще не судья, не прокурор и не государственный обвинитель. Позиция так называемого «спокойного» историка в этой ситуации куда более уместна. В начале XX века в России действовало великое множество самых различных масонских и парамасонских интеллигентских религиозно-мистических сообществ, и слишком категоричные суждения о них, по крайней мере, на данной, во многом предварительной стадии их изучения, едва ли уместны, тем более что отношение самой власти к масонским и парамасонским сообществам, как показывает обращение к источникам, было в то время довольно-таки противоречивым и не всегда однозначным.

Собственно, раскрытию этой противоречивости и неоднозначности в рамках общей темы «Масоны, власть и общество в России в начале XX века» и посвящено основное содержание данной книги. Много места отведено в ней также персоналиям и конкретике духовных исканий русской интеллигенции, которые как раз и являлись, да, собственно, являются и сегодня, питательной средой для возникновения разного рода масонских и пара-

¹ Платонов О. А. Россия под властью масонов. М., 2000. С. 79.

масонских структур. Третья тема данной книги — характерная для целого ряда масонских и парамасонских сообществ практика своеобразного «обволакивания» власти, а в конечном счете и непосредственного вхождения в нее (политическое масонство).

Ведь, что бы там ни говорили нам сегодня адепты вольного каменничества в его пользу, факт остается фактом: открытая политика совсем не в духе этого сообщества. Скорее напротив: во все времена и во всех странах братья масоны всегда стараются держаться прямо противоположной тактики и действуют из закулисы, не афишируя своих истинных намерений.

Другими словами, изучение истории масонства исподволь выводит нас на другую, не менее интересную и тесно связанную с ним проблему — проблему тайной власти в современном мире. В самом деле, поверить в то, что формальные лидеры тех или иных государств (президенты, премьер-министры, депутаты, лидеры политических партий) как раз и являются теми, кто действительно творит историю, зная реалии нашей жизни, нелегко. Даже если речь идет о политиках крупных, нерядовых, все равно трудно отделаться от впечатления, что и они всего лишь орудие в руках тех, кто за ними стоит. Крайне любопытны в этом плане строки, относящиеся к 10 декабря 1942 года, из письма советской писательницы Ольги Форш к Всеволоду Иванову, посвященные ее размышлениям о личности Адольфа Гитлера. «...Мне помнится, — писала она, — Штейнер (немецкий теософ и масон. — В. Б.) ругал русских свиней, нуждающихся в пастухе; где-то там в теософических кругах родился и воспитан этот истерик-марионетка Гитлер, за спиной которого стоят... не теософы ли? Это ужасно интересно»¹. Ну, если даже все-таки сильный фюрер Адольф Гитлер в глазах советской писательницы — материалистки и атеистки Ольги Форш — был всего лишь «марионеткой» в руках неких тайных сил оккультно-масонского толка, то что тут говорить о других государственных деятелях современного мира куда более мелкого пошиба.

¹ Иванов Всеволод. Дневники. М., 2001. С. 216.

«До сих пор, — пишет в связи с этим известный петербургский историк А. В. Островский, — преобладает мнение, будто бы действующие на политической авансцене исторические персонажи являются теми, кто располагает реальной властью в обществе. При этом мы совершенно забываем о том, что по законам сценического искусства даже главные герои руководствуются уже готовым сценарием, что кроме артистов, действующих на сцене, кроме сценариста есть еще режиссер-постановщик и хозяин театра, которые если и появляются на сцене, то лишь в случае успеха. Между тем именно в их руках находится и выбор репертуара, и подбор труппы, и режиссерское исполнение авторского замысла.

Одно из отличий политической сцены от театральной заключается в том, что авторы политических сценариев, политические режиссеры-постановщики, продюсеры и импресарио, как правило, не указываются на афишах и не любят выходить на сцену даже под шум оваций. Именно поэтому мы обычно не знаем реальных хозяев общества и не понимаем механизма реальной власти. Постановка вопроса о масонах является попыткой заглянуть за кулисы видимой власти. Даже в том случае, если мы не обнаружим там масонов или же если окажется, что масоны представляли собою ту же сценическую труппу, только первого состава, выступающую для избранной публики и только ей известную, все равно изучение того, что происходило в дореволюционной России за кулисами видимой власти, за кулисами политических партий и революционного движения, имеет принципиальное значение, и изучение этого исторического пласта, способное перевернуть многие наши нынешние представления, можно только приветствовать»¹.

Сказанного достаточно, чтобы уяснить причины популяр-

¹ Островский А. В. От редакции. Послесловие к статье С. Ф.Ивановой «Что скрывается за масонской проблемой?». // Из глубины времен. Альманах. Вып. 1. СПб., 1992. С. 173—174.

ности темы тайных сил, как в русской¹, так и в мировой² истории. Однако тайные силы — это не одни только масоны. Не последнюю роль в деятельности закулисы всегда играли и играют финансовые крути или, проще говоря, большие деньги. Однако и власть денежного мешка, финансовой олигархии оказывается зачастую бессильной перед силой незримых корпоративных связей, которыми буквально окутана элита современного общества и благодаря которым оно, в сущности, сегодня и держится. Собственно говоря, потребностью общества в существовании и налаживании таких корпоративных связей и объясняется живучесть и триумфальное шествие масонства в мире на протяжении столетий.

В последние годы, наряду с масонами и финансистами, к тайным силам, которые якобы и управляют современным миром, некоторые исследователи начинают относить еще и спецслужбы. *Итак, — констатирует в этой связи А. Е. Виноградов, — крупный капитал, масоны и спецслужбы — вот таинственный треугольник, именуемый ныне «мировой закулисой». Внутри этого треугольника и идет непрекращающаяся борьба различных центров влияния, но происходит и процесс консолидации. Как бы то ни было, все стороны этой фигуры имели огромное влияние на ход истории в XX веке»³.*

Причастность вольных каменщиков практически ко всем значительным потрясениям в мире на протяжении последних трех столетий приводила и приводит к широкому общественному движению против масонства, причем в борьбе с ним противники его никогда не стеснялись в средствах, приписывая ему всевозможные преступления против человечества, начиная от обвинений в сатанизме⁴, поклонении дьяволу и кончая атомной

¹ Бегунов Ю. К. Тайные силы в истории России. Изд. 4. М., 2000.

² Шмаков А. С. Международное тайное правительство. М., 1912. Из современных работ на эту тему см.: Платонов О. А. Почему погибнет Америка. Тайное мировое правительство. М., 1999.

³ Виноградов А. Е. Тайные битвы XX столетия. М., 1999. С. 6—7.

⁴ Шабельская Е. А. Сатанисты XX века. Изд. 2-е. М., 2001.

бомбой, сброшенной в августе 1945 года на Хиросиму и Нагасаки по приказу тогдашнего американского президента масона Гарри Трумэна¹.

Конечно же, в поддержку версии существования масонского заговора против России всегда высказывались и высказываются люди, как правило, консервативных взглядов. Но не только. Дело в том, что революционные события 1917 года, приход к власти большевиков и их богоборческая политика настолько поразили воображение современников, что не только православные монархисты, но и люди, казалось бы, вполне светских и даже либеральных убеждений, как, например, бывший командующий Юго-Западным фронтом в годы Первой мировой войны генерал А. А. Брусилов, склонялись к тому, чтобы рассматривать случившееся в свете «всемирной борьбы антихристианской», связанной со стремлением неких тайных сил «уничтожить весь свет Христов во имя тьмы сатанинской». *«Кто-то верно заметил, — отмечал он, — что большевики очутились в тесной прихожей того большого антихристианского движения, которое ими руководит, и они сами не знают, кто дает им директивы. Не знаю и я, масоны это или сам сатана! Я понял только теперь вполне, как прав был Сергей Нилус², как глубоко и верно судил Шмаков³, предупреждая нас об опасности»⁴.*

К сожалению, верная в принципе мысль о неслучайности общественных катаклизмов (войны, революции) и связи их с процессами дехристианизации, секуляризации, а теперь уже, с конца XX века, и глобализации современного мира заводит

¹ Платонов О. А. Россия под властью масонов. М., 2000. С. 77. Гарри Трумэн, подчеркивает О. А. Платонов, отдавая свой «чудовищный приказ», руководствовался при этом своими масонскими принципами.

² Нилус С. А. Близ есть, при дверех. О том, чему не желают верить и что так близко. Сергиев Посад, 1917. См. также: Нилус С. А. Близ есть, при дверех. О том, чему не желают верить и что так близко. СПб., 1997.

³ Шмаков А. С. Еврейский вопрос на сцене всемирной истории. М., 1912; Он же. Свобода и евреи. М., 1906.

⁴ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 344.

некоторых исследователей настолько далеко, что проискамы якобы непременно стоящих за всем этим темных антихристианских сил, передовой отряд которых собственно и составляют братья масоны, они готовы объяснить едва ли не все несчастья, которые обрушивались на человечество и, в частности, на многострадальную Россию на протяжении последних столетий.

Показателен в этом плане труд русского эмигранта Григория Васильевича Бостунича (Георгий Вильгельмович Шварц) «Масонство и русская революция» (впервые опубликован в 1921 году в городе Нови-Сад (Югославия) и переиздан в 1995 году в Москве), так как масоны у него оказываются виноватыми буквально во всем. *«Это они, — пишет он, — руками фанатика Кромвеля произвели Английскую революцию 1649 года, в результате которой евреи, получив в Англии равноправие, сделали страну базой для дальнейшего еврейского наступления на мир, а сами заделались лордами, как Дизраэли-Биконсфильд или вице-король Индии еврей Риббинг.*

Это они на масонском конгрессе в Вильгельмсбаде в 1785 году выработали план так называемой «Великой французской революции», в точности ими потом и выполненный во время кровопускания христианской Франции с 1789 по 1799 г. От этой «великой» революции в выигрыше остались одни только евреи. Все без исключения позднейшие после Наполеона перевороты во Франции произведены ими и только ими. Это они предали Францию Германии в 1870—1871 гг. Вовсе не пресловутый «немецкий школьный учитель» победил французов, а французские масоны, свергнув вышедшего из их повиновения Наполеона III, заодно раздавили и свою «родину».

Это они устроили Парижскую коммуну 1871 года, программно намечая будущий «русский опыт». Это они, воспользовавшись национальным подъемом Италии, под флагом объединения страны, руками Гарибальди и духом Мадзини — двух опаснейших масонов, ударили по Риму, не как столице, нет, а как местопребыванию ненавистного им папы... Это они

через своих агентов: немецкого канцлера Бетман-Гольвега и австрийского Эрцбергера вызвали мировую войну 1914 г., имея намерение в огне ее свалить все европейские троны»¹.

По полной программе выдает Г. Бостунич масонам и за их «преступления» против России. Это они, пишет он, «руками русского авантюриста Григория Орлова» (видимо, все же Алексея. — В. Б.) задушили в 1762 г. императора Петра III и убили в 1801 г. его сына императора Павла I.

Они же, продолжает Г. Бостунич свой мрачный перечень масонских «преступлений», «пытались взять в свои руки» императора Александра I, бывшего масоном 3-й степени посвящения, но, к счастью, подчеркивает он, политика эта не удалась и ложи в конце концов были все-таки закрыты, хотя «два злых гения у его трона масоны Магницкий и Сперанский продолжали вкладывать палки в колеса государственного механизма, пока кроткий светлый царь не выдержал и не ушел в скит старцем Федором Кузьмичом»².

Восстание декабристов, по Г. Бостуничу, опять-таки было подготовлено и осуществлено масонами. Они же втянули Россию в неудачную Крымскую войну 1853—1855 гг. и умертвили императора Николая I при помощи врача-масона. Причастны они и к убийству Александра II и даже к смерти «царя-миротворца» Александра III, умершего, как известно, от нефрита. Однако у Бостунича своя версия случившегося. В 1894 г., пишет он «в Ливадию к больному императору был вызван знаменитый московский терапевт Захарьин (Григорий Антонович (1829—1897). — В. Б.), масон-еврей с такой подкупающе благозвучной русской фамилией (по матери — Гейман, дочь еврея-аптекаря из Вильно»³. — В. Б.). Лекарство он привез с собою, и ясно, какого рода это было «лекарство». Отравив царя, Захарьин с са-

¹ Бостунич Г. Масонство и русская революция. М., 1995. С. 72—73.

² Там же. С. 74.

³ Дронов И. Е. Сильный, державный. Жизнь и царствование Александра III. М., 2006. С. 583. Прим. 2.

танинской гримасой следил за действием своего «лекарства» и вдобавок захотел еще насладиться моральными муками своей незащитной жертвы. На вопрос пришедшего в себя царственного страдальца, вопрос, естественно, заданный при виде наклоненной зверской головы, — «Кто ты такой?», Захарьин тихо, с особой интонацией ответил: «Я еврей». Когда государь громко переспросил, Захарьин обернулся к присутствующим и холодно произнес: «Его Величество бредит». А затем опять дьявольски прошептал умирающему: «Вы приговорены к гибели»¹.

Масоны же, по Г. Бостуничу, втавили Россию в войну с Японией и организовали ее поражение, потому что *«только неудачная война может в здоровой земледельческой стране, как Россия, с ее тогда железным курсом рубля, вызвать революцию. А когда Куропаткина убрали и реорганизованная Линевичем армия грозила свести на нет все японские победы, то масон граф Витте убедил Николая II в необходимости «пойти на встречу общественности» и заключить позорный для России Портсмутский мир. Он же вырвал у Николая II масонскую конституцию 17 октября 1905 года. Масонскую потому, что она противоречила интересам России. Россия, конечно, нуждалась в реформах, но в духе ее исторических путей, Иоанном Калитой и Алексеем Михайловичем с его земскими соборами предначертанных, а не в стиле еврейской четыреххвостки и облегчающих масонскую пропаганду свобод. А когда сам Витте, как слишком много знавший, стал опасен и для своих (опасались, что он проболтается в мемуарах) — его попросту убрали»*².

И уж конечно, именно они, масоны, на 99% «сделали» русскую революцию. Оставшийся один «немасонский» процент составили, по мнению Г. Бостунича, «честные дураки»³.

Теоретической основой изысканий Г. Бостунича на масонскую тему является, с одной стороны, не всегда правомерное с

¹ Бостунич Г. Масонство и русская революция. С. 215.

² Там же. С. 77.

³ Там же. С. 81.

точки зрения серьезного историка смешение масонства и еврейства, а с другой — слепая, можно сказать, вера в существование так называемого мирового заговора неких тайных сил против всего христианского мира и России в частности. Во главе этого заговора у него опять оказываются евреи.

«План завоевать весь мир, — пишет Г. Бостунич, — исконная мечта евреев, но это невозможно без порабощения $\frac{1}{6}$ его части, т.е. России. Отсюда вывод: сперва надо справиться с Россией. И план завоевания России еврейством умные головы предвидели давно. Недаром еще в 60-х годах поэт-окультист А. Н. Толстой сказал свое вещее слово: «За двести миллионов Россия жидами взята — за тридцать серебряных денег они же продали Христа».

И печальные события, свидетелями или невольными статистами которых мы были, воочию показали нам (за исключением духовных слепцов), что вся русская «великая и бескровная» революция как по нотам разыграна по планам интернационального воинствующего еврейства и является осуществлением их заветной мечты — поработить весь мир, а нас — христиан — сделать своими рабами. Т.е. русские люди, которые принимали кровавое и преступное участие в разрушении своего собственного дома, в тех случаях, когда они не были просто шабесгоями, т.е. продавали себя еврейскому золоту, являлись только слепыми фанатиками и в качестве таковых были только послушным орудием в руках тех же, хитро, из-за кулис кровавой сцены, руководивших ими евреев. Вся революция — еврейское дело, либо в виде прямой работы евреев, либо в виде использования ими и русских Маниловых, и русских Ноздревых, и русских Пугачевых.

План порабощения евреями мира очень стар. Датируется он еще от дней царя Соломона. Современное сионистское движение — только реализация планов великого еврейского царя. Политический план мирного завоевания для Сиона Вселенной составлен был царем Соломоном с другими иудейскими мудрецами еще за 929 лет до Р. Х. и впоследствии только варьиро-

вался при учете тех или иных исторических событий и детализировался»¹.

Предвзятость суждений Г. Бостунича о евреях и масонстве, казалось бы, очевидна. Однако согласны с этим не все. И чтобы убедиться в этом, далеко, как говорится, ходить не надо.

«Масонство, — читаем мы в брошюре уже современного автора, московского профессора О. А. Платонова, — во всех его проявлениях — тайное преступное сообщество, преследующее цель достижения мирового господства на началах иудаистского учения об избранном народе... Масонство всегда было злейшим врагом человечества, тем более опасным, что пыталось свою тайную преступную деятельность прикрыть завесой лживых рассуждений о самосовершенствовании и благотворительности»².

И хотя список масонских «преступлений» против России и человечества у О. А. Платонова несколько отличается от списка Г. В. Бостунича, в общей оценке явления и, что самое важное, в понимании его глубинной сущности они во многом сходятся. «История масонства в России, — пишет О. А. Платонов в одной из своих последних работ, — это история его преступлений против России. Трудно назвать крупное историческое событие в нашей стране начиная с середины XVIII века и до сегодняшних дней, где так или иначе не принимали бы преступное участие вольные каменщики»³.

О популярности книг О. А. Платонова ходят легенды, причем особый интерес они вызывают, и это стоит подчеркнуть, у обывателей, людей, как правило не искушенных в тайнах кухни «исторического знания» и плохо представляющих себе, как и с какой целью создаются такие труды. Рассчитывать на критическое восприятие ими книг, которые они читают, не приходит-

¹ Бостунич Г. Масонство и русская революция. С. 127—128.

² Платонов О. А. Россия под властью масонов. М., 2000. С. 75.

³ Платонов О. А. «Тайна беззакония»: иудаизм и масонство против христианской цивилизации. М., 2004. С. 356—357.

ся. Большой интерес представляет в этой связи целая поэма на масонскую тему, принадлежащая перу некоего А. Тарасова.

«У меня, — пишет он здесь, — возникал вопрос за вопросом: ну почему, почему

Уж почти два столетия беды, напасти ложатся на нашу страну?
В истории нашей страны революции, убийства российских царей,
Войны, ГУЛАГ, а еще перестройка, как наказание прошедших дней.
Россия, богатая наша страна, а люди живут прозябая.
Не потому же, что Богом дана нам эта участь такая.
Почему с годами все хуже и гаже несчастное наше житье?
Но вот показали мне книгу однажды. Климов автор ее.
Листал эту книгу не более часа. Но, пролистав, как прозрел.
Понятны мне стали причины несчастий и наш незавидный удел.
В той книге показана документально история нашей страны.
Совсем по-другому, иначе, чем в школе, учить ее были должны.

А месяц спустя, совершенно случайно, книгу другую себе приобрел.
Семьсот в ней страниц. Ее автор Платонов. Я в ней подтверждение
фактов нашел.

Подтверждение фактов, что были у Климова в книге приведены.
Прочтите ее, она не оставит равнодушными Ваши умы.
Она говорит о масонстве в России, про масонские тайные ложи.
О том, как они разрушают страну, что нас, безусловно, тревожит.
Что знает простой человек о масонах? Почти иль совсем ничего.
А ведь сейчас от них, между прочим, зависит судьба его.
Они в нашей многострадальной России могущественны и сильны.
И могут уже играть своевольно судьбою нашей страны. <...>

Масоны у нас появились в России аж в тысяча семьсот тридцать
первом году.

И их появление скромное, тихое, казалось, не предвещало беду.
Они открывали масонские ложи, куда приглашали известных людей.
Тогда было модно считаться масоном, носиться с букетом прекрасных
идей.

Среди документов, что в книге даны, меж тех, что приводит Платонов,
Есть списки фамилий различных времен, три огромных списка
масонов.

В первом из них среди многих фамилий Вы найдете знакомые быстро.
Вы их изучали еще в средней школе и знаете как декабристов.
Они собирались военной силой изменить государственный строй.
За такие дела не только в России платили своей головой.
Их тайные общества были разгромлены. На каторгу кто-то пошел.

А кто-то в тюрьме или ссылке далекой печальный конец свой нашел.
 Про общества эти писали тогда в своих стихах Грибоедов и Пушкин.
 А в школе про них говорили всегда, калеча наивные детские души,
 Что это, мол, тайные были кружки первых революционеров.
 Они за идеи на каторгу шли, тому есть немало примеров.
 Здесь правда и ложь воедино слились. Да. На каторгу шли за идеи.
 Но в этих идеях тайна была. Ей только евреи владели.
 Та тайна открылась, когда девяносто и два года еще пролетело.
 И в семнадцатом, в новом столетье уже, завершилось масонское дело.

В списке втором у Платонова также много фамилий, неспорно.
 Это все те, кто готовил масонам Октябрьский переворот.
 Там есть и князья, и бароны, и графы, и генералы там тоже есть.
 Чиновники самых высоких рангов. Все те, кто масонам продал свою
 честь.

И мы воочию сами видим, когда этот список в руки берем:
 Вся верхушка царской России стала масонской пред Октябрем.
 Что с ними случилось? Судьба их плачевна. Когда свершился переворот,
 То на буржуев пошел с топорами голодный и озверелый народ.
 Кто-то смог бежать за границу. А у других был удел не таков.
 В то дикое время известные лица пали от рук большевиков.
 Иным удалось избежать опалы. Другие погибли в застенках ЧК.
 Но все потеряли свои капиталы, покрылись позором они на века.
 Вот тут приоткрылась масонская тайна. Коль масон был еврей, он в
 гору пошел,
 А коль не еврей, то хоть был он масоном, то он могилу иль ссылку
 нашел.

Задачу свою он выполнил, тропу протоптал евреям.
 А если он больше не нужен, убрать его поскорее.
 Масоны в Генштабе время зря не теряли. Из-за них дивизии полетли.
 Они предавали и продавали, вредили армии как могли.

В этом же списке другие масоны: Троцкий, Зиновьев, Янкель Свердлов,
 И даже Ульянов, который Ленин, тот, что вождем был у большевиков.
 Самой сильной масонской ложей ложа ленинская была.
 Она под влиянием идей коммунизма много народу к себе привлекла.
 Ленин был лысый, картавый. Коль выгодно — всех продаст.
 Всегда ненавидел Россию. Жид по матери (Бланк), педераст.
 Нет. Вы не ослышались. Верно. Педерастом его я назвал.
 И это не как оскорбление. Я правду при этом сказал.
 Документально доказано. Об этом писали не раз¹.

¹ Тарасов А. Масоны в России. М., 2003. С. 1—4.

Ну, если писали, да еще и не раз, то спорить по этому вопросу, видимо, бесполезно. Отметим лишь, что больше всего о гомосексуальных пристрастиях В. И. Ленина писал в последнее время, причем без ссылок на источники, Г. П. Климов. Надуманность поднятой им «проблемы» очевидна. Более интересен, учитывая еврейское ближайшее окружение В. И. Ленина, вопрос о еврейских предках вождя. Однако и здесь после работ М.Г. Штейна¹, решившего этот вопрос положительно, спорить вроде бы также не о чем.

Другое дело широко распространенная сегодня версия о масонстве В. И. Ленина — степень ученика, полученная им в ложе «Союз Бельвиля» «Великого Востока Франции» перед войной 1914 года. *«Как мы полагаем, — пишет поддержавший эту версию московский историк О. Ф. Соловьев, — вступление Ленина в парижскую ложу объяснялось не приверженностью его к масонству, но стремлением ближе познакомиться с функционированием Великого Востока для возможного использования его приемов парламентской борьбы применительно к отечественной действительности. Иные аспекты деятельности вольных каменщиков ему не импонировали, и он не продвинулся дальше степени ученика, несмотря на подходящие условия. Однако сам факт посвящения им тщательно скрывался, при соблюдении взятых на себя обязательств о неразглашении ничего происходящего в Ордене без согласия руководства», — пишет этот исследователь².*

Естественно возникает законный вопрос: откуда О. Ф. Соловьеву все это известно? Ведь прямых документальных данных, проливающих свет на этот вопрос, у нас нет, ибо архивы ложи утеряны. Но они, эти прямые данные, О. Ф. Соловьеву, оказывается, не очень-то и нужны. *«Наши ученые, — пишет он, — ссылаются на невозможность документально подтвердить данную*

¹ Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997.

² Соловьев О. Ф. Русские масоны от Романовых до Березовского. М., 2004. С. 198—199.

гипотезу. Однако полагаем, что историк, в отличие от юриста, вправе опираться в своих предположениях и на косвенные свидетельства. Он всегда искатель истины, стремящийся из разрозненных данных сделать объективное заключение. А в освещаемом случае такого рода фактов предостаточно*, — утверждает он¹.

Все это было бы хорошо, если бы не одно «но». Дело в том, что «такого рода» косвенных фактов, говоря словами О. Ф. Соловьева, «предостаточно» не только в отношении возможного масонства В. И. Ленина, но и его соратников — всех этих Зиновьевых, Радеков, Бухариных, Пятаковых, Луначарских и прочих. Если встать на точку зрения О. Ф. Соловьева, то выходит, что не так уж и не прав был А. Тарасов, утверждавший в своих «виршах», что «самой сильной масонской ложей ложа ленинская была». Тут есть над чем задуматься не только профессиональному историку, но и рядовому читателю. Впрочем, сразу надо сказать, что вопрос о степени вовлеченности в масонские ложи отдельных большевиков отнюдь не главный в этой книге. Ведь большевики в 1917-м, как мы знаем, только подобрали валявшуюся власть. Свалили же ее совсем другие люди. Вот о них-то и идет у нас речь. *«Вся верхушка царской России стала масонской перед Октябрем»*, — констатирует, отражая современный уровень представлений наших сограждан о существовании проблемы, все тот же А. Тарасов. Можно таким образом констатировать, что при всей неприятияльности его виршей основные «достижения» наших масоноведов постперестроечного времени усвоены им верно. Особенно ценно, что А. Тарасов указывает и на источники почерпнутых им истин о масонстве — это продающиеся сегодня буквально на каждом шагу книги уже упоминавшегося профессора О. А. Платонова и американца русского происхождения Г. П. Климова — автора популярной у нас серии книг «Протоколы советских мудрецов»², «Божий народ»³, «Князь Мира Сего» и др.

¹ Соловьев О. Ф. Русские масоны от Романовых до Березовского. С. 196.

² Климов Г. П. Протоколы советских мудрецов. Краснодар, 1995.

³ Климов Г. П. Божий народ. Краснодар, 2002.

Задачу свою автор этих строк видел, конечно же, не в том, чтобы подтверждать или опровергать О. А. Платонова или Г. П. Климова, хотя прямо надо сказать, что мнения их о масонах как о преступном сообществе он не разделяет. Однако и игнорировать проблему было бы неправильным. Она есть. И дело тут не только в том, что знакомство с историей масонства позволяет нам взглянуть на нашу отечественную историю несколько в ином, чем обычно, свете, более внимательно присмотреться к ряду, казалось бы, уже хорошо известных политических и общественных деятелей. Все гораздо серьезнее. *«Когда русские историки перестанут игнорировать такой важный фактор русской жизни в течение всего периода русской истории, как деятельность русского и мирового масонства и связанных с ним идейно и политических организаций русской интеллигенции, то многие из важнейших явлений русской жизни царствования императора Николая II будут объяснены совсем не так, как объясняли их до сих пор, — отмечал в этой связи Борис Башилов. — В таких важных событиях, как выдача Азефа Лопухиным, отставка (предполагаемая. — В. Б.) и убийство Столыпина, клеветнические слухи о Распутине и царской семье, заговор генералов в Верховной Ставке, создание и провокационная деятельность земских съездов до и во время войны — во всех этих событиях, как и во многих других, играли большую роль русские и иностранные масоны и их слепые орудия — различные течения Ордена русской интеллигенции»¹.*

По-новому, добавим мы от себя, предстает перед нами, с учетом масонского фактора, и история самой русской интеллигенции, ее духовных исканий и политических устремлений. Другими словами, знакомство с историей масонства позволяет существенно обогатить и расширить наше историческое знание, сделать его более объемным.

Что касается версии масонского заговора «сквозь века» с целью захвата власти, то теоретическая слабость его очевидна для

¹ Башилов Б. История русского масонства. М., 2004. С. 1207—1208.

каждого трезвомыслящего человека. *«Этот захват, — справедливо пишет в связи с этим профессор В. Н. Тростников, — еще вилами на воде писан, а если и произойдет, то когда-то в будущем, а человек, дающий клятву служить этой идее (то есть вступающий в масонскую ложу. — В. Б.), живет в настоящем, и неясно, почему мысль о торжестве его далеких преемников может так его воодушевить, что он отказывается ради нее от самого дорогого для человека — своей личной свободы — и беспрекословно выполняет приказы высших по градусу, даже если не понимает их значения. Нет, — заключает В. Н. Тростников, — тут нам подсовывают явную психологическую несообразность».* И предлагает свою версию. Заговор, по его мнению, хотя и существует, но не в материальном, а в духовном плане, и стоит во главе этого духовного, «нематериального» заговора не кто иной, как сам искушитель рода человеческого господин дьявол или Сатана¹. Этой же точки зрения придерживается, судя по всему, и Ю. Ю. Воробьевский, послесловием к книге которого, собственно, и является процитированный нами отрывок из статьи В. Н. Тростникова.

Конечно же, кроме теории есть еще и практика. Но это уже другой вопрос. Что касается теории, то пусть читатель сам решит, какая из этих двух, прямо скажем, фантастических версий истолкования хода истории человечества ему ближе. Отметим лишь, что и та и другая появились далеко не вчера, имеют немало сторонников и породили огромную литературу. Сохраняют они свою популярность и в наши дни. Обстоятельство это, а также широкое распространение в современной России книг и статей на масонскую тему, подобных брошюре Г. В. Бостунича (кстати, тираж ее составляет 10 тысяч экземпляров), конечно же, побуждает нас, историков, задуматься — а все ли мы делаем для того, чтобы путем внедрения в общественное сознание так на-

¹ Тростников В. Н. Услышать стук зла. // Воробьевский Ю. Ю. Путь к Апокалипсису: стук в Золотые врата. М., 1999. С. 325—326.

зываемого «реального знания» и критически проверенных фактов попытаться привить ему определенный иммунитет против разного рода домыслов и спекуляций на масонскую тему? Ответ, я думаю, очевиден.

Возвращаясь к теме «масонского заговора» против России, следует подчеркнуть, что масонство — это хотя и важная, но всего лишь часть огромного айсберга, с которым пришлось столкнуться в начале XX века тяжелому и неповоротливому кораблю русской государственности. В России начала века существовало громадное число и других, легальных, в отличие от масонства, организаций, деятельность которых пусть и медленно, но зато верно подтачивали государственные устои империи. Основная часть этой работы, связанная в первую очередь с дискредитацией самодержавия, православия и традиционных ценностей народа или, говоря другими словами, идеологической подготовкой переворота, развертывалась вне масонских лож. Дело в том, что вопреки распространенному представлению масонство — это не только и не столько сами масонские ложи, а куда более широкое общественное явление, подлинная суть которого ясна далеко не всем. Как своеобразная форма самоорганизации элиты общества, оно включает в себя не только собственно масонские, но и полумасонские структуры. Именно этим и объясняется то внимание, которое уделено некоторым из них в данной работе.

Источники и историография

Быстрота и легкость, с какой рухнула в февральско-мартовские дни 1917 года историческая Россия («слиняла за три дня», по В. В. Розанову), поразительны. В основе своей революция имела, как это уже давно установлено историками, причины социально-экономического и политического характера, обострение которых в условиях тягот военного времени, собственно, и привело к катастрофе.

Именно так и считали долгое время (а многие продолжают и теперь) историки. О роли в свержении самодержавия в России масонского фактора всерьез, по крайней мере в нашей стране, долгое время никто не задумывался, хотя о самом факте незримого присутствия в политической и идеологической жизни страны начала XX века братьев масонов, конечно же, знали.

И дело тут не только в идеологических ограничениях и цензуре, которые существовали в советское время. Большую роль здесь сыграла, вне всякого сомнения, и скудость источниковой базы по теме. Дело в том, что условия, в которых приходилось работать русским масонам начала XX века, были уже принципиально совсем другими, нежели у их далеких предшественников: масонство в стране было уже запрещено. Неудивительно, что первые ложи возрожденного в 1906 году французского масонства в России вынуждены были действовать здесь крайне осторожно и документальных следов после себя старались не оставлять. Рус-

ские масоны, отмечал в своих мемуарах А. Ф. Керенский, «не вели никаких письменных отчетов, не составляли списков членов лож. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и структуре общества»¹. Отсюда характерная особенность источниковой базы² по истории политического масонства в России начала XX века — львиную долю ее составляют позднейшие интервью, воспоминания и переписка самих масонов. Документов, вышедших непосредственно из лож начала века, до нас дошло немного. И все-таки они сохранились.

В 1966 году русский эмигрант Борис Элькин опубликовал в Лондоне факсимиле 11 документов со списками членов первых масонских лож в России периода 1906—1908 годов — «Возрождения» (Москва) и «Полярной звезды» (Санкт-Петербург). Хранились они в архиве Верховного совета «Великого Востока Франции», откуда их и извлек публикатор. Поступили туда они от русских «братьев», судя по всему, в 1908 году в связи с необходимостью официального утверждения «Великим Востоком Франции» только что образованных ими в России масонских лож.

Публикация Бориса Элькина³ позволила установить имена 42 русских масонов первого, так сказать, призыва юрисдикции «Великого Востока Франции». Каких-либо сомнений обнаруженные Б. Элькиным документы у исследователей не вызывают, хотя петербургский историк А. В. Островский и попытался было взять под подозрение их подлинность.⁴ Однако поддержки у ис-

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 62—63.

² Карпачёв С. П. Источники и литература по истории русского масонства конца XIX — начала XX века. // Вопросы отечественной истории и историографии. Отв. ред. В. И. Сучков. М., 1998. С. 74—98.

³ Elkin Boris. Attempts to Review Freemasonry in Russia. // The Slavonic and East European Review. London. July. 1966. Vol. XLIV. № 103. P. 454—472.

⁴ Островский А. В. Осторожно! Масоны! // Из глубины времен. СПб., 1996. С. 168—175.

следователей эта крайняя точка зрения не нашла¹. В 1993 году факсимильное воспроизведение ряда документов, относящихся к учреждению в конце 1906 года первых масонских лож в России, из архива «Великого Востока Франции» осуществил в своей публикации Х. К.-Х. Кайлер².

В 1994 году в архив «Великой ложи Франции» был допущен московский историк А. И. Серков, обнаруживший здесь документацию едва ли не всех эмигрантских лож и все виды их внутреннего делопроизводства³. Большой интерес для историка представляют и пока еще недоступные для исследователя документы русских эмигрантских лож «Великого Востока Франции» в Рукописном отделе Национальной библиотеки в Париже. Из исследователей первой к ним была допущена Н. Н. Берберова. Книга ее, вышедшая в 1986 году на русском языке в Нью-Йорке (*Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986*), по богатству и уникальности собранного в ней материала по праву может быть отнесена к разряду первоисточников по теме. В 1990 году работа Н. Н. Берберовой была опубликована в журнале «Вопросы литературы» (№ 1, 3—7). В 1997 году вышло, наконец, и отдельное издание этой книги в нашей стране с послесловием О.О.Коростелева.

Н. Н. Берберова, либеральная писательница и журналистка, всю свою сознательную жизнь провела в окружении вольных каменщиков и, будучи человеком любопытным, историю русского масонства XX века знала из первых рук. В свою очередь, и масоны питали к ней полное доверие. Свидетельством этого является допущение ее первой среди исследователей по решению Верховного совета «Великого Востока Франции» к хранящимся в Отделе рукописей Национальной библиотеки в Париже архи-

¹ *Старцев В. И.* Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 49—51. В 2001 г. эта работа была переиздана в Санкт-Петербурге, получив при этом и новое, «рыночное» название: «Тайны русских масонов».

² *Keiler H.K.H.* Abriss Freimaurerischen Geschichte in Russland. // *Quatuor Coronati. Jahrbuch.* 1993. № 30. S.166—178.

³ *Серков А. И.* История русского масонства. 1845—1945. С. 21.

вам русских эмигрантских лож. Удивление поэтому вызывают выпады против Н. Н. Берберовой со стороны А. И. Серкова, подающего ее, вне всякого сомнения, полезную и нужную книгу как «написанную для сведения личных счетов» или, говоря его же словами, «образец беспринципной журналистики»¹.

Н. Н. Берберова, доказывает А. И. Серков, специально включила в свой биографический словарь русских масонов начала XX века (666 человек) ряд лиц (А. И. Гучков, Г. Е. Львов, В. И. Вернадский и другие), которые никогда ни в каких ложах заведомо не состояли и состоять не могли². Какие такие личные счета с уже давно покойными русскими масонами могли быть у престарелой либеральной писательницы и журналистки³, восторженно встреченной своими единомышленниками во время посещения ею в 1989 году СССР⁴, — остается только гадать. Но вот относительно того, откуда дует здесь ветер, особенно сомневаться не приходится. Это, как доверительно сообщает нам сам А. И. Серков, покойная ныне Т. А. Осоргина (урожденная Бакунина) и ее окружение, возмущенное якобы грубой фальсификацией истории русского масонства в работе Н. Н. Берберовой⁵.

Особое недовольство, причем не только у Т. А. Осоргиной, вызвала концепция Н. Н. Берберовой, которая сводится, по словам А. И. Серкова, к следующему положению: с февраля 1917 г. масоны делали все для продолжения войны и тем самым играли на руку большевикам, в эмиграции же — способствовали признанию Советской власти.⁶ Возмущение масонки Т. А. Осоргиной концепцией Н. Н. Берберовой понять можно. Можно понять, в

¹ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945. С. 43.

² Там же. С. 23.

³ «Два брата моего отца, племянники, мои двоюродные братья — все были масонами», — признавалась Н. Н. Берберова (Книжное обозрение. 1989. № 35. С. 8—9). Масонами были первый и второй мужья Н. Н. Берберовой — поэт В. Ф. Ходасевич и Н. В. Максеев.

⁴ Вечерний Ленинград. 1989. 18 сентября. С. 3.

⁵ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945. С. 18.

⁶ Там же. С. 43.

конце концов, и самого А. И. Серкова: первым и единственным из современных российских историков, допущенным французскими масонами к своим архивам, был именно он. Только при чем здесь наука?

Пристрастность отзыва А. И. Серкова о книге Н. Н. Берберовой вовсе не исключает, однако, осторожного отношения к зафиксированным в ней фактам истории русского масонства. Особенно это важно, когда речь идет о сведениях, почерпнутых Н. Н. Берберовой не из официальных документов, а из ее частных разговоров с лицами, бывшими в свое время прикосновенными к дореволюционному масонству. Прямо надо сказать: комментарии Н. Н. Берберовой к такого рода сообщениям вроде: «слышано от Горького» или «слышано от В. А. Маклакова» — не слишком убедительны и требуют обязательной проверки.

Попадаются в работе Н. Н. Берберовой и ошибки фактического характера¹. Однако и впадать из-за этого в крайность, как это делает А. И. Серков, тоже не стоит. «Вызывает лишь удивление, — пишет он в своей последней работе, — что даже в отечественных энциклопедических изданиях появляются ссылки на работу Н. Н. Берберовой, что заставляет серьезно задуматься об уровне российской науки, а точнее, той своеобразной мафии от науки, которая контролирует академические институты, научные фонды и издательства»². Мафия в науке или групповщина всегда, конечно, существовала, но какое отношение имело и имеет это обстоятельство к Н. Н. Берберовой? Думается, что никакого. При всем критическом отношении к работе Н. Н. Берберовой игнорировать ее, к чему призывает А. И. Серков, добросовестный историк не вправе.

Камень, о который споткнулся А. И. Серков, — это некритическое восприятие им масонской историографии в собственном смысле этого слова, то есть книг и статей по истории русского

¹ Коростелев О. О. Книга «Люди и ложь» и ее автор. // Берберова Н. Н. Люди и ложь. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С. 387—389.

² Серков А. И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб., 1999. С. 8.

масонства, написанных во Франции самими масонами: «Записка о русском масонстве» Л. Д. Кандаурова, «История русского масонства первой половины XX века» П. А. Бурышкина (1887—1953), а также работы В. Л. Вяземского, Б. Н. Ермолова и К. К. Грюнвальда. Несмотря на внешнюю привлекательность их трудов (широкое использование документов масонских архивов и устных свидетельств братьев, помогавших авторам своими консультациями), характерное для них отсутствие критического подхода к предмету исследования привело к тому, что рассчитывать на научные открытия здесь не приходится. Другое дело — чисто формальная сторона истории русских масонских лож в эмиграции. С этой точки зрения труды братьев масонов имеют, конечно, огромное значение.

К сожалению, только небольшое из написанного в этом плане братьями: работа К. К. Грюнвальда¹, доклад В. Л. Вяземского², небольшие отрывки из остающихся еще не опубликованными работ П. А. Бурышкина³, Л. Д. Кандаурова⁴ и М. А. Осоргина⁵) опубликовано; все остальное — в архивах. За исключением записки Л. Д. Кандаурова, хранящейся в Российском центре хранения историко-документальных коллекций в Москве (ф. 730, оп. 1, д. 173), все они, как правило, разбросаны по библиотекам и архивохранилищам Франции и практически недоступны для отечественных исследователей.

Во многом своему появлению они были обязаны деятельности образованной после войны (1948 год) при Совете объедине-

¹ *Grunwald C. Histoire de la Franc-Maçonnerie en Russie. // Cahiers de Villard de Honnecourt. Cahier V. Paris, 1969.*

² *Вяземский В. Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства. // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. Кн. 161. С. 231—248.*

³ *Бурышкин П. А. Филипп — предшественник Распутина. // Новый журнал. Кн. 40. Нью-Йорк, 1955.*

⁴ *Л. Д. Кандауров о «Великом Востоке народов России». // Вестник Московского университета. Сер. 8 (История). 1994. № 3. С. 77—79.*

⁵ *Осоргин М. А. Доклады и речи. Париж, 1949.*

ния русских лож Древнего и принятого шотландского устава Историко-архивной комиссии. Возглавлял ее П. А. Бурышкин. Сам он взялся было за составление по масонским архивам общего обзора истории русского масонства первой половины XX века. В ходе этой работы, помимо официальной масонской документации, им были использованы воспоминания и консультации ряда братьев. Особый интерес представляет для нас первая часть его труда, посвященная истории русского масонства начала XX века. Работа П. А. Бурышкина не была опубликована. Более того, даже собрать отдельные главы ее, разбросанные ныне по архивохранилищам и библиотекам Франции, как свидетельствует А. И. Серков, далеко не простая задача¹. Как и работа Н. Н. Берберовой, основанная на недоступном пока еще для исследователей архивном материале и устных беседах с братьями, труд П. А. Бурышкина, как, впрочем, и труды его коллег, вполне можно отнести к разряду первоисточников.

Из отечественных архивных фондов большой интерес всегда вызывали и вызывают материалы Департамента полиции в ГАРФ, архивно-следственные дела масонов из архива бывшего КГБ СССР и масонские коллекции, отложившиеся в Особом архиве в Москве (РЦХИДК РФ). Интерес историков к материалам Департамента полиции понятен: кому как не ему было следить за происками масонов? *«Допустить, что Департамент полиции не располагал о них (политических масонах. — В. Б.) никакими сведениями, не представляется возможным, так как в распоряжении Департамента имелась огромная армия провокаторов»*, — справедливо отмечает в связи с этим А. В. Островский². Армия такая у департамента действительно была, и она, конечно же, не дремала. Свидетельство тому — отложившееся в бумагах Департамента полиции 7-томное дело «О масонах». Ближайшее

¹ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945. С. 32.

² Островский А. В. От редакции. // Из глубины времен. Вып. 1. СПб., 1992. С. 174.

знакомство с ним (О. Ф. Соловьев¹, А. Я. Аврех²) показало, однако, что в поле зрения Департамента полиции находилось не политическое, а оккультное масонство — члены разного рода мистических кружков и групп. Никакой угрозы империи они не представляли, и наблюдение за ними было заведомо пустой тратой сил и средств.

Действительно ли Департамент полиции взял ложный след, как думал А. Я. Аврех³, или же материалы слежки за политическими масонами в архиве Департамента полиции все-таки существовали, но были уничтожены после 27 февраля 1917 года заинтересованными лицами, мы не знаем. Не исключено, впрочем, что они разделили судьбу материалов, связанных с появлением и распространением в России так называемых «Сионских протоколов», на что прозрачно намекал в свое время хорошо осведомленный В. Л. Бурцев. *«С весны 1917 года, — отмечал он, — все архивы Департамента полиции находились в распоряжении исследователей, кто не мог быть не заинтересован в разоблачении этой подделки. Сколько нам было известно, некоторые из них специально занимались этим вопросом»*⁴. Интересовались материалами слежки за собой и братья масоны, свидетельством чего является подготовленная в том же 1917 году по материалам Департамента полиции публикация масона П. Е. Щёголева⁵. Так что подозрения на этот счет вполне резонны⁶.

Как бы то ни было, из сохранившихся в Департаменте полиции материалов видно, что многое, правда не из русских, а из

¹ Соловьев О. Ф. Международный империализм — враг революции в России. М., 1983.

² Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990.

³ Там же. С. 337—338.

⁴ Бурцев В. Л. Сионские протоколы. // Общее дело. 1921. 14 апреля. С. 2.

⁵ Щёголев П. Е. Охота за масонами, или Похождения ассессора Алексева. // Былое. 1917. № 4. С. 108—145. См. также в кн.: Щёголев П. Е. Охранники и авантюристы. М., 1930.

⁶ Корнеев В. Е. Документы Департамента полиции о масонах в России. // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 98—128.

французских источников (записки по масонству его секретных агентов в Париже — Б. К. Алексеева (1910 год, напечатаны в публикации П. Е. Щёголева) и Л. А. Ратаева¹ (1911—1914 гг.), о политических масонах Департамент полиции все-таки знал². Не исключены новые находки документов по истории думского масонства и в архивах бывшего КГБ СССР. Первой ласточкой здесь стали использованные проф. Н. Н. Яковлевым в вышедшей в 1974 году книге «1 августа 1914 года» свидетельство масона А. А. Велихова и отрывки из показаний в ОГПУ одного из руководителей русского масонства в дореволюционной России Н. В. Некрасова. В 1998 году масонские показания Н. В. Некрасова были опубликованы в полном виде в журнале «Вопросы истории»³. Ввиду высокого положения Н. В. Некрасова в масонской иерархии — генеральный секретарь Верховного совета «Великого Востока народов России» в 1910—1912 и 1915 годах — показания его (а они достаточно подробны) поистине бесценны для историка.

Курьезными в этой связи выглядят дилетантские попытки ряда исследователей (В. В. Поликарпов⁴, В. М. Панеях⁵), никогда до этого историей масонства не занимавшихся, объявить показания Н. В. Некрасова в НКВД СССР от 13 июля 1939 года «полностью сфабрированными», а саму проблему политического масонства в дореволюционной России — «происками черносотенцев». *«Теперь, в связи с публикацией этой фабрикации* (показания Н. В. Некрасова. — В. Б.), — пишет В. М. Панеях, — *и показом* (В. В. Поликарповым, конечно. — В. Б.) *ее истоков и це-*

¹ Записки Л. А. Ратаева см. в кн.: Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996. М., 1996. С. 630—694.

² Брачев В. С. Царский жандарм — борец с масонами. // Секретное досье. 1998. № 1. С. 50—59.

³ Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов. Публ. В. В. Шелохаева и В. В. Поликарпова. // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 10—48.

⁴ Поликарпов В. В. Вступительная статья к публикации. // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 10—15.

⁵ Панеях В. М. О полемической заметке В. С. Брачева «Возражения критикам». // Клио. 1999. № 2. С. 362—364.

лей, рухнула вся лживая версия о масонском заговоре, а вместе с ней и научная репутация тех исследователей, которые ее поддерживали»¹. Злорадства и апломба у В. М. Панеяха, таким образом, хоть отбавляй. Да и заявка, которую делают гг. В. В. Поликарпов и В. М. Панеях, одним росчерком пера перечеркивающие все достижения как отечественной, так и зарубежной историографии в этом вопросе, весьма и весьма, как видим, серьезна. К ней бы еще хотя бы мало-мальский источниковедческий анализ документа, объявленного ими «фальшивкой». Но ничего этого у В. В. Поликарпова и В. М. Панеяха, конечно же, нет и в помине. Не тот, как говорится, уровень у господ критиков. Зато неприязни к нашему недавнему прошлому и несогласным с ними коллегам в их публицистически-историографических эссе хоть отбавляй. Нет, к сожалению, главного — удовлетворительного владения источниками и литературой вопроса.

«После прочтения введения Поликарпова, — возмущенно писал в связи с этим один из старейших и знающих наших масоноведов либерального толка петербургский профессор В. И. Старцев, — у неискушенного читателя может возникнуть впечатление, что собственноручные показания Некрасова есть единственный источник, доказывающий существование масонства в России, который на самом деле сфабрикован еще в 1939 году, а затем пущен в оборот КГБ»². И далее почтенный ученый чуть ли не на пальцах вынужден доказывать дилетанту В. В. Поликарпову, что это совсем не так, что существует, причем достаточно много, и других источников, причем вполне достоверных.

Но уж коли речь зашла конкретно о собственноручных показаниях Н. В. Некрасова 13 июля 1939 года, то «изюминка» их, и это не секрет для специалистов, как раз и состоит в том, что «они ни в чем не противоречат мемуарам и документам, об-

¹ Панеях В. М. О полемической заметке В. С. Брачева «Возражения критикам». С. 364.

² Старцев В. И. Письмо в редакцию. // Вопросы истории. 1999. № 4—5. С. 173.

наруженным в свободных странах. Сопоставление каждого факта, упоминаемого Некрасовым, с аналогичными материалами, опубликованными или хранящимися за рубежом, показывает полное их совпадение. Это я называю, — подчеркивает В. И. Старцев, — *проверкой его (Н. В. Некрасова. — В. Б.) показаний по первоисточникам*¹. И проверка эта, от которой, по понятным причинам уклонились гг. Поликарпов и Панеях, добавим мы от себя, неопровержимо свидетельствует, что масонские показания Н. В. Некрасова — это не фальшивка КГБ, а вполне полноценный, заслуживающий доверия исследователей исторический источник. Из этого вовсе не следует, что с таким же доверием мы можем относиться ко всем другим показаниям Некрасова следователям НКВД. Напротив, делать этого ни в коем случае нельзя. «Каждое из них, — резонно замечает в этой связи В. И. Старцев, — заслуживает самостоятельного разбора»².

Появление письма В. И. Старцева не было случайностью. Дело в том, что, несмотря на свои демократические убеждения, отношения его с либеральной историографией были далеко не безоблачны. Причем камнем преткновения между ними как раз и являлась масонская тема. Здесь надо иметь в виду, что историки-либералы, вполне солидаризируясь в этом отношении с марксистской историографией, старательно доказывали и доказывают, что никаких масонов в XX веке в России не было, а если и были, то ненастоящие, и сколько-нибудь серьезного влияния на революционные события 1917 года они не оказали. Характерны в этом отношении такие, казалось бы, маститые исследователи, как доктора наук Г. И. Злоказов и Г. З. Иоффе. «В формировании Временного правительства, — пишут они, — определенную роль, возможно, сыграла негласная организация политического масонства, возникшая приблизительно в 1905—1907 годах...»³

¹ Старцев В. И. Письмо в редакцию. С. 174.

² Там же.

³ Злоказов Г. И., Иоффе Г. З. Предисловие. // Из истории борьбы за власть в 1917 году. Сборник документов. М., 2002. С. 20.

Вот так-то, уважаемый читатель. Возможно, политические масоны все-таки сыграли определенную роль в событиях 1917 года, а возможно, и нет. Ничего конкретного по этому вопросу сказать нам господа Злоказов и Иоффе не могут или, вернее, не хотят. В. И. Старцев же, надо отдать ему должное, отkreшиваясь от теории «масонского заговора», говорил, и говорил вполне определенно, о несомненно «большой роли» масонского фактора в «усилении революционной ситуации в конце 1916—начале 1917 г.». Что же касается Временного правительства, то численность масонов в нем, согласно его изысканиям, «непрерывно росла». В целом же период с февраля по октябрь 1917 года характеризуется им как время «наибольшего влияния в России тайного политического союза»¹. Показания Н. В. Некрасова, опубликованные В. В. Шелохаевым и В. В. Поликарповым, только подтвердили наблюдения и выводы, сделанные ранее В. И. Старцевым. Объявление же их публикаторами «фальшивкой» справедливо было расценено им как попытка поставить под сомнение не только результаты его многолетних исследований на эту тему, но и его профессиональную репутацию ученого-историка. Отсюда его резкая и, можно сказать, мгновенная реакция на их публикацию.

Впрочем, и у Б. В. Поликарпова с В. М. Панеяхом нашлись последователи. Так, известный историк Р. Ш. Ганелин убежден, со ссылкой на предисловие В. В. Поликарпова к показаниям Н. В. Некрасова, что тема эта, оказывается, специально была внедрена в 1970-е годы в нашу историческую науку «по секретному и прямому указанию председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова и ген. Ф. Д. Бобкова через голову ведавших идеологией отделов ЦК КПСС и существовавшего при нем Института марксизма-ленинизма и даже вопреки им. Цель состояла в том, чтобы, ввиду поражения официальной идеологии в спорах с диссидентами, изготовить «книги должного направления», помогающие борь-

¹ Старцев В. И. Русское эмигрантское масонство во Франции (1918—1939). // Российское зарубежье. История и современность. М., 1998. С. 41.

бе с «нигилистами», «демократами» и «руссофобами». Возможно, исторические взгляды председателя КГБ и его подчиненного и специфический характер их образованности не приучили их к осторожности в обращении с историей и с масонской темой в частности (ген. Бобков охотно делился своими познаниями в области истории России накануне 1917 г., в том числе и о масонах, хотя даже симпатизировавший ему собеседник-историк считал эти познания «пугающе громадными»), но истинную цену показаний арестованных их ведомством, добытых во время допросов, они не могли не знать. И показания Н. В. Некрасова, деятеля Временного правительства, данные в НКВД в 1939 г. перед расстрелом в 1940 г., со сведениями о масонах были пущены в оборот под видом «рассказов» или «воспоминаний», записанных то ли самим Некрасовым, то ли кем-то с его слов. На эту удочку попались многие, в том числе Берберова, автор книги о масонстве, изданной за границей.

Операция удалась. Масонская тема с середины 70-х годов стала фигурировать в исторической литературе¹, — с огорчением констатирует этот исследователь¹.

Как видим, Б. В. Поликарпов далеко не одинок в своем нигилизме в отношении возможностей использования показаний Н. В. Некрасова как полноценного исторического источника. Более того, близкое знакомство с реалиями постсоветской историографии показывает, что в данном случае мы имеем дело с общим и куда более опасным явлением, заключающимся в навязчивом стремлении ряда демократически, так сказать, ориентированных историков и публицистов, объявив для начала фальшивкой архивно-следственные дела ОГПУ — НКВД СССР², поставить под сомнение источниковую базу официального происхождения так называемого «сталинского периода» русской

¹ Ганелин Р.Ш. О русском фашизме прежде и теперь. // Барьер. 1999. № 1(5). С. 70.

² Аняныч Б. В., Панях В. М. Академическое дело как исторический источник. // Исторические записки. 1999. Вып. 2. С. 338—380.

истории в целом как сфальсифицированную (Н. Н. Покровский¹, И. В. Павлова²).

Оказывается, доверчиво поясняет нам сибирский историк И. В. Павлова, есть источник и источник. Одно дело — источники, отложившиеся в так называемых «свободных» странах. Здесь научный объективизм и следование фактам вполне уместны. И совсем другое дело — источники, отложившиеся в архивах «империи зла», тоталитарного государства под названием СССР. В отличие от западных стран здесь нужен совершенно другой подход, так как мы имеем дело с *«глубоко идеологизированными источниками»*, уже изначально искажающими смысл событий. *«Такого рода искажения, — поясняет она, — заложены в существе тех источников, которые оставляют после себя идеологические государства (идеократии), задающие посредством табуированного языка особое видение событий, соответствующее искаженному сознанию тех, кому эти документы адресованы»*³.

При работе с источниками сталинского периода данные их, рекомендует И. В. Павлова, надо не только проверять и сопоставлять, но еще и подправлять или корректировать «оценкой событий того времени с позиций нравственности»⁴.

«Нравственная позиция историка (в смысле осуждения сталинизма, так как именно об источниках этого периода русской истории идет речь. — В. Б.), — наставляет она, — *имеет первостепенное значение при работе с материалами уголов-*

¹ Покровский Н. Н. Источниковедческие проблемы истории России XX века. // Общественные науки и современность. М., 1997. № 3. С. 96—104.

² Павлова И. В. Интерпретация источников по истории России 30-х годов (Постановка проблемы). // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1999. № 2.

³ Павлова И. В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка. // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 6.

⁴ Там же. С. 15.

но-следственных дел, которые создавались в органах ОГПУ — НКВД»¹.

Субъективизм и произвольность «нравственной оценки прошлого» И. В. Павлову, похоже, не смущают. Идеологическая ангажированность новаций этой исследовательницы очевидна. Налицо не только явная неприязнь к нашему советскому прошлому, но и еще плохо скрытое желание при помощи навязываемого исследователям «категорического нравственного императива» в угоду современной идеологической и политической конъюнктуре основательно очернить его. Чем такой, нравственный так сказать, подход к источникам советской истории принципиально отличается от классового и партийного подхода как нашего недавнего прошлого, так и от «фальсификаций сталинского периода», знает, видимо, одна только И. В. Павлова.

В 1990-е годы внимание исследователей оказалось привлечено к масонским материалам Российского центра хранения историко-документальных коллекций в Москве². Речь идет о части довоенных масонских архивов, захваченных в свое время немцами в оккупированных странах Западной Европы³. В 1945 году в качестве военных трофеев они были перевезены в Москву, где и пролежали под спудом до горбачевской перестройки. Поражает очевидное богатство представленных здесь материалов: только фонд «Великого Востока Франции» (ф. 92) составляет более 17 тысяч единиц хранения, более 2000 единиц хранения насчитывает фонд Великой ложи Франции (ф. 93), 763 дела — «Верховный совет Франции» и т.д.

Важные для истории русских эмигрантских лож 1920—1930-х годов в Европе, материалы эти мало что дают, однако, для истории собственно русского масонства в нашем отечестве до 1917 года. Наибольший интерес представляют здесь играющие

¹ Павлова И. В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка. С. 16.

² Козлов С., Оливетская Т. Документы масонских лож в Особом архиве. // Родина. 1993. № 2.

³ Острецов В. М. Секреты особых хранилищ. // Слово. 1995. № 1—2.

роль первоисточника сообщение М.С. Маргулиеса «О возрождении масонских лож «Великого Востока Франции» в России в 1906—1908 годах» (РЦХИДК, ф. 112, оп. 2, д. 26) и уже упоминавшаяся нами «Записка о русском масонстве» Л. Д. Кандаурова 1929 года (РЦХИДК, ф. 730, оп. 1, д. 173)¹.

Как правило, продуктивным для раскрытия темы «Масоны и масонство начала века в России» оказывается обращение к личным фондам братьев каменщиков: А. В. Амфитеатрова (РГАЛИ, ф. 34), В. А. Маклакова (ОПИГИМ, ф. 1036), Г. Н. Вырубова (РГАЛИ, ф. 1036), А. И. Сумбатова-Южина (РГАЛИ, ф. 878, оп. 1), Е. В. Аничкова (РГАЛИ, ф. 1008), М. М. Ковалевского (Архив РАН, ф. 103) и другим.

Поскольку отделить общественно-политическую деятельность от деятельности «братской», масонской едва ли возможно, значение этого рода материалов для историка не подлежит сомнению, хотя собственно масонские сюжеты в отложившихся здесь документах, как правило, редки. Но есть и счастливые исключения, как, например, личный фонд известного революционера-народника Николая Васильевича Чайковского в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 5805): черновики масонских выступлений фондообразователя, его записные книжки, масонские дипломы, устав «Великого Востока народов России», письма к нему таких известных масонов, как М. А. Алданов, Н. П. Вакар, Б. В. Савинков² и других.

При дефиците архивного материала по теме важное значение в деле воссоздания истории политического масонства начала века приобретает мемуарная литература, дневники, письма и интервью масонов. Начало ее изданию в СССР было положено еще в 1920-е — начале 1930-х годов: воспоминания В. А. Поссе³, В. Д.

¹ Л. Д. Кандауров о «Великом Востоке народов России». // Вестник Московского университета. Сер.8 (История). 1994. № 3. С. 77—79.

² Безбрежьев С. В. Русские масоны и Борис Савинков. // История СССР. 1991. № 2. С. 200—201.

³ Поссе В. А. Воспоминания. 1905—1917. Пг., 1923. С. 95.

Бонч-Бруевича¹, Андрея Белого². Но погоду здесь делали, разумеется, не отрывочные упоминания о масонах и масонстве советских мемуаристов, а письма, воспоминания и интервью масонов, оказавшихся после 1917 года на Западе. Правда, на публичные выступления на масонскую тему они, как правило, не шли, памятуя о клятве молчания, но в частных доверительных беседах и письмах могли рассказать, а в ряде случаев и рассказывали многое. Этим и воспользовался русский эмигрант Борис Иванович Николаевский. Собранные им в 1920-е годы воспоминания, письма и интервью бывших русских политических масонов начала века оказались после его смерти в архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете в США. В 1989—1990 годах эти материалы были опубликованы в Москве Юрием Фельштинским³ и ленинградским профессором В. И. Старцевым⁴. Они-то, собственно, и составляют основной блок источников по теме: воспоминания Д. И. Бебутова, интервью Н. С. Чхеидзе, А. Я. Гальперна, Е. П. Гегечкори, М. С. Маргулиеса, В. Я. Гуревича, В. М. Шаха и др.⁵

Из мемуарных свидетельств о политическом масонстве, не вошедших в книгу Б. Николаевского, наиболее важны воспоминания А. В. Амфитеатрова⁶, И. В. Гессена⁷, В. А. Оболенского⁸,

¹ Бонч-Бруевич В. Д. Мои воспоминания о П. А. Кропоткине. // Звезда. 1930. № 4. С. 182—183.

² Белый Андрей. Между двумя революциями. М., 1934. С. 316.

³ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. Сост. Ю. Фельштинский. М., 1990.

⁴ Русское политическое масонство 1906—1918 годов (Документы из Гуверовского института революции, войны и мира). Вступ. статья и комментарии В. И. Старцева. // История СССР. 1989. № 6. С. 119—134; Там же. 1990. № 1. С. 139—155.

⁵ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 49—121.

⁶ Амфитеатров А. В. Мое масонство. // Сегодня (Рига). 1930, 6 июля.

⁷ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 215—218.

⁸ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988.

Л. К. Чермака¹, А. Тырковой-Вильямс². Дополнением к ним могут служить также мемуары А. Ф. Керенского³, П. Н. Милюкова⁴, С. П. Мельгунова⁵, письма Е. Д. Кусковой⁶, очерки и воспоминания памяти А. И. Браудо⁷ и др.

Собственно, то, что масоны в России в предреволюционные годы были, знали, кажется, все. Да и персоналии русских вольных каменщиков были у всех на слуху; о них чуть ли не ежедневно напоминала правительству национально-консервативная печать. Любопытен в этом отношении пассаж Андрея Белого: «...Мысль о тайных организациях во мне оживала... Заработала мысль о масонстве, которое ненавидел я; будучи в целом не прав, кое в чем был я прав. Но попробуй в те годы заговорить о масонстве как темной силе с кадетами! В лучшем случае получил бы я дурака: какие такие масоны? — Их нет. В худшем случае меня заподозрили бы в бреде Шмакова. Теперь, из 1933 года все знают: Милюков, Ковалевский, Кокошкин, Терещенко, Керенский, Карташев, братья Астровы, Баженов... оказались реальными деятелями моих бредней, хотя, вероятно, играли в них такую пассивную роль. Теперь обнаружено документально: мировая война и секретные планы готовились в масонской кухне»⁸.

О каких документальных данных о масонах писал А. Белый, мы можем только догадываться. Одно несомненно: ни само русское масонство начала века (см. доклад М.С. Маргулиеса «О

¹ Чермак Л. К. Как я был масоном. Публ. А. И. Серкова. // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 129—151.

² Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 200.

³ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 61—65.

⁴ Милюков П. Н. Воспоминания. Т.2. М., 1990. С. 285—286.

⁵ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Ч. 1. Париж, 1964. С. 142—143.

⁶ Аронсон Г. Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. Нью-Йорк, 1962. С. 138—143.

⁷ Александр Исаевич Браудо (1864—1924). Очерки и воспоминания. Париж, 1937.

⁸ Белый А. Между двумя революциями. С. 316.

возрождении масонства «Великого Востока Франции» в России 1906—1908 гг.¹), ни его секретные планы более позднего времени действительно большим секретом уже в 1920-е годы ни для кого не являлись. Все было, как говорится, на виду². Надо было только собрать и профессионально обобщить имевшийся на этот счет материал.

Сделал это уже давно интересовавшийся масонством С. П. Мельгунов. В вышедшей в 1931 году в Париже книге «На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года» этот известный эмигрантский историк пришел к твердому выводу о существовании масонского заговора накануне и в феврале 1917 года. Вопреки распространенному тогда мнению, отнюдь не так называемый Прогрессивный блок (1915) был центром, вокруг которого объединялись буржуазные заговорщики. Центром таким, утверждал С. П. Мельгунов, была тщательно законспирированная масонская организация³.

Книга С. П. Мельгунова пробила первую брешь в стене молчания в среде либеральной эмиграции во Франции вокруг политического масонства и его роли в революционных событиях 1917 года. Правда, о заговоре как таковом старались прямо не говорить, сводя все дело к роли негласных масонских связей в событиях этого времени (И. В. Гессен⁴, П. Н. Милюков⁵, А. Тыркова-Вильямс (Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952). Лед тем не менее тронулся, хотя понадобилось еще несколько десятилетий, прежде чем верная по своей сути версия С. П. Мельгунова стала обретать, наконец, в исследованиях историков зримые, осязаемые черты.

¹ L'Asacia. 1925, fevr., № 16. S. 288—292.

² Тураев Б. Масонские заговорщики против России. // Двуглавый орел. 1931. № 4.

³ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. Париж, 1931.

⁴ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 215—218.

⁵ Милюков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Есть и русское издание: М., 1991.

Следующий шаг в этом направлении сделал Григорий Аронсон. В октябре 1959 года в эмигрантской газете «Новое русское слово» он опубликовал подборку из четырех статей под общим названием «Масоны в русской политике». Проблема масонского заговора накануне Февральской революции 1917 года получила у Г. Я. Аронсона свое дальнейшее развитие. Особенно неприятным для остававшихся еще в живых вольных каменщиков был его вывод о связи русских политических масонов начала XX века с большевиками¹.

Переломными в буквальном смысле этого слова в историографии русского политического масонства начала века стали, несомненно, 1960-е годы: издание в 1966 году Борисом Элькиным подлинных масонских документов начала века², публикации на масонскую тему Натана Смита (1968)³, Л. Хаимсона (1965)⁴, выход книг Джорджа Каткова «Россия. 1917. Февральская революция» (Лондон, 1967)⁵ и Григория Аронсона «Россия накануне революции» (Нью-Йорк, 1962)⁶, воспоминаний А. Ф. Керенского (Нью-Йорк, 1965)⁷, В. А. Оболенского⁸ сделали

¹ Григорий Аронсон. Масоны в русской политике. // Николаевский Б. И. Масоны и революция. Редактор-составитель Ю. Г. Фельштинский. М., 1990. С. 167–170.

² The Slavonic and East European Review. London. Vol. XLIV. № 103, 1966. July. P. 454–472.

³ Smith N. The role of Russian Freemasonry in the February Revolution. // Slavic Review. Vol. XXVIII. № 4. 1968, December. P. 604–608. См. также его более позднюю работу: Smith N. Political Freemasonry in Russia. 1906–1918. // The Russian Review. Vol. 44. 1985. P. 157–171.

⁴ Haimson L. The problem of social stability in urban Russia. 1905–1917. // Slavic Review. Vol. XXIV. 1965. № 1. P. 13–17.

⁵ Русский перевод см.: Катков Г. Февральская революция в России. Париж, 1984.

⁶ Аронсон Г. Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты. Либералы. Масоны. Социалисты. Мадрид, 1986.

⁷ Русское издание книги: Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1996.

⁸ Масонские воспоминания В. А. Оболенского были опубликованы Натаном Смитом в 1968 году. См.: Slavic Review. 1968. Vol. XXVII. № 4. P. 606–608.

свое дело, и то, что так долго и тщательно скрывалось, стало наконец явным.

Еще более это обозначилось в 1980-е и 1990-е годы, когда усилиями ряда исследователей (Н. Смит¹, Б. Нортон², Л. Хасс³, Х. Кайлер⁴) удалось подвергнуть своеобразной инвентаризации источниковую базу по теме. Ощутимые успехи, достигнутые в это время западной историографией в исследовании русского политического масонства начала века, способствовали тому, что за разработку этой проблемы поневоле вынуждены были взяться и советские историки. Правда, на первых порах они попытались было подвергнуть сомнению сам факт существования русских политических масонов в начале XX века. Показательна в этом отношении разгромная рецензия Ю. И. Игрицкого на книгу Джорджа Каткова, опубликованная в 1968 году на страницах журнала «История СССР»⁵. Однако уже в начале 1970-х годов тема эта (в разоблачительном по отношению к масонам контексте, конечно) получила неожиданную прописку и в советской историографии. В 1974 году издательство «Молодая гвардия» массовым тиражом напечатало книгу историка-американиста Н. Н. Яковлева «1 августа 1914 года», наиболее интересными страницами которой, собственно, и стали те из них, которые

¹ *Smith N., Norton B.* The constitution of Russian political Freemasonry (1912). // *Handbuch zur Geschichte des Osten Europas*. Wiesbaden, 1986. Bb 34. H. 4. S. 498—517.

² *Norton B.* Russians political masonry and the February Revolution in 1917. // *International Review of Social History*. 1988, vol.28, pt.2; Norton B. Russians Political Masonry, 1917, and historians. // *Russian History*. II № 1 (Spring, 1984). P. 83—100.

³ *Hass Ludwicz.* Ambicje, rachubei, rzeczywistosc: Wolnomularstwo w Europie Srodkowo-Wschodniej 1905—1928. Warszawa, 1984. T.2. S.57—76, 110—112. Есть и русские публикации трудов Л. Хасса о масонстве: «Русское масонство первых десятилетий XX века» в сборнике «Историки отвечают на вопросы» (Вып. 2, с.134—155), а также его статья «Еще раз о масонстве в России в начале XX века» (Вопросы истории. 1990. № 1. С. 24—35).

⁴ *Keiler H.K.* Abriss der Freimaurerischen Geschichte in Russland. // *Quatuor Coronati. Jahrbuch*. 1993. № 30. S. 147—188.

⁵ *Игрицкий Ю. И.* Юбилей Октября и буржуазная историография. // *История СССР*. 1968. № 3. С. 219—221.

были посвящены роли масонов в событиях «победоносного» Февраля 1917 года.

Опираясь как на уже известные к тому времени источники, так и источники новые, впервые введенные им в научный оборот (показания бывшего генерального секретаря Верховного совета «Великого Востока народов России» Н. В. Некрасова, данные им в 1920 — 1930-х годах в ОГПУ—НКВД СССР), Н. Н. Яковлев не только показал реальность самого факта существования думского масонства в России, но и впервые в советской историографии четко определил его роль и место в политической борьбе предреволюционных лет. Масонство, пришел к выводу Н. Н. Яковлев, играло роль «теневых штабов» либеральной буржуазии в борьбе за власть и, фактически, являлось руководящим центром в подготовке Февральской революции в России¹.

Как и следовало ожидать, реакция историков на книгу Н. Н. Яковлева была неоднозначной. Наиболее резко с ее критикой выступила «старая гвардия»: И. И. Минц², Е. Д. Черменский³ и М. К. Касвинов⁴, обвинившие автора чуть ли не в возрождении «черносотенной» легенды о всемирном масонском заговоре. «Стариков» поддержал и ряд авторов так называемого «среднего», послевоенного поколения советских историков: Е. Ф. Ерыкалов⁵, О. Ф. Соловьев⁶, А. Я. Аврех⁷. Они, правда, в отличие от Е. Д. Черменского, не подвергали сомнению сам факт существования политического масонства и необходимость его изучения, но как историки-марксисты решительно отказывались признать его

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 года. М., 1974. С. 4, 18, 230—234. 3-е, дополненное издание этой книги вышло в Москве в 1993 году.

² Минц И. И. Метафоры масонской легенды. // История СССР. 1980. № 4. С. 107—122.

³ Черменский Е. Д. Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 8—9.

⁴ Касвинов М. К. 23 ступеньки вниз. М., 1978. С. 303—305.

⁵ История СССР. 1983. № 1. С. 158—159.

⁶ Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. М., 1986. С. 201.

⁷ Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990.

сколько-нибудь значительную роль в свершившихся в 1917 году событиях, усматривая в таком подходе умаление народного характера Февральской революции и роли партии большевиков в ее подготовке. «Масонский сюжет есть, но масонской проблемы нет», — афористично заметил в связи с этим Аврех¹. С ним не согласились, однако, Б. Ф. Ливчак² и В. И. Старцев³.

Тем временем издательство «Молодая гвардия», идя навстречу пожеланиям своих читателей, опубликовало в 1984 году сборник «За кулисами видимой власти»⁴ под редакцией В. И. Старцева. Он же выступил и в качестве автора основных разделов этой книги. Достоинством сборника стало то, что это была первая за все годы советской власти попытка пусть и в научно-популярном варианте, но все-таки последовательного изложения истории масонства не только начала XX века, но и за более ранний период. Отражением возросшего общественного интереса к масонской проблеме стал выход в 1976 году книги журналиста-международника Генри Эрнста «Новые заметки по истории современности»⁵, значительное внимание в которой уделено масонским сюжетам.

В научном плане в 1980—1990-е годы разработкой истории русского политического масонства начала XX века кроме В. И. Старцева⁶ успешно занимались также еще и О. Ф. Со-

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 342.

² Ливчак Б. Ф. О политической роли масонов во второй русской революции. // Политическая организация общества и современность. Сб. науч. трудов. Вып. 56. Свердловск, 1977. С. 135—141.

³ Старцев В. И. Революция и власть: Петроградский совет и Временное правительство в марте—апреле 1917 года. М., 1978. С. 205—207. См. также: Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 121—129.

⁴ За кулисами видимой власти. М., 1984.

⁵ Эрнст Г. Новые заметки по истории современности. М., 1976. С. 290—297.

⁶ Старцев В. И. Российское масонство XX века. // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 30—50; Старцев В. И. Русские политические масоны в правящей элите Февральской революции 1917 года. // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. Вып. 2. СПб., 1994. С. 18—23; Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996.

ловьев¹, В. Я. Бегун², В. И. Шульгин³, Л. Замойский⁴, А. Я. Аврех⁵, А. И. Серков⁶, С. П. Карпачёв⁷, И. С. Розенталь⁸, О. А. Платонов⁹, В. М. Острецов¹⁰, Д. А. Андреев¹¹, А. Н. Лушин¹², В. Н. Егошина¹³. В результате этих усилий история русского думского масонства, правда, пока в самых общих чертах, более или менее проясни-

¹ Саловьев О. Ф. Международный империализм — враг революции в России. М., 1983. С. 27—28, 68—74, 88—90 и др.; Саловьев О. Ф. Обреченный альянс. М., 1986. С. 58—60; Саловьев О. Ф. Русское масонство. 1730—1917. М., 1993; Саловьев О. Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. См. также журнальные публикации этого автора: Масонство в России. // Вопросы истории. 1988. № 6; Споры вокруг масонства: некоторые итоги изучения. // Вестник АН СССР. 1990. № 9; Масонство далекое и близкое. // Новая и новейшая история. 1992. № 4—5.

² Бегун В. Я. Рассказы о «детях вдовы». Издание 2-е. Минск, 1986. С. 76—107. (Первое издание вышло в свет в 1983 году.)

³ Шульгин В. И., Швецов С. П. От неонародника к участию в социалистическом строительстве. // Научная биография — вид исторического исследования. Л., 1985.

⁴ Замойский Л. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990.

⁵ Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990.

⁶ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945. СПб., 1997; Серков А. И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб., 1999.

⁷ Карпачёв С. П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. М., 1998.

⁸ Розенталь И. С. Масоны и попытки объединения политической оппозиции России начала XX века. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 53—67.

⁹ Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996. М., 1996.

¹⁰ Острецов В. М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998.

¹¹ Андреев Д. А. Русская периодическая печать начала XX века о масонстве. // Вестник Московского университета. Серия 8. (История). 1996. № 1. С. 27—38.

¹² Лушин А. Н. Масонство в оценке провинциальной русской национально-патриотической прессы начала XX века. // Мининские чтения. Нижний Новгород, 1992. С. 77—79; Он же: Масонство в Нижегородской губернии в XVIII — XX вв. Нижний Новгород, 1998.

¹³ Егошина В. Н. Масоны и политика. // Масоны в России: вчера.. сегодня.. завтра?.. М., 1999. С. 67—73.

лась. Особенно важное значение имела в этой связи публикация в 1989—1990 гг. В. И. Старцевым¹ и Ю. Фельштинским² документов (письма, интервью, воспоминания) историка Б. И. Николаевского, хранящихся ныне в архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете в США.

Наибольшие разногласия вызывает у историков проблема масонского заговора в предреволюционные годы и участие братьев вольных каменщиков в событиях февраля-марта 1917 года. Собственно, факт самого заговора сомнений не вызывает. Но вот был ли этот заговор масонским? Н. Н. Яковлев, В. Я. Бегун и О. А. Платонов считают, что да. Напротив, С. П. Карпачёв и А. И. Серков, правда, каждый по своим соображениям (первый исходя из того, что масоны-де были не настоящие, то есть не признанные заграничными масонскими центрами, а второй (А. И. Серков), не соглашаясь с этим, доказывает, что кадетское масонство начала века хотя и было настоящим, но к 1917 году перестало быть масонством и выродилось в некую политическую группу³), отстаивают прямо противоположное мнение, вольно или невольно уводящее братьев масонов от ответственности за крах исторической России.

Своеобразную позицию занял в этом споре В. И. Старцев. Не разделяя теории «масонского заговора», он тем не менее признает огромную роль, которую играли масонские связи в консолидации сил либеральной буржуазии на пути к власти. Из историков-масоноведов либерального круга В. И. Старцев был не только самый крупный, но, пожалуй, и единственный, кто (правда, предварительно подстраховавшись утверждением, что «Великий Восток народов России» не был правильной масонской ор-

¹ Русское политическое масонство 1906—1918 годов (Документы из Гуверовского института революции, войны и мира). Вступ. статья и комментарии В. И. Старцева. // История СССР. 1989. № 6. С. 119—134; 1990. № 1. С. 139—155.

² Николаевский Б. И. Русские масоны и революция.

³ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945. С. 109.

ганизацией) попытался, хотя и в очень осторожной форме, поставить вопрос о реальной роли масонов в событиях 1917 года¹.

В отличие от масонства политического, думского, интерес к масонству мистическому, оккультному наша историография стала проявлять только в 1990-е годы, что и понятно, ввиду того, что большого интереса к политике мистики и оккультисты никогда не проявляли. Пионером здесь оказался А. Я. Аврех. Конечно, сами по себе оккультисты интересовали его мало. На материалы слежки за ними он наткнулся в фонде Департамента полиции. Сделав вывод о ложном следе, взятом царской охранкой в ее охоте на масонов (материалов о слежке за масонами политическими обнаружить не удалось), А. Я. Аврех добросовестно изложил все, что было известно полиции об оккультных кружках в России начала XX века².

После А. Я. Авреха историей оккультных кружков и групп начала века занимались А. И. Серков³ и автор этих строк⁴. Дальнейшим продолжением его разысканий на эту тему собственно и является предлагаемая вниманию читателей книга.

...

Несмотря на огромную литературу, посвященную масонству (свыше 60 тысяч публикаций)⁵, оно по-прежнему остается малоизученным и его история вызывает среди исследователей немало споров — слишком уж общи и неопределенны те гуманные цели, которые ставят перед собой братья масоны.

¹ Старцев В. И. Русские политические масоны в правящей элите Февральской революции 1917 года. // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей. Вып. 2. СПб., 1994. С. 18—23.

² Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990.

³ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945. С. 47—90.

⁴ Брачев В. С. Религиозно-мистические кружки и ордена в России. Первая треть XX века. СПб., 1997. С. 3—29.

⁵ Нодон Поль. Масонство. Пер. с французского. М., 2004. С. 5.

«Масонство, — гласит конституция «Великой ложи Франции», — есть всемирный союз, покоящийся на солидарности. Цель масонства — нравственное совершенствование человечества. Его девиз — Свобода, Равенство и Братство. В глазах масонов все последователи равноправны, невзирая на различия национальные, расовые, религиозные, на различия в состоянии, звании и положении... Конечное стремление масонов — объединение на основе свободы, равенства и братства всех людей, без различия рас, племен, наций, религий и культур в один всемирный союз для достижения царства Астреи, царства всеобщей справедливости и земного Эдема (рая)»¹.

Но это, так сказать, чисто масонский взгляд на идеальные цели и задачи ордена, нуждающийся в определенной научной корректировке. Масонство, согласно наиболее распространенному в современной историографии определению, есть не что иное, как «религиозно-философское и политическое течение, возникшее в Германии в XIII веке»². Что касается Германии как родины масонства, то это вопрос спорный, ибо никаких данных, что союз немецких каменотесов XIII века являлся сообществом духовного характера, у нас нет. Правильнее поэтому, как мы увидим в дальнейшем, связывать появление масонства как духовного сообщества не с Германией XIII века, а с Англией XVI века. *«Целью масонства, — читаем мы в статье о масонах в вышедшем в 1999 году справочном издании «Словарь религий народов современной России» под редакцией М. П. Мchedлова, — является достижение всем человечеством, независимо от расовой, национальной, духовной культуры, принципов свободы, равенства, братства, «царства истины и любви», земногорая. Цель достижима, по мнению масонов, путем нравственного, физического и умственного совершенствования каждого человека. Препятствием на этом пути являются религия и национальные государства, которые должны быть уничтожены. Важное место в деятельности масонов занимает критика исторических религий и церкви. В то же время война с Богом, церковью и*

¹ Клизовский А. Правда о масонстве. Рига, 1990. С. 10—11.

² Яблоков И. Н. Религиоведение. М., 1998. С. 406.

духовенством не означает еще отмену религий, веры вообще, поскольку масоны создают новую религию — религию гуманизма, где место Бога занимает человечество, а старую религию они заменяют новой — морального солидаризма.

Вторая задача масонства (наряду с борьбой с религией, религиозной моралью, церковью и духовенством) — это уничтожение национальной государственности. Конечный идеал масонства — сверхгосударство, основными признаками которого являются свобода, равенство, братство и богом которого является человечество, мораль которого не религиозна и в котором разум человеческий будет мерой всех вещей. Осуществление всех этих идей моделируется в рамках масонских лож и в многочисленных обрядах и сложных символах¹.

Идея установления царства справедливости на земле хотя и привлекательна, но в основе своей, конечно же, абсурдна и неосуществима. Особенно если иметь в виду предлагаемый масонами путь к ее осуществлению — нравственное совершенствование человечества. Неудивительно поэтому, что масонские определения сути и конечных целей своего братского союза если кого и удовлетворяют, то только самих масонов. Всем прочим, то есть «профанам» или «непосвященным», на сей счет остается только теряться в догадках.

«Что такое масонство? — Вот вопрос, который разрешается различными исследователями различно, — отмечал в далеком 1914 году М. Васьютин. — Оно и религиозная секта всемирного-де охвата и всесторонней веротерпимости. Оно и тонкое, тайное философское, чуть ли не научное символическое учение с притязаниями на всесветное значение. Оно и кодекс общей какой-то совершенной морали, особого гуманистического склада, поэтического настроения и поэтического строя. Оно — и гражданская социальная организация, не признающая никаких политических, этнографических и географических границ. Оно, наконец, — тайное внегосударственное, политико-обобщительное, скрытое правительст-

¹ Элбакян Е. С. Масоны, их деятельность в современной России. // Словарь религий народов современной России. Отв. ред. М. М. Чедлов. М., 1999. С. 214.

во, входящее во все государства и исподтишка, подпольно (и надпотолочно и застенно — если можно так выразиться)... Весь теперешний человек, его тело, его душа, его дух — всякое общество: семейное, сословное, державное объединение и все человечество вкупе, — все учение, все общественные учреждения, все религии окутываются каким-то неведомым, тайным, скрытым, темным (неизбежным, необходимым)... — и эта мистическая, оккультная сила носит общее и неопределенное название «масонство»¹.

Написаны эти строки давно, а звучат удивительно современно. Ведь, как и много лет назад, вопрос о сущности масонства и его подлинной роли в истории человечества вызывает самые разноречивые оценки среди специалистов. Разброс мнений здесь широк: от определения его как общественной организации, выдвигающей задачу морального раскрепощения людей, обеспечения свободы и братства, до тайной интернациональной мировой революционной организации, ведущей бескомпромиссную борьбу с Богом, церковью и национальной государственностью. Самое любопытное, что, несмотря на, казалось бы, взаимоисключающий характер этих определений, каждое из них по-своему справедливо.

Вопреки распространенному мнению, масонство не есть что-то неизменное и неподвижное. В разные времена в разных странах масонство проявляло себя по-разному. Неизменным оставался, пожалуй, только его характер, как формы самоорганизации элиты общества. В этом, собственно, и состоит суть современного масонства, его голая, так сказать, «правда века».

¹ *Вашутин М.* Политическое масонство и его участие в крамоле в России. По поводу книги «Масонское действо». Харьков, 1914. С. 3—4.

ЧАСТЬ I

«ТОЛЬКО МАСОНСТВО МОЖЕТ ПОБЕДИТЬ САМОДЕРЖАВИЕ»: РУССКИЕ МАСОНЫ В БОРЬБЕ ЗА «ОСВОБОЖДЕНИЕ» РОССИИ

Глава 1

*Русское масонство начала века во Франции.
Ложь «Великого Востока Франции» в России
(1906 – 1910)*

После запрета масонства в 1822 году некоторые братья надеялись, что со временем станет возможной хотя бы негласная легализация масонских лож в стране. Но этого не случилось. Николай I был непреклонен и, во избежание каких-либо кривотолков, после восстания декабристов счел необходимым повторить в 1826 году указ своего брата о запрете масонства, взяв к тому же с государственных служащих и военных на сей счет специальные подписки. Правда, если верить запискам П. В. Долгорукова, тайная деятельность братьев все же продолжалась: в Москве масонскую ложу возглавлял С. Фонвизин, в Петербурге же, вплоть до своей смерти (1862 г.), великим наместным мастером Великой провинциальной ложи шведского обряда был не кто иной, как сам министр внутренних дел (1855–1861 гг.), старый масон С. С. Ланской¹.

К концу XIX века старая посвятительная традиция эзотерического масонства второй половины XVIII — начала XIX века была утрачена. Правда, ряд исследователей, не желая «верить фактам», ссылаясь на якобы «беспрерывное» существование на протяжении всего XIX века новиковской ложи «Нептун» в Петербурге и доверительные отношения последнего представителя старого

¹ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта (1860–1867). М., 1934. С. 326–329.

масонства — В. С. Арсеньева (умер в 1915 году) с некоторыми из московских мартинистов начала XX века (П. М. Казначеев), пытаются оспорить этот бесспорный, с нашей точки зрения, факт. В 1822 году, подчеркивал, например, князь Владимир Вяземский, «указом масона императора Александра I ложам было рекомендовано не собираться. Лишь в 1828 году — через целых четыре года после декабристского восстания — начинается, опять-таки, не запрещение, а очень строгий полицейский надзор. Ложы, собственно, перестали открыто собираться, боясь полиции. Но не подлежит сомнению, что многие продолжали собираться. Ложы мартинистских систем.. которые по своему замыслу являются маленькими ячейками, продолжали существовать во многих русских городах непрерывно, равно как и розенкрейцерские. И отчасти иллюминаты»¹.

«Есть сведения, — писал он, — что, например, новиковская ложа «Нептун» в Петербурге существовала непрерывно; в ней был посвящен известный историк масон Пытин, а также адмирал Беклемишев, доживший до глубокой старости, до наших дней, и после «Нептуна» принимал видное участие в ложе «Карма» уже при досточтимом брате великом князе Александре Михайловиче. Ее членом был А. П. Веретенников. Что касается Александра II, то он, как известно, — продолжает В. Л. Вяземский, — был посвящен в английское масонство во время поездки в Англию еще наследником престола. С его воцарением полицейские меры отменены не были, но собственно он и его правительство (в котором многие были негласными масонами, вроде графа Лорис-Меликова, графа Панина и др.) смотрели на вольных каменичников сквозь пальцы»².

Разделяют мнение о непрерывном якобы существовании масонской традиции в России и некоторые современные российские историки либерального толка. «Последнее ритуаль-

¹ Вяземский В. Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства. // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. Кн. 161. С. 232—233.

² Там же. С. 233.

ное принятие, — пишет, например, московский исследователь А. И. Серков, — *относится к 1850 году. Массонские встречи продолжались по 1899 год; закончили же свой жизненный путь некоторые прямые продолжатели дела Н. И. Новикова и С. И. Гамалеи уже в нашем столетии*¹. Согласиться с этим трудно, ибо никакие гипотетические «масонские встречи» бывших братьев и их духовных последователей (что еще требуется доказать) серьезным аргументом в пользу якобы непрерывности существования масонства в нашей стране на всем протяжении XVIII — XX веков служить, конечно же, не могут. На самом деле, если не выдавать желаемое за действительное, а исходить из твердо установленных фактов, нельзя не признать, что взоры будущих адептов вольного каменщичества в России XX века были обращены не в далекое прошлое русского масонства, представление о котором у большинства деятелей либеральной оппозиции самодержавию (а именно их среда и являлась потенциальным резервом масонства) было смутным, а в его блестящее настоящее, причем не в России, где оно было запрещено, а в Западной Европе, на которую и равнялась в те годы русская интеллигенция.

Не имея возможности приобщения к вольному каменщичеству у себя на родине, наши оппозиционеры стремились не упустить такой возможности, оказавшись на Западе. Так, еще в 1845 году получил посвящение в одной из масонских лож («Социальный прогресс») «Великого Востока Италии» известный русский революционер-анархист Михаил Александрович Бакунин. Через 20 лет, 3 апреля 1865 года ему был торжественно вручен патент на одну из высших — 32-ю масонскую степень Древнего и принятого шотландского обряда «Великого Востока Италии». Стоит отметить, что М. А. Бакунин был не только автором известного «Катехизиса революционера», но и «Современного катехизиса франкмасонства», где обосновывал революционную сущность вольного каменщичества². Впрочем, отношение М. А. Баку-

¹ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 5.

² Там же. С. 53—54.

нина к масонству, судя по всему, не было однозначным. *«Только, друзья, прошу вас, перестаньте же думать, что я когда-либо серьезно занимался франкмасонством, — писал он своим друзьям А. И. Герцену и Н. П. Огареву в 1866 году. — Это может быть полезно, пожалуй, как маска или как паспорт — но искать дело в франкмасонерии все равно, пожалуй, хуже, чем искать утешения в вине»*¹. В 1850-е годы в итальянской масонской ложе принял посвящение и друг А. И. Герцена Н. П. Огарев. О масонстве А. И. Герцена нет достоверных сведений, но зато масоном был другой не менее известный деятель этого времени князь П. В. Долгоруков².

Более подробные сведения о русских масонах, подвизавшихся в заграничных ложах, относятся к периоду 1870-х — 1880-х годов. Среди них: философ-позитивист Г. Н. Вырубов (1842—1913) — принят в начале 1870-х годов в ложу «Великого Востока Франции» «Взаимопомощь»; изобретатель электрической лампочки накаливания П. Н. Яблочков (1847—1894) — принят в 1881 году в ложу «Труд и верные друзья истины» Верховного совета Старого шотландского обряда; врач-психиатр Н. Н. Баженов (1857—1923) — ложа «Соединенных друзей» (1884 г.); профессор социологии М. М. Ковалевский (1851—1916 гг.) — точная дата посвящения неизвестна, скорее всего, это мог быть период между 1887 и 1890 годами³.

Особо важную роль в становлении русского масонства во Франции сыграли Григорий Николаевич Вырубов — вице-председатель совета «Великого Востока Франции» с 1885 года, и П. Н. Яблочков⁴. В отличие от Г. Н. Вырубова, П. Н. Яблочков был достопочтимым мастером не «Великого Востока Франции», а лож, придерживавшихся Древнего и принятого шотландского

¹ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906. С. 271.

² Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 52.

³ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 39—40.

⁴ Карпачёв С. П. П. Н. Яблочков (1847—1894). // Масонство и масоны. Вып. 1. М. 1994. С. 66—76.

обряда. В историю русского масонства он вошел как организатор 25 июня 1887 года в Париже первой русской эмигрантской ложи «Космос». В 1888 году в ней получили посвящение такие известные впоследствии русские деятели, как профессора М. М. Ковалевский, Е. В. де Роберти и Н. А. Котляревский. Магистерская диссертация последнего — «Мировая скорбь в европейской литературе XIX века» — посвящена анализу размышлений европейских мыслителей об идеальном человеке как высшей ценности и, несомненно, несет на себе явный отпечаток увлечения ее автора масонством.

П. Н. Яблочков мечтал о том, чтобы превратить ложу «Космос» в элитарную, объединяющую в своих рядах все лучшее, что могла дать русская эмиграция в области науки, литературы и искусства. Мечте этой не суждено было, однако, сбыться. Болезнь, а затем и преждевременная смерть ученого (1894 г.) привели к тому, что созданная им ложа фактически развалилась и сумела возобновить свои работы только в 1899 году¹. В 1898 году в одну из бельгийских лож вступил один из основоположников российской социал-демократии Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955)².

К началу 1900-х годов во французских ложах насчитывалось около полутора десятка русских либералов. Конечно, этого было недостаточно для высадки масонского «десанта» в Россию. Обстоятельства, однако, благоприятствовали масонам. Нашелся человек, взявший на себя хлопоты по собиранию сил и организационному становлению русского масонства во Франции. Это был профессор Максим Максимович Ковалевский³. По отзывам лиц, хорошо знавших профессора, это был *«типичный русский барин. Хороший и добрый, умный и либеральный. Истинный европеец, которому чуждо многое специфически русское в нашей ду-*

¹ Серков А. И. История русского масонства. 1845–1945 гг. С. 56–57.

² Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 42.

³ Карпачёв С. П. М. М. Ковалевский (1857–1916). // Масонство и масоны. Сб. статей. Вып. 1. М., 1994. С. 76–90.

ховной культуре, в традиционной сокровищнице наших идей»¹. Уволенный из Московского университета за проповедь в своих лекциях конституционных идей, М. М. Ковалевский долгие годы провел за границей, встречался там с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, был одним из основателей Международного социологического института. 14 ноября 1901 года благодаря, главным образом, его усилиям и под контролем ложи «Космос» в Париже была открыта Русская высшая школа общественных наук, проработавшая до 1904 года². Цель школы, помимо просветительской, состояла еще и в том, чтобы подготовить, в чисто масонском духе, разумеется, будущих участников борьбы за «освобождение России» без какой-либо оглядки на их партийные и идеологические пристрастия. В 1903 году число слушателей школы достигло 400 человек, среди которых можно, в частности, отметить молодого А. В. Луначарского. Именно в эти годы, судя по всему, он и получил посвящение в одной из лож «Великого Востока Франции».

Многие из преподавателей школы, как французы (писатель Эмиль Золя, бывший председатель французского правительства Леон Буржуа, профессора Тард и Реклю), так и русские (И. И. Мечников, М. М. Ковалевский, Е. В. де Роберти, Е. В. Аничков), были масонами «Великого Востока Франции». Характерно, что одним из посторонних лекторов, выступивших в Русской высшей школе общественных наук, был и В. И. Ленин. Со своей стороны, профессура школы задумала издание литературно-философского масонского журнала. В качестве одного из редакторов-составителей его был приглашен уже достаточно известный к тому времени поэт М. А. Волошин³. Как и следовало ожидать, «роман» М. А. Волошина с масонами закончился посвящением его в мае

¹ Овсянко-Куликовский Д. Н. Максим Максимович Ковалевский. // Овсянко-Куликовский Д. Н. Воспоминания. СПб., 1903. С. 161.

² Погудин С. Н. М. М. Ковалевский и Русская высшая школа общественных наук в Париже. // Русская эмиграция во Франции (1850—1950 гг.). Сб. научн. статей. СПб., 1995. С. 17—24.

³ Волошин М. А. Из литературного наследия. Вып. 1. СПб., 1991. С. 140—141.

1905 года в одну из парижских масонских лож¹. *«Хотя преподаватели Русской высшей школы в Париже, — справедливо отмечает А. И. Серков, — и не стали масонами в своем большинстве, но именно в среде ее профессуры складывался круг лиц, возродивших орден вольных каменщиков в начале XX века»*².

Кадры будущих масонов ковались, однако, не только в Париже, но и непосредственно в самой России. Неисчерпаемым резервуаром, из которого черпали масоны своих адептов, были оппозиционные правительству кружки либеральной интеллигенции. Одним из наиболее известных среди них был московский земский кружок «Беседа» (1899—1905 гг.)³, объединявший сторонников конституционной монархии в России. Большая часть из них (С. А. Котляревский, Д. И. Шаховской, В. А. Маклаков, Г. Е. Львов и другие) стали впоследствии одними из первых адептов вольного каменничества в России.

Другим резервуаром масонских лож в России начала века стал Союз освобождения во главе с И. И. Петрункевичем, основанный в январе 1904 года на учредительном съезде в Санкт-Петербурге. В инициативную группу союза вошли люди, составившие впоследствии «цвет» русского политического масонства начала века: Л. И. Лутутин, В. Я. Богучарский, Н. Д. Соколов, Е. Д. Кускова, В. М. Гессен, В. А. Оболенский⁴. В мае 1905 года Союз освобождения вместе с Союзом земцев-конституционалистов объединились в единую структуру — Союз союзов, который послужил, в свою очередь, основой для образования в октябре 1905 года партии русских конституционных демократов (кадеты). В дальнейшем именно кадетской партии, все высшее руководство которой (за исключением П. Н. Милюкова) было масонским, и

¹ Волошин М. А. Автобиографическая проза. Дневник М., 1991. С. 225, 227.

² Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 61.

³ Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1938. Т. 2. С. 295.

⁴ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 236—237.

суждено было стать легальным политическим прикрытием тайной масонской организации в России.

Оживление либерального движения в начале века происходило на фоне резко возросшей активности кружков и групп радикально-социалистического направления. В 1897 году начинает свою деятельность «Бунд» — Еврейский социал-демократический союз. В следующем, 1898 году в Минске было провозглашено создание РСДРП. На начало 1900-х годов приходится и возникновение Боевой организации социалистов-революционеров, развернувшей настоящий террор против представителей царской администрации. После убийства в июне 1904 года министра внутренних дел В. К. Плеве правительство вынуждено было маневрировать. В ноябре 1904 года был разрешен первый земский съезд в России, призвавший правительство к немедленному введению конституционного строя в России. Требование это, конечно же, было отклонено. Тогда осмелевшие земцы-конституционалисты из Союза освобождения организуют так называемую «банкетную кампанию» с принятием резолюций с требованиями созыва русского парламента и введения в стране политических свобод.

Тем временем события 9 января 1905 года и неудачи Русско-японской войны привели к тому, что общественно-политический кризис в стране стал перерастать в революцию. 18 января 1905 года Николай II вынужден был принять принципиальное решение о созыве «законосовещательного учреждения». Конечно, среди революционеров и забастовщиков масонов не было, но в стороне от происходивших событий они не остались. Еще в мае 1905 года Совет закона «Великого Востока Франции» принял решение объединить всех русских братьев в одну общую для них ложу — «Космос». В мае—июне 1905 года членами этой ложи становятся А. В. Амфитеатров, Ю. С. Гамбаров, М. И. Тамашев, И. З. Лорис-Меликов, А. С. Трачевский, К. В. Аркадский (Добренович)¹. Принятию их в ложу предшествовал своеобраз-

¹ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 62.

ный масонский экзамен на парижской квартире М. М. Ковалевского 9 мая 1905 года. В качестве гостя на нем присутствовал и уже упоминавшийся нами Максимилиан Волошин. Сам он масоном, правда, еще не был (принят только 22 мая 1905 года), но доверие французских «братьев» к нему было полное. *«Я видел, — писал М. Волошин, — людей почтенных, старых профессоров, которых расспрашивали об их жизни, верованиях, и они мешались и краснели, как школьники. Расспрашивал толстый еврей с бакенбардами, австрийской физиономией и острыми умными глазами. Он ловко играл душой старых русских профессоров и был по профессии каучуковых дел мастером... Я сижу в стороне, так как меня должны принять в другую ложу»¹.*

Другим центром посвящения русских эмигрантов во Францию стала в 1905 году ложа «Гора Синай» союза Великой ложи Франции. Среди членов этой мастерской были М. А. Волошин, доцент Московского университета С. А. Котляревский, журналист В. И. Немирович-Данченко. Происходили посвящения русских «братьев» и в других ложах: В. А. Маклаков («Масонский Авангард» союза «Великого Востока Франции»), Е. И. Кедрин (ложа «Les Renovateurs» «Великого Востока Франции»). Общее число членов двух русских лож в Париже — «Космос» и «Гора Синай» — определяется в 16 человек: Е. В. Аничков, А. В. Добренович (псевдоним Аркадский), А. В. Амфитеатров, Н. Н. Баженов, Г. Н. Вырубов, Ю. С. Гамбаров, В. О. Ключевский, М. М. Ковалевский, С. А. Котляревский, Б. В. Кричевский, И. Злорис-Меликов, Ф. Ф. Макшеев, В. И. Немирович-Данченко, Е. В. де Роберти, М. И. Тамамшев, А. С. Трачевский².

Удивление вызывает в этом списке лишь имя знаменитого нашего историка-либерала В. О. Ключевского. И дело тут не только в почтенном возрасте историка, которому было в 1906 году 65 лет. Более существенно здесь другое. Масонство в России было запрещено, и не к лицу, казалось бы, столь почтенному престаре-

¹ Волошин М. История моей души. М., 1996. С. 107—108.

² Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 44.

лому ученому было связывать себя с сомнительной, по крайней мере, в глазах большинства тогдашних россиян, тайной масонской структурой. Многие здесь проясняют, правда, обращение к университетскому курсу русской истории В. О. Ключевского. Вопросы, тем не менее, остаются. Дело в том, что В. И. Старцев, который принимает дату посвящения В. О. Ключевского во французское масонство — вторая половина 1906 года¹, ссылается при этом на данные В. Л. Вяземского в его уже цитировавшейся нами работе «Первая четверть века существования зарубежного масонства»². Однако Н. Н. Берберова приводит на этот счет другие сведения. «Ключевский Василий Осипович (1841–1911), — читаем мы в ее «Биографическом словаре русских масонов XX столетия», — историк, профессор Московского университета. Был посвящен Сеншолем и Буле»³. Очевидно, что посвящение В. О. Ключевского Н. Н. Берберова относит к маю 1908 года — времени, когда Сеншоль и Буле приезжали в Россию для инсталляции масонских лож Москвы и Петербурга. Но это в данном случае не так уж и существенно. Важен сам факт прикосновенности к масонству В. О. Ключевского.

А. В. Амфитеатров, принятый 16 мая 1905 года в ложу «Космос», вспоминал позже об этом времени так: «Перемасонил нас всех Максим Максимович Ковалевский. И. З. Лорис-Меликов, Ю. С. Гамбаров, М. И. Тамашев, Л. С. Трачевский и позже Е. И. Кедрин — это лекторский кружок Русской высшей школы социальных наук, основанной М. М. Ковалевским, и процветавший под его управлением». Что касается ложи «Космос», то возглавлял ее «некий доктор Николь, очень интересный и умный француз, южанин, кажется, из евреев»⁴ (Франсуа Николь —

¹ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 44

² Вяземский В. Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства. // Новый журнал. 1985. Кн. 161. С. 234.

³ Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русское масонство XX столетия. М., 1997. С. 163.

⁴ Амфитеатров А. В. Мое масонство. // Сегодня (Рига). 1930, 6 июля.

наст. имя Натан Финкельштейн, род. 2 мая 1856 года в Бухаресте. — В. Б.).

Это было либеральное, политическое масонство, ставящее своей целью подготовку во Франции будущих «борцов за освобождение России». *«Не принадлежа ни к одной из революционных партий (по непреодолимому отвращению ко всякой партийной дисциплине), я, тем не менее, — вспоминал об этом времени А. В. Амфитеатров, — стоял на крайнем левом фланге тогдашней революционной эмиграции, сочувствуя в ней наиболее эсерам-боевикам. Проповедовал объединение революционных сил для активного натиска на ослабевшее самодержавие, славил террор и террористов».* Не принять такого человека в вольные каменщики было бы, конечно, грешно. Его, как мы уже знаем, и приняли, не забыв, однако, на всякий случай осведомиться о его личном отношении к террору. *«После нескольких незначительных вопросов, — вспоминал Амфитеатров, — кто-то спросил по-русски с мягким еврейским акцентом: «Как вы относитесь к убийству Плеве? Одобряете ли его и находите ли нужным дальнейшее развитие террора?»¹.* К террору новый «брат» относился положительно, что, однако, ничуть не помешало его приему в масонскую ложу. Таковы они были, тогдашние масоны.

Манифест 17 октября 1905 года и введение демократических свобод в России не застали заграничных русских масонов врасплох. Они давно ждали этого часа. Неудивительно поэтому, что практически все они сразу же поспешили вернуться на свою историческую родину, чтобы уже не из прекрасного далека, а на месте включиться в борьбу за ее «освобождение». Это обстоятельство на фоне продолжающейся революции в стране, собственно, и побудило М. М. Ковалевского позаботиться о возможно скорейшем открытии масонских лож в России. Показательно в этом плане заявление А. В. Амфитеатрова, сделанное им во французской ложе «Космос» в 1905 году. *«Масонство, — заявил*

¹ Амфитеатров А. В. Мое масонство. // Сегодня (Рига). 1930, 6 июля.

он, — как феномен более высокой цивилизации установит свой моральный контроль над русской революцией и сыграет положительную роль в становлении будущей республиканской России»¹. Как видим, планы у наших масонов были, можно сказать, наполеоновские.

Первое упоминание о существовании в Москве и Петербурге уже в 1904—1905 годах политических лож «Великого Востока Франции» мы находим в статье П. А. Чистякова «О современных масонах в России», напечатанной в оккультном журнале «Ребус» в ноябре 1905 года. Более того, П. А. Чистяков говорит в своей статье о личной встрече в Петербурге с одним из таких политических масонов². Согласно годовому отчету «Великого Востока Франции» за 1903 год, в России на это время уже существовало «несколько» лож... изолированных и скрытых от взоров».³ К сожалению, информация эта не только не получила дальнейшей разработки, но и осталась не замеченной исследователями.

Традиционная же точка зрения на историю появления первых масонских лож в России выглядит так. 11 января 1906 года М. М. Ковалевский направил официальное письмо председателю Совета закона «Великого Востока Франции» с просьбой о делегировании его в Россию для открытия там регулярных масонских лож⁴. Правда, сам М. М. Ковалевский, как мы уже знаем, давно и прочно был связан не с «Великим Востоком», а с другой масонской ассоциацией тогдашней Франции — союзом Великой ложи Франции и даже имел здесь 18-ю степень Древнего и принятого шотландского устава. Причинами, побудившими его обратиться к другому масонскому послушанию, были, с одной стороны, от-

¹ Карпачёв С. П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. С. 161.

² П. А. Ч. (П. А. Чистяков). О современных масонах в России (Ответ подписчикам). // Ребус. 13 ноября 1905 г. (№ 42). С. 4—5.

³ Щёголев П. Е. Охота за масонами, или Похождения коллежского ассесора Алексева. // Щёголев П. Е. Охранники и авантюристы. М., 1930. С. 56.

⁴ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 46.

носительная простота обрядности в ложах «Великого Востока», а с другой — его принципиальная установка на активное участие в политической жизни страны, борьбе за демократию, что, конечно же, не могло не импонировать М. М. Ковалевскому и его русским братьям.

Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что среди масонских ассоциаций Французской республики наиболее авторитетной и богатой в это время как раз и был «Великий Восток», число членов которого доходило до 30 тысяч человек. В одном только Париже у него было не менее 60 лож¹. Широко были представлены масоны «Великого Востока Франции» и в парламенте. Что касается Великой ложи Франции, то она была менее влиятельна (в Париже у нее было всего 33 братства)². Русские же братья, можно сказать, все как один были устремлены в политику. Тот же М. М. Ковалевский, помимо забот об организации первых масонских лож в России, не забывал в то же время и о собственном партийном строительстве, подвизаясь еще и в качестве лидера Партии Демократических реформ (учреждена в декабре 1905 года). Видную роль в этой партии, помимо самого М. М. Ковалевского, играли также А. С. Посников и К. К. Арсеньев. Политическая ниша, которую заняла эта партия, была где-то между октябристами и кадетами³.

Но возвратимся к письму М. М. Ковалевского в Совет «Великого Востока Франции» с просьбой, наряду с перенесением в Россию из Франции деятельности ложи «Космос» (27 апреля 1906 года уже в Петербурге в ней был посвящен князь Давид Бебутов), еще и о разрешении ему учреждения здесь новых, так называемых «временных лож» этой ассоциации. Дело в том, что именно масонство с его четко отлаженной структурой и прочными зарубежными связями представлялось М. М. Кова-

¹ Рубинский Ю. Н. Масонство во Франции (вчера и сегодня). // Вопросы истории. 1986, № 9. С. 143.

² Саловьев О. Ф. Русское масонство. 1830—1917. С. 158—159.

³ Ковалевский М. М. Партия демократических реформ и ее программа. // Вестник Европы. 1906, № 11. С. 786—793.

левскому и его товарищам наиболее действенным средством в борьбе с самодержавием. Еще в 1904 году, вспоминал И. В. Гессен, он как-то зашел вместе с князем Д. Шаховским к только что прибывшему из-за границы Ковалевскому и был поражен тем, что, едва успев поздороваться, тот сразу же стал доказывать ему, что *«только масонство может победить самодержавие»*. *«Он положительно напоминал комиссионера, который является, чтобы сбыть продаваемый товар»*, — язвительно заметил по этому поводу И. В. Гессен¹. Заслуживает в связи с этим внимания и другое высказывание М. М. Ковалевского, на этот раз в разговоре с П. Н. Милюковым, где он призывал его не упускать шанс использования *«векового опыта масонства в организационной работе и в получении международной поддержки русскому либеральному движению»*².

Тем временем, при посредничестве издателя масонского журнала «Акация» Ш. Лимузена, разрешение на открытие масонских лож от «Великого Востока Франции» было, наконец, получено. А вслед за этим уже 15/28 ноября 1906 года в Москве состоялось и открытие первой в XX веке русской масонской ложи — «Возрождение». Открыта она была, и это стоит подчеркнуть, все-таки как временная ложа — обычный путь становления первых масонских лож в той или иной стране. В качестве членов-основателей «Возрождения» выступили уже известные нам братья Максим Ковалевский, Николай Баженов, Василий Маклаков, Сергей Котляревский, Василий Немирович-Данченко, Евгений Аничков, Иван Лорис-Меликов, Евгений де Роберти и Юрий Гамбаров — всего 9 человек. Протокол собрания (опубликован в 1966 году Борисом Элькиным³) подписали: Баженов, Немирович-Данченко, Котляревский, Маклаков, Аничков, Ковалевский и Лорис-Меликов. Они

¹ Гессен И. В. В двух веках. // Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937. С. 217.

² Саловьев О. Ф. Русское масонство. 1830—1917. С. 173.

³ The Slavonic East European Review. Volume XLIV. № 103. July 1966. P. 454—472.

и образовали первый состав членов этой ложи¹. Председателем ложи стал Н. Баженов, первым наблюдателем — В. Маклаков, вторым наблюдателем — Е. Аничков, оратором С. Котляревский, секретарем — В. Немирович-Данченко. Общее число членов ложи за 1906 — февраль 1910 года составило 25 человек². Можно, таким образом, констатировать, что с 15 ноября 1906 года русское масонство вступило в принципиально новый этап своей деятельности — организационного оформления своих лож непосредственно на территории России.

Через несколько дней, пишет А. И. Серков, в Петербурге была открыта еще одна ложа — «Полярная звезда»³. Однако В. И. Старцев полагает, что произошло это все же не через несколько дней, а по крайней мере через месяц, не раньше декабря 1906 года. Как бы то ни было, уже в конце 1906 года на территории России существовало, помимо переехавшей из Парижа ложи «Космос» во главе с М. М. Ковалевским, еще две масонские ложи: «Полярная звезда» и «Возрождение». Венерателем «Полярной звезды» стал граф А. А. Орлов-Давыдов, первым наблюдателем — Е. И. Кедрин, вторым наблюдателем — барон Г. Х. Майдель, оратором — М. С. Маргулиес. Секретарем ложи, то есть главной деловой фигурой, был избран князь Д. О. Бебутов.

Личный состав «Полярной звезды» во многом устанавливается по воспоминаниям Д. О. Бебутова и датированным исследователями декабрем 1907 года списком 13 членов этой ложи, опубликованным в 1966 году Б. Элькиным. Особенностью списка, опубликованного Б. Элькиным, является то, что здесь не только перечислены члены ложи, но и проставлено время посвящения их в масонство: Василий Маклаков (1905), Евгений Кедрин (1906), Д. О. Бебутов (1906). В январе 1907 года были приняты в ложу Алексей Орлов-Давыдов и Мануэль Маргулиес. В феврале — врач Этьен Жихарев и инженер барон Герман Майдель.

¹ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 50.

² Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1141.

³ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 92.

В апреле — помещик Алексей Свечин. В ноябре — архитектор Павел Макаров, адвокат Иван Переверзев, депутат Государственной Думы Александр Колюбакин и профессор Григорий Тираспольский, в декабре — судья Юлиан Антоновский¹.

В общей сложности с конца 1906-го по февраль 1908 год в обе масонские ложи («Полярная звезда» и «Возрождение») было принято 35 человек. Всего же, с учетом отцов-основателей или, проще говоря, первоначального состава этих лож, цифра эта возрастает до 45 человек. Отнимем от нее 5 человек (Ковалевский, Иванюков, Аничков, Гамбаров, де Роберти), вскоре отказавшихся от дальнейшей работы в их составе, и получим цифру в 40 братьев. Таково было общее число масонов «Великого Востока Франции», работающих на середину 1908 года в России². 12 из них (Ковалевский, Баженов, Маклаков, Котляревский, Немирович-Данченко, Лорис-Меликов, Орлов-Давыдов, Аничков, Бебутов, Гамбаров, де Роберти, Кедрин) получили свое первое посвящение во Франции, остальные — уже в России. Наиболее деятельной среди первых масонских лож этого времени была «Полярная звезда». Возглавлял ее, как уже отмечалось, один из наиболее близких друзей великого князя Николая Михайловича богач граф Алексей Орлов-Давыдов, в роскошном особняке которого на Английской набережной в Санкт-Петербурге она обычно и собиралась. А. А. Орлов-Давыдов взял на себя и фактическое содержание ложи в финансовом отношении. «Громадного роста, тучный, неуклюжий, Орлов-Давыдов, — отметил в своих воспоминаниях Д. О. Бебутов, — типичный дегенерат, отличался феноменальной глупостью — страшный тяжелодум и при этом привычен свое умственное мышление излагать громко и при всех». Но поскольку за А. А. Орловым-Давыдовым были большие деньги, его терпели³.

¹ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 56.

² Там же. С. 65.

³ Бебутов Д. О. Русское масонство XX века. // Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 126—127.

О том, насколько основательно обустроились масоны после 1905 года в нашем отечестве, говорит и тот факт, что в Москве у них была даже собственная православная церковь Святого Антипия, которую они, как правило, и посещали. Известно и о другой масонской церкви в Москве начала XX века — храм Святого Гавриила на Почтамтской улице¹. К сожалению, мы ничего не знаем о «масонских» православных храмах в Петербурге, но можно не сомневаться, что они были здесь.

Принципиальным отличием русского масонства начала XX века был, как уже отмечалось, его ярко выраженный политический характер, поскольку, в отличие от традиционного масонства, на первый план русские братья выдвигали не моральное усовершенствование, а борьбу за освобождение России от царского самодержавия. Правда, польский историк Людвик Хасс (см. его статью в сборнике: Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990) не совсем согласен с выделением из масонства его политического крыла, поскольку масонство, по его мнению, едино и без общего для всех масонов масонского мировоззрения нет и не может быть никакой особой «масонской политики». Но это уже, как говорится, чисто формальная сторона дела. Более существенно здесь другое. Оказывается, что сам термин «политическое масонство» давнего происхождения и был запущен в научный оборот еще в дореволюционные годы критиками масонства².

Очевидно, что уже с первых шагов в России масонство оказалось отягчено целями весьма и весьма далекими от целей «истинного» масонства. Проблема нравственного самоусовершенствования братьев интересовала мало. *«Большинство русских масонов было либералами, выступающими как против са-*

¹ Бурьяшкин П. А. Розенкрейцеровские истоки софианства. // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 2000. С. 461.

² Вакутин М. (М. Ф. Таубе). Политическое масонство и его участие в крамоле в России. Харьков, 1914.

модержавия, так и против революции. Политические успехи французского масонства, особенно «Великого Востока Франции», его роль в консолидации общества, вес и авторитет в общественной и культурной жизни страны не могли не вдохновлять русских братьев, не соблазнять их на использование масонства в политических целях. Существовала у них также и надежда на помощь русскому освободительному движению со стороны свободных стран по масонской линии», — справедливо отмечает в этой связи историк С. П. Карпачёв¹.

Главная задача, которая стояла на первых порах перед руководителями только что образованных масонских лож в России, заключалась в том, чтобы из временных превратить их в постоянные, для чего требовалась официальная санкция на то со стороны Верховного совета «Великого Востока Франции». Первая делегация русских лож в составе М. М. Ковалевского и Е. И. Кедрина была отправлена с этой целью в Париж весной 1907 года. Однако вопреки надеждам большинства братьев, М. М. Ковалевский привез осенью того же года из Парижа диплом, ставящий русские ложи под юрисдикцию не «Великого Востока Франции», а другой, соперничающей с ней в то время ассоциации — Великой ложи Франции. Правда, В. И. Старцев полагает, что событие это произошло несколько ранее (весной 1906 года), однако принципиального значения этот спор между историками не имеет, поскольку очевидно, что приверженность М. М. Ковалевского союзу Великой ложи Франции резко расходилась со стремлением большинства русских братьев и дорого ему обошлась. Вопреки М. М. Ковалевскому уже в январе 1908 года общее собрание русских братьев принимает принципиальное решение обратиться за содействием в инсталляции русских лож к соперничавшему с Великой ложей «Великому Востоку Франции». М. М. Ковалевский же вместе со своими близкими друзьями Ю. Гамбаровым, И. И. Иванюковым, Е. В. де Роберти и Е. В. Аничковым вынужден

¹ Карпачёв С. П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. С. 161 — 162.

был покинуть собрание¹ и как масон пуститься в «самостоятельное плавание». Из своих сторонников М. М. Ковалевский образовал впоследствии пять регулярных масонских лож юрисдикции Великой ложи Франции в Москве, Петербурге и Архангельске². Однако сколько-нибудь заметного воздействия на общественно-политическую жизнь страны его ложи, вследствие их малочисленности и маловлиятельности, не оказывали.

2 февраля 1908 года в качестве полномочных представителей русских «братьев» в Париж были отправлены Д. О. Бебутов и Н. Н. Баженов. Здесь они сразу же были приняты президентом Совета «Великого Востока Франции» профессором Луи Лафером (1861—1929). Идя навстречу пожеланиям русских братьев, Совет ордена принимает 6 мая 1908 года решение о направлении в Россию для официального открытия там масонских лож юрисдикции «Великого Востока Франции» своих полномочных эmissаров. Первый из них, Бертран Сеншоль (1844—1930) — инженер, член Совета ордена, был в свое время одним из близких друзей М. А. Бакунина. Вторым был Жорж Буле (1855—1920) — вице-президент Совета ордена, известный промышленник³.

9 (22) мая 1908 года Сеншоль и Буле были уже в Петербурге. Наскоро устроившись в гостинице «Англия» на Исаакиевской площади, они сразу же отправились в «Кресты», где отбывал краткосрочное заключение брат М. С. Маргулиес, которого они тут же, в комнате свиданий, и произвели, очевидно, за перенесенные им страдания, в степень мастера, предоставив русским братьям право возвести его после освобождения сразу же в 18-ю степень⁴.

Что же касается официальной инсталляции ложи, то она происходила на квартире В. А. Маклакова. После оглашения

¹ Бебутов Д. О. Русское масонство XX века. // Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 130.

² Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 94.

³ Там же. С. 95.

⁴ Вяземский В. Первая четверть века существования зарубежного масонства. // Новый журнал (Нью-Йорк). 1985. Кн. 161. С. 234.

факта инсталляции ложи, вручения русским братьям официального диплома и поздравительных речей большая часть братьев удалась. Остались только А. А. Орлов-Давыдов, В. А. Маклаков, П. Майдель и Е. И. Кедрин. Всем им Сеншоль и Буле тут же присвоили 18-ю степень. Несколько позже, осенью 1908 года в 18-ю степень были посвящены Ф. А. Головин и С. Д. Урусов. Что касается Д. О. Бебутова и Н. Н. Баженова, то они получили ее еще в феврале 1908 года в Париже. Все это позволило позже объединить их всех в особый капитул 18-й степени¹. 11/24 мая 1908 года Сеншоль и Буле прибыли в Москву, где ими была инсталлирована уже известная нам ложа «Возрождение».

Представление о составе московского политического масонства той поры дает нам список членов ложи «Возрождение» от 11/24 мая 1908 года, опубликованный в 1966 году уже упоминавшимся Борисом Элькиным. Автором-составителем списка (всего в нем 12 фамилий) был, судя по всему, первый наблюдатель этой мастерской Сергей Дмитриевич Урусов. Среди первых членов московской ложи «Возрождение»: Н. Н. Баженов, В. И. Немирович-Данченко, С. В. Котляревский, Е. И. Кедрин, В. А. Маклаков. Затем идут фамилии вновь принятых братьев: присяжный поверенный И. Н. Сахаров, князь С. Д. Урусов, В. П. Обнинский — кадет, либеральный земец, присяжные поверенные О. Б. Гольдовский и С. А. Балавинский, кадет А. К. Дворжак, актер Малого театра в Москве А. И. Сумбатов (Южин). Все они, судя по всему, были приняты в ложу в один и тот же день 17 февраля 1908 года. Печать ложи «Возрождение» представляла собой треугольник, вписанный в круг. В центре его — изображение легендарной птицы Феникс, встающей из пепла. По сторонам треугольника следовала надпись «Возрождение».

Что касается печати петербургской ложи «Полярная звезда», то она была изготовлена Д. О. Бебутовым по образцу печати «Великого Востока Франции» и представляла собой девятиугольную

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 131, 133, 135–136.

звезду и скрещенные циркуль и наутольник в круте. Сама эмблема была обрамлена традиционной для масонов веткой акации. По кругу шла надпись: «Полярная СПБ звезда 1908»¹.

Ведущую роль в русском масонстве в 1907—1909 гг. играла петербургская ложа «Полярная звезда», что и не удивительно, так как именно в Петербурге находился, можно сказать, эпицентр политической жизни тогдашней России. Рост численного состава ложи устанавливается, как уже отмечалось, на основании списков ее членов (май — июнь 1908 года), опубликованных Борисом Элькиным: профессор русской литературы в Женском педагогическом институте А. К. Бороздин, историк П. Е. Щёголев, историк-архивист Н. П. Павлов-Сильванский, полковник лейб-гвардии Измайловского полка В. В. Теплов, бывший народовец Н. А. Морозов, заведующий рукописным отделом Публичной библиотеки А. И. Браудо, мировой судья И. А. Окунев, депутаты III Государственной Думы А. И. Шингарев и А. А. Булат, мировой судья А. К. Гольм, адвокат Болотин, профессор Горного института Л. И. Лутугин, адвокат С. Е. Кальманович. Кроме того, по воспоминаниям Д. О. Бебутова устанавливается, что членами «Полярной звезды» в эти годы были также отсутствующие в списках Б. Элькина профессор Политехнического института И. И. Иванюков, помощник присяжного поверенного депутат II и III Государственной Думы В. Л. Геловани и товарищ обер-прокурора Сената статский советник Н. В. Кармин². В общей сложности по состоянию на 29 июля 1908 года в двух русских политических ложах — «Полярная звезда» и «Возрождение» было уже 45 братьев³. Общее число братьев «Полярной звезды» периода 1906—1910 годов составило 60 человек⁴.

К этому времени ложа «Полярная звезда» настолько разрослась, что из нее в феврале 1909 года были выделены еще две так

¹ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 64.

² Там же. С. 61—62.

³ Там же. С. 65.

⁴ Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. С. 1144—1145.

называемые рабочие ложи — «Северное сияние» (наместный мастер Н. В. Некрасов) и «Заря Петербурга» (первый наблюдатель В. Д. Кузьмин-Караваев, секретарь А. А. Демьянов). Еще одной масонской мастерской, открытой в 1909 году, стала Военная ложа во главе с Н. Г. Андреяновым. Оратором в ней был С. Д. Масловский (Мстиславский). В сентябре 1908 года представители русских лож Д. О. Бебутов и М. С. Маргулиес приняли участие в ежегодном масонском съезде «Великого Востока Франции».

Следующим шагом на пути создания собственной организации русского масонства юрисдикции «Великого Востока Франции» стала структуризация и формирование его руководящих органов. Произошло это в ноябре 1908 года, когда масоны России созвали наконец свой первый съезд в Санкт-Петербурге, на котором присутствовало до 60 братьев. Заседания его продолжались три дня. Председательствовали на нем М. М. Ковалевский, Д. О. Бебутов, Ф. А. Головин. В результате было сформировано два руководящих органа русского масонства начала века: Верховный совет во главе с председателем кадетом князем С. Д. Урусовым и Совет 18-ти для братьев высоких степеней, который возглавил князь Д. О. Бебутов. Как видим, несмотря на показной демократизм масонов, во главе организации стояли все-таки представители русской аристократии. Среди членов Верховного совета: Д. О. Бебутов (секретарь), Ф. А. Головин (1-й страж), М. С. Маргулиес (2-й страж). Обязанности казначея исполнял кооптированный в Верховный совет уже после окончания съезда князь А. А. Орлов-Давыдов. Что касается Совета 18-ти, то в качестве наблюдателей здесь подвизались М. М. Ковалевский и Е. И. Кедрин. Обязанности секретаря исполнял Г. Х. Майдель, оратора — М. С. Маргулиес¹.

Задачей Капитула, или Совета 18-й степени, являлось наблюдение за продвижением братьев по степеням масонской иерархии. Непосредственной же их работой в ложах руководил Верховный совет. Главная задача, которая стояла перед ним, за-

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 136.

ключалась в распространении масонского «света» и устройстве лож не только в Москве и Петербурге, но и в других городах империи. Среди новых братьев, пополнивших ряды масонских лож в самом конце 1908 года, обращает на себя внимание фигура бывшего профессора кафедры всеобщей истории Киевского университета им. Св. Владимира, члена кадетской партии И. В. Лучицкого. В короткий срок этот новый брат сумел подготовить 11 кандидатов для посвящения в масонство. Это позволило уже в январе 1909 года открыть в Киеве первую масонскую ложу — «Киевская заря». Что касается состава ложи, то он был обычным для той поры: профессора, общественные деятели, гласные Киевской городской думы, юристы. Мастером-наместником ложи стал кадет барон Ф. Р. Штейнгель. Через полгода в Киеве была открыта еще одна ложа¹.

Всего за период 1906—1909 годов русскими братьями было создано 9 масонских лож, из которых четыре («Полярная звезда», «Северное сияние», «Заря Петербурга» и Военная ложа) работали в Петербурге. Две ложи, как уже отмечалось, располагались в Киеве. По одной мастерской функционировало в 1909 году в Москве («Возрождение»), Нижнем Новгороде («Звено одной цепи») и Одессе («Истина»). Существовали планы открытия масонских лож в Саратове, Курске и на Кавказе².

27 апреля 1906 года в торжественной обстановке открылась I Государственная Дума. На состоявшихся накануне выборах убедительную победу одержала конституционно-демократическая партия (153 депутата из 448). Собственно она, а также солидаризовавшиеся с ней крестьянские депутаты (трудовики, 107 человек), а также ряд примкнувших к ним мелких партий и групп либерально-демократического толка и определили политическое лицо этого первого в русской истории парламента. Собственно масонов в I Государственной Думе было немного — всего 11 человек: Е. И. Кедрин, М. М. Ковалевский, В. Д. Кузьмин-Караваев,

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 142—143.

² Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 96.

В. П. Обнинский, А. А. Свечин, С. Д. Урусов, А. Г. Вязлов, К. К. Черносвитов, Д. И. Шаховской, Ф. Р. Штейнгель, С. А. Котляревский. Конечно, повлиять на ход заседаний Думы они не могли, но позицию по отношению к правительству они заняли жесткую и, что самое главное, солидарную.

Центральным вопросом первых заседаний Думы стало обсуждение ответного адреса депутатов на тронную речь Николая II. Активное участие в завязавшейся в связи с этим дискуссии принимали масоны. В частности, В. Д. Кузьмин-Караваев выступил с предложением об отмене смертной казни. Нечего и говорить, что предложение это было встречено овацией со стороны радикально настроенных думцев. Другой масон, М. М. Ковалевский, со своей стороны, явно в унисон В. Д. Кузьмину-Караваеву предложил немедленную амнистию политическим заключенным. Конечно же, предложение это сразу же было поддержано еще одним братом — С. А. Котляревским, призвавшим думцев к обновлению страны на демократических началах. А еще один брат, князь Д. И. Шаховской, пошел в своих требованиях к правительству еще дальше, предложив вставить в текст думского адреса к императору требование ответственного перед Думой правительства.

На седьмом заседании I Государственной Думы 12 мая 1906 года М. М. Ковалевский призвал депутатов выразить недоверие правительству. Радикальную позицию заняли депутаты-масоны и при обсуждении аграрного вопроса, решительно поддержав кадетский проект «42-х», предусматривавший принудительное отчуждение у помещиков «излишков» земельной собственности¹.

Сенсацией стало выступление 8 июня 1906 года в Думе бывшего заместителя министра внутренних дел, а теперь уже и масона князя С. Д. Урусова, обвинившего «темные силы» в организации еврейских погромов, а своих недавних коллег по правительству, в частности Министерство внутренних дел, в попус-

¹ Карпачёв С. П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. С. 179—183.

тельстве этим *«темным силам»*. Попытавшемуся было защитить правительство министру внутренних дел П. А. Столыпину наши «демократы» попросту не дали говорить, и он вынужден был, прервав свою речь, сойти с трибуны. Зато «брата» С. Д. Урусова, напротив, депутаты выслушали очень и очень внимательно, проводив его громом аплодисментов. Одним из последних актов I Государственной Думы перед ее роспуском, необходимость в котором была очевидна для каждого непредвзятого человека, стало принятие ею законопроекта об отмене смертной казни. Важную роль в его разработке сыграли масоны, в частности В. Д. Кузьмин-Караваев, выступивший перед думцами со специальным докладом по этому вопросу.

Уяснив наконец, что никакая конструктивная работа с откровенно настроенными на продолжение революции в стране думцами невозможна, правительство вынуждено было 9 июля 1906 года распустить Думу и объявить новые выборы. Однако и они не оправдали ожиданий правительства. По большому счету, II Государственная Дума (20 февраля — 2 июня 1907 года) оказалась еще более левой, чем I. Крупнейшими фракциями в ней были трудовики, кадеты и социал-демократы. Правда, масонов среди них было всего 8 человек: А. А. Булат, Ф. А. Головин, В. Д. Кузьмин-Караваев, В. А. Маклаков, А. Шингарев, А. А. Демьянов, О. Я. Пергамент и К. К. Черносвитов. Из них В. Д. Кузьмин-Караваев представлял Партию демократических реформ, а А. А. Булат примыкал к Трудовой группе. Остальные 6 депутатов-масонов были кадетами¹. Восемь человек — из 518 депутатов. Это, казалось бы, совсем немного. Но именно из их числа был избран председатель Государственной Думы. Им стал земский деятель и масон Ф. А. Головин.

Благодаря усилиям «леваков» II Государственная Дума больше напоминала антиправительственный митинг, чем серьезное законодательное учреждение. Не были настроены на взаимодействие с правительством и депутаты-масоны, думские выступ-

¹ Карпачёв С. П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. С. 191.

ления которых носили поджигательский, конфронтационный по отношению к властям характер. *«Вы расстреливаете не несчастных людей, не случайные жертвы, не отдельных озлобленных несчастных. Ваши пули стреляли в совесть русского народа»*, — витийствовал на думской трибуне масон В. А. Маклаков. Когда же депутаты-монархисты резонно напомнили ему о терроре подпольщиков-революционеров, В. А. Маклаков не моргнув глазом заявил, что *«ужасы легального убийства превосходят все эксцессы революционного террора»*. *«Рекорд по части забвения человеческой природы власть побила над революцией»*, — заявил он. II Государственная Дума просуществовала всего 102 дня и уже 3 июня 1907 года повторила участь I Думы.

Плачевный опыт неудачного взаимодействия с «народными избранниками» в I и II Государственных Думах кое-чему научил-таки правительство. Обнародованный 3 июня 1907 года новый избирательный закон положил заслон беспрепятственному проникновению радикалов в будущую III Государственную Думу, начавшую свою работу 1 ноября 1907 года. Левые партии были в ней уже в явном меньшинстве. Из масонов в нее прошли всего 11 человек: А. А. Булат, Ф. А. Головин, А. М. Колюбакин, В. А. Маклаков, Н. В. Некрасов, А. И. Шингарев, Г. Р. Килевейн, О. Я. Пергамент, Н. С. Розанов, В. А. Степанов, К. К. Черносвитов¹. Что касается популярности, то вне всякой конкуренции среди думских ораторов был, несомненно, в это время В. А. Маклаков, не раз срывавший во время своих ярких зажигательных выступлений бурные аплодисменты. В. А. Маклаков специализировался на вопросах национального и гражданского равноправия, судебной реформы. Другой думский оратор-масон, А. И. Шингарев, выступал по вопросам бюджета, финансов и местного самоуправления. Он яростно протестовал против правительственных попыток урезать расходы на образование. *«Мы сотни миллионов тратим на оборону, — демагогически восклицал А. И. Шингарев, — и забываем, что основа страны заключается в куль-*

¹ Карпачёв С. П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. С. 197.

туре, что голодный, необеспеченный учитель не может быть созидателем хорошей культуры. Обеспечьте сначала учителя, дайте деревне хорошего учителя, и вы поднимете культуру страны!»¹. Естественно, что коллеги А. И. Шингарева по масонской ложе были полностью солидарны со своим братом.

Подводя итог думской деятельности масонов в период 1906—1910 годов, отметим, что общее число их среди членов Государственной Думы всех трех созывов едва ли превысило три десятка человек. *«Думские выступления «детей вдовы», — отмечает специально исследовавший этот сюжет историк С. П. Карпачёв, — были проникнуты чувством государственной ответственности, демократизма и гуманизма, стремлением сделать русское государство более цивилизованным, приблизить его к более высоким мировым образцам»*². Что касается стремления масонов-думцев приблизить русское государство к мировым образцам — тут спору нет. Но что касается чувства государственной ответственности, которым якобы были проникнуты их выступления, то здесь можно поспорить. С нашей точки зрения именно как раз чувства государственной ответственности и не хватало нашим братьям масонам. Зато демагогии и политиканства в их выступлениях было хоть отбавляй.

Главной задачей русских лож французского обряда была борьба за ограничение самодержавия и превращение России в современное правовое, демократическое государство. Однако поскольку численность лож в стране была еще незначительной, реально на первый план выходила более узкая и скромная цель: *«обволакивание, — по словам М. С. Маргулиеса, — власти людьми, сочувствующими масонству»*³. О том же, по существу, говорит в своих воспоминаниях и князь Д. О. Бебутов. *«Мне казалось, при создании масонства можно было бы во всех центрах*

¹ Карпачёв С. П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. С. 179.

² Там же. С. 190.

³ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 100.

иметь группы, которые, разрастаясь, могли бы проникать во все отрасли государственной жизни», — отмечал он¹.

Важное значение придавалось также руководителями русского масонства налаживанию и укреплению международных связей русских лож. С этой целью в начале 1909 года по поручению Верховного совета М. С. Маргулиес и С. Д. Урусов посетили ряд масонских лож Италии, Швейцарии и Австро-Венгрии (Будапешт), а князь Д. О. Бебутов (позже к нему присоединились М. С. Маргулиес и С. Д. Урусов) — Константинополь, где русские братья были подробнейшим образом ознакомлены с организацией турецкого масонства и распространением масонских идей среди младотурок².

В мировоззренческом плане практически все адепты вольного каменщичества в России начала XX века были приверженцами рационалистической позитивистской философии и к религии и церкви относились равнодушно. Показателен в этой связи профессор М. М. Ковалевский. Почувствовав приближение смерти, он решился все-таки пригласить к себе православного священника и причаститься. Не сомневаясь во враждебном отношении братьев масонов к этому шагу, он вынужден был оправдываться перед ними, что делает это не из-за своих религиозных убеждений, которых у него как у масона нет, а только «в память и ради своей матери»³.

Крайне враждебные позиции по отношению к Русской православной церкви занимали Н. А. Морозов, В. А. Маклаков, П. Н. Яблочков, другие масоны. «Альфой и омегой» этих людей был космополитизм и приверженность так называемым «общечеловеческим ценностям». Православие и патриотизм среди таких ценностей, естественно, не значились. Практически все русские масоны были убежденными западниками и превыше всего ставили ценности не своей русской, а западной европейской

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция С. 145—146.

² Там же. С. 139—142.

³ Карпачёв С. П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. С. 139.

культуры: свобода, демократия и гуманизм. В продвижении этих любезных их сердцу ценностей на бескрайние пространства России они, собственно, и видели свою главную цель. Массонство как часть западной культуры, западной цивилизации привлекало их, прежде всего, возможностями расширения западного влияния в нашем отечестве, считает уже цитировавшийся нами московский историк С. П. Карпачёв¹.

«Я полностью офранцузился и понимаю потребности и стремления французского общества лучше, чем потребности и стремления того общества, в котором я родился», — с грустью вынужден был отметить Г. Н. Вырубов². Постоянно подчеркивает в своих воспоминаниях русскую косность и отсталость и князь Д. О. Бебутов. Убеденными западниками-космополитами были Ю. С. Гамбаров, Н. Н. Баженов и многие другие масоны. Правда, С. П. Карпачёв в своей книге о масонской интеллигенции в России конца XIX — начала XX века пытается доказать, что европоцентризм и западничество наших масонов якобы органично сочетались у них, или, по крайней мере, у части их, с патриотизмом, национализмом и приверженностью к русской государственности. Спору нет, все это в целом ряде случаев действительно, как говорится, «имело место». Однако патриотизм этот был весьма и весьма специфическим — в смысле приобщения России к ценностям западной демократии. Обратной стороной этого «патриотизма» было оправдание ими борьбы с самодержавием как главным препятствием на пути вхождения России в «мировое сообщество» и разрушение Российской империи — «тюрьмы угнетенных народов».

Конечно, люди в масонских мастерских были самые разные. Попадались среди них и государственники, выступавшие за сохранение «единой и неделимой России» и после свержения самодержавия в стране. Однако они в масонском сообществе той поры были в явном меньшинстве. Характерен в этой связи отказ

¹ Карпачёв С. П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. С. 160.

² Там же. С. 149.

государственника М. М. Ковалевского подписать так называемое «Выборгское воззвание» 1906 года части членов распущенной правительством Государственной Думы. Как государственник, заявил он, я не могу подписывать документ, призывающий народ не платить налоги. Поддержки у братьев позиция М. М. Ковалевского, при всем уважении к нему как организатору первых масонских лож в России, тем не менее не нашла. Погоду в ложах в этом отношении делали не государственники, а так называемые «автономисты» — сторонники вхождения нерусских народов, если они того после свержения самодержавия пожелают, в состав будущей Российской демократической республики на правах автономных образований. Существовала даже организация по координации усилий национал-сепаратистов — Союз автономистов и федералистов. Председателем его, понятное дело, был масон М. С. Маргулиес.

С. П. Карпачёв, который отнюдь не скрывает своих симпатий к масонству, всячески подчеркивает альтруизм, бескорыстие российских вольных каменщиков. И действительно, примеры такого бескорыстия в истории масонства найти, конечно, можно. Так, будущий масон и кадет А. И. Шингарев в свое время ради абстрактной идеи служения народу даже отказался от университетской кафедры и уехал в деревню лечить крестьян. Не придавал значения деньгам, охотно ссужая их в долг всем, кто попросит, и П. Н. Яблочков¹. Фактически за свой счет содержал масонскую ложу «Полярная звезда» в Санкт-Петербурге и граф А. А. Орлов-Давыдов. Бескорыстие и альтруизм его были так велики, что в годы Первой мировой войны он даже открыл за свой счет ряд столовых и лазаретов и давал пособия нуждающимся семьям мобилизованных в армию воинов.

Крупные суммы в пользу кадетской партии жертвовал и князь Д. О. Бебутов. Большим альтруистом, человеком, чуждым всякого самовосхваления и рекламы, был и Г. Н. Вырубов. Примеры такого рода можно было бы продолжить. Но еще никто и нигде не

¹ Карпачёв С. П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. С. 117.

доказал и никогда не докажет, что другие люди, не масоны, были, есть или будут хуже и не занимались, скажем, благотворительностью, не помогали друзьям и прочее. На самом же деле, вопреки установке С. П. Карпачёва, какими-либо особыми нравственными качествами, по сравнению с другими людьми, масоны начала XX века как раз и не отличались: женились, разводились (а некоторые, как, например, граф А. А. Орлов, — дважды или Н. А. Морозов — трижды). Были среди них и карьеристы, и дельцы, и картежные игроки (А. И. Сумбатов-Южин), и пьяницы, и честолюбцы. В общем, все как у людей их состояния, их круга.

Примерно $\frac{2}{3}$ состава русских масонских лож начала XX века были выходцами из первенствующего сословия государства, то есть дворянства. В том числе $\frac{1}{10}$ часть личного состава относилась к дворянству титулованному — князья, графы, бароны. Около 10% масонов той поры были евреями¹. Крайне незначительно были представлены в масонских ложах купечество и духовенство. О рабочих и крестьянах, то есть собственно самом русском народе, и говорить нечего. Что им было делать в масонских ложах, среди всех этих помещиков, крупных чиновников, преуспевающих адвокатов и профессоров?

Рыба гниет с головы — гласит народная поговорка. Парадокс русской действительности начала века состоял в том, что в оппозиции к правительству находились не низы, а прежде всего верхи общества, его так называемые сливки — его наиболее состоятельная и привилегированная часть. Так, богатейшим, а следовательно, и свободнейшим человеком на Руси того времени был, несомненно, один из наиболее известных масонов граф А. А. Орлов-Давыдов, в собственности у которого были: свекло-сахарный завод в Тамбовской губернии, обширные земельные владения в десятках других губерний, каменные дома в Москве и Петербурге, дачи под Ревелем и Мариенбургом, крупные капиталы в несколько миллионов рублей в русских и заграничных банках. Его коллега князь С. Д. Урусов после окончания универси-

¹ Карпачёв С. П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. С. 65.

тета поселился в имении своей жены — «Расва» (1300 десятин). Здесь к его услугам были: 16-комнатный жилой дом, несколько экипажей, прислуга. В домашней оранжерее выращивались персики, сливы, дыни и арбузы. Кроме «Расвы» С. Д. Урусову принадлежали еще два имения: одно в Калужской (650 десятин) и одно в Орловской (750 десятин) губерниях. В то же время, при всем своем богатстве, этот выдающийся масон был неимоверно скуп и, по отзывам современников, всю свою сознательную жизнь вел приходно-расходную книгу, куда пунктуально заносил все свои даже малейшие траты. В конце же своей жизни, когда пришла пора подводить ее итоги, он констатировал: *«Я вел очень регулярную жизнь, рано ложился спать, редко и случайно пил вино, не кутил, не подписывал в течение своей жизни ни одного векселя»*. За 50 лет этот масон и гуманист сшил себе всего три фрака, шесть сюртуков, на конских бегах был всего два раза, причем на скачках — ни одного¹.

Конечно, далеко не все масоны были такими скрягами, как князь С. Д. Урусов. Большинство братьев как раз не стеснялись в расходах и не пренебрегали радостями жизни. Тем более что состояния их им это позволяли. Так, не менее чем в 150 тысяч рублей оценивалась стоимость усадьбы «Турлика» известного масона В. П. Обнинского: хороший кирпичный дом, облицованный камнем в новоанглийском стиле высотой 6 аршин. В доме паркетные полы, кухня с лифтом для подачи воды и дров, душ с горячей и холодной водой, центральное отопление, голландские печи и камин, телефон, мебель из дворца имама Шамиля в Калуге, ковры, картины, библиотека французских классиков (9 тысяч томов) и прочее. При усадьбе В. П. Обнинского были обширные хозяйственные постройки, погреба и 250 десятин земли². В общем, жилось гуманисту-масону в самодержавной России, как видим, совсем неплохо. Неплохо жилось в ней и другим братьям. Обширным имением в 617 десятин в Дмит-

¹ Карпачёв С. П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. С. 121—129.

² Там же. С. 122—123.

ровском уезде располагал Ф. А. Головин. Большими земельными угодьями владели Г. Н. Вырубов и М. М. Ковалевский (последний считался одним из крупнейших землевладельцев Харьковской губернии).

Думать, что всех этих господ привела в масонские ложи печаль об униженных и оскорбленных на Руси, не приходится. В то же время можно предположить, что отнюдь не личная корысть и не жажда власти как таковой питала неустойчивую оппозиционность большинства наших либералов конца XIX — начала XX века. Для этого, надо отдать им должное, они были слишком прекраснодушны. Истинная подоплека оппозиционности сливок тогдашнего русского общества лежит, можно сказать, на поверхности: полученное ими западное воспитание и образование. И дело тут не только в иностранцах-гувернерах, подвизавшихся чуть ли не в каждой дворянской семье, или германских университетах, в которых стажировался чуть ли не каждый будущий русский университетский профессор. Сама система народного просвещения в стране была такова, что какого-либо другого убеждения, что если и есть настоящая, достойная человека жизнь, то искать ее следует только на Западе, вынести из нее учащиеся едва ли могли. Русская дореволюционная школа, отмечал в связи с этим П. И. Ковалевский, *убила у учащихся «Бога, убила национальность, убила государственность, убила семью, убила человека»*¹. Определенный элемент преувеличения в этом суждении, конечно же, есть. Одно несомненно: и «образовывали», и воспитывали учащихся в дореволюционной России со времен Петра Великого не в национальном, а в космополитическом духе, на западный, так сказать, манер. Отсюда и результаты.

Не следует забывать и то, что, будучи людьми, как правило, состоятельными, будущие русские масоны годами вольготно жили за границей и какой-либо другой жизни для себя просто не представляли. Крайне любопытно в этой связи следующее признание известного масона В. А. Маклакова. *«Я так привык*

¹ Ковалевский П. И. Национализм и национальное воспитание в России. Нью-Йорк, 1922. С. 50.

к свободной жизни во Франции, она стала казаться мне настолько естественной, — вспоминал он, — что я почти позабыл уроки России, ту строгость и произвол, которые я испытывал на себе еще в гимназии»¹.

Организационные усилия руководителей русского масонства не пропали даром. Общая численность мастерских французского обряда выросла за период 1908—1909 годов, по крайней мере, вдвое. Общее же число масонов в России за 1907—1909 годы определяется специалистами в 100 человек, причем имена 94 из них устанавливаются документально. К сожалению, это всё главным образом члены столичных масонских лож, в то время как имена рядовых членов лож провинциальных остаются нам практически неизвестными².

В партийном отношении 25 % из них принадлежали к конституционным демократам. Да и сами заседания петербургской ложи «Полярная звезда» происходили над помещением бывшего кадетского клуба. Здесь же собиралась и думская фракция кадетской партии: Ф. А. Головин, В. А. Караулов, А. Н. Букейханов, Е. И. Кедрин, А. М. Коллюбакин, С. А. Котляревский, В. А. Маклаков, В. П. Обнинский, Н. В. Некрасов, В. А. Оболенский, А. А. Свечин, К. К. Черносвитов, А. И. Шингарев, Ф. Р. Штейнгель. Активно участвовали в масонских ложах этой поры и эсеры: В. М. Зензинов, П. Н. Переверзев, С. Д. Мстиславский, О. Я. Пергамент, П. М. Макаров, что, несомненно, способствовало дальнейшей радикализации и политизации думского масонства. Менее представительным было участие в политическом масонстве начала века думских фракций народных социалистов и трудовиков (Н. С. Розанов, А. А. Булат, А. А. Демьянов) и депутатов от национальных меньшинств (И. Злорис-Меликов, Г. Ф. Зданович, В. Л. Геловани)³.

¹ Карпачёв С. П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. С. 90.

² Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 84.

³ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 102.

Глава 2

*«Февральский переворот» в... 1910 году:
«молодые реформаторы» берут власть в ложах.
Образование (1912) и первые шаги
«Великого Востока народов России»*

А теперь о том, что историк В. И. Старцев назвал «незримой драмой русского масонства» начала XX века. Дело в том, что общая обстановка в масонских ложах этого времени была далеко не братской. Разоблачение в декабре 1908 года провокационной деятельности Е. Ф. Азефа¹ в партии социалистов-революционеров (напомним, что ряд видных представителей ее входили в то же время и в масонские ложи), а также неосторожное интервью Е. И. Кедрина, опубликованное в газете «Русское слово», где он объявил, что имеет степень мастера одной из парижских лож, сильно напугали «братьев», заподозривших проникновение в свою среду агентов Департамента полиции. Под подозрением оказались: Д. О. Бебутов, Е. И. Кедрин, М. С. Маргулиес, В. А. Маклаков, С. С. Жихарев, Н. Н. Баженов и ряд других братьев, а деятельность некоторых из них (Д. О. Бебутов, С. С. Жихарев) даже подверглась специальному масонскому расследованию.

Конечно, осведомителями Департамента полиции вышеупомянутые братья, скорее всего, не были. Но вели они себя по меньшей мере неосторожно, поскольку не считали нужным скрывать свою принадлежность к ордену вольных каменщиков. А об интервью Е. И. Кедрина и говорить нечего. На Западе, уверял он читателей газеты «Русское слово», в особенности во Франции, масоны никогда не были так могущественны, как в настоящее время. *«Черносотенцы стараются уверить, что освободитель-*

¹ Огромную роль в разоблачении этого известного провокатора сыграли, как выясняется в свете последних изысканий, масоны Н. А. Морозов, А. И. Брудо и С. Д. Урусов. См.: Сержов А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. СПб., 1997. С. 103; Горюхицкий Р. А. Боевая организация социалистов-революционеров в 1901—1911 гг. М., 1998. С. 148—149.

ное движение в России вызвано масонами. Это совершенно неверно, к сожалению. Говорю «к сожалению», потому что при участии масонов движение получило бы совершенно другую окраску и было бы гораздо более могущественным»¹. Собственно, с этой целью — резко усилить натиск антиправительственных сил на самодержавие — и создавалась, как мы знаем, с помощью братьев из «Великого Востока Франции» масонская организация в России. Однако публично, во всеуслышание подчеркивать опасность связи французского масонства с освободительным движением в России — это для масона было, конечно же, чересчур.

Гнетущую атмосферу масонских лож той поры хорошо передает в своих мемуарах Д. О. Бебутов. *«Мне часто приходилось замечать, — пишет он, — что между братьями нет настоящей близости, без чего масонство обречено на смерть. Из Москвы все чаще приходили сведения, что все очень недовольны Баженовым, который недостаточно конспиративен и часто чрезмерно болтлив. Кем-то получено сведение, что Жихарев на подозрении у социалистов-революционеров. По этому случаю был назначен суд, который не нашел ничего подозрительного и даже пожалел Жихарева, который был искренне этим потрясен. Затем многих стала пугать систематическая травля в черносотенной прессе против жидомасонов кадетов... Словом, начало создаваться какое-то прекращение занятий»*².

Наконец, после получившего широкую огласку скандала, связанного с иском к Алексею Орлову-Давыдову, на котором, собственно, все и держалось с финансовой точки зрения, со стороны артистки М. Я. Пуаре (Марусиной) по поводу необходимости признания им своего внебрачного ребенка, ложа «Полярная звезда» стала разваливаться буквально на глазах. О том, какого накала достигли споры в масонской среде этого времени, красноречивее всего говорит следующий факт. В конце 1909 года «братья» М. С. Маргулиес и П. М. Макаров ни с того ни с сего

¹ Масоны. // Русское слово. 1908. 8 ноября. С. 3.

² Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 143—144.

потребовали у князя Д. О. Бебутова показать им его французский масонский диплом. Д. О. Бебутов показал и тут же горько пожалел об этом. Взбешенный П. М. Макаров выхватил из рук владельца злополучный диплом и тут же, на глазах изумленного Д. О. Бебутова разорвал его¹. А ведь, казалось бы, интеллигентный человек, инженер. Все дело в том, что П. М. Макаров подозревал в Бебутове провокатора.

Уверенность в наличии провокации была настолько распространена в масонских ложах Москвы и Петербурга, что, например, один из лидеров русского политического масонства Н. В. Некрасов не удержался, чтобы не заявить об этом даже в своих показаниях в НКВД 1939 года, указав на Д. О. Бебутова и М. С. Маргулиеса как на лиц не только нечистоплотных в моральном отношении, но и прямо опасных для масонов по их связям с царской охранкой².

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что масоны каким-то образом узнали о командировке сотрудника Департамента полиции Б. К. Алексеева в Париж и, узнав, решили, что правительству удалось-таки напасть на след их организации. *«В 1909 году, — отмечает в своей «записке» Л. Д. Кандауров, — до сведения Департамента полиции дошло, что в России действует франкмасонская организация, учрежденная «Великим Востоком Франции»... Члены русских лож «Великого Востока» насторожились и в конце 1909 года от страха или от скуки — ложи было решено усыпить»³.*

Однако современные историки масонства (А. Я. Аврех⁴, В. И. Старцев) не поддерживают эту версию. Суть конфликта, по мнению В. И. Старцева, была в том, что в отличие от Н. В. Некрасова и его единомышленников, смотревших на масонство как на действенный инструмент борьбы с самодержавием, старое по-

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 144.

² Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В. В. Шелохаева и В. В. Поликарпова. // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 38.

³ Соловьев О. Ф. Русские масоны от Романовых до Березовского. С. 208.

⁴ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 317—325.

коление русских масонов в лице Д. О. Бебутова, М. С. Маргулиеса и других крепко держалось за морально-нравственные основы учения вольных каменщиков¹. Отсюда и конфликт между ними. А подозрения в отношении ряда «братьев» в их провокаторстве, кстати, ничем и никогда не подтвержденные, — это уже закономерное следствие наметившейся среди масонов розни. Нечего много и говорить, что большинство «братьев» были на стороне Н. В. Некрасова и его сторонников. «Старики» вроде Д. О. Бебутова и Е. И. Кедрина, упрямо придерживавшиеся принципов «нравственного» масонства, им только мешали. Отсюда разрабатывавшиеся в это время среди реформаторов планы коренной реорганизации масонства в России, что позволило бы им избавиться от «балласта».

Инициатором коренной реорганизации русского масонства на новых, более отвечающих политическим реалиям страны началах был А. М. Колюбакин. Деятельную роль в этом процессе сыграли также его коллеги по кадетской партии Н. В. Некрасов и князь С. Д. Урусов². Воспользовавшись циркулировавшими в то время в «братской» среде слухами о якобы проникших в масонские ложи провокаторах и агентах царской охраны, «молодые реформаторы» решили на время «прикрыть» ставшие «ненадежными» масонские мастерские, чтобы, оставив таким образом за бортом несогласных с ними сторонников «нравственного» масонства, сформировать из оставшихся фактически новую масонскую структуру. В феврале 1910 года по их инициативе во исполнение этого плана состоялось общее собрание братьев, игравшее, по сути дела, роль своеобразного масонского конвента. От Петербурга на нем присутствовали Ф. А. Головин, С. Е. Кальманович, Н. А. Морозов, Я. Н. Гордеенко, Д. О. Бебутов и Н. В. Некрасов. От московских масонов присутствовали Н. Н. Баженов и С. Д. Урусов, от киевских — А. Г. Вязлов и Полторацкий. Из Нижнего Новгорода — Г. Р. Кильвейн и Каминский. От Военной

¹ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 81.

² Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 65.

ложи — С. Д. Масловский и П. М. Макаров. Председательствовал Ф. А. Головин.

Повестка дня была одна: распускаться или нет. Д. О. Бебутов заявил, что на закрытие масонских лож у собравшихся нет необходимых полномочий. После горячих споров с перевесом в один голос победили сторонники предоставления ложам самим решить их дальнейшую судьбу. *«При таком неопределенном настроении ложи предпочли временно уснуть»*, — отмечал Д. О. Бебутов¹. Ему и в голову не могло прийти, что все это было не что иное, как фарс, устроенный за его спиной спектакль, призванный «усыпить» прежде всего его самого, а также его коллег Н. Н. Баженова, М. С. Маргулиеса и других противников чрезмерной политизации масонских лож.

Анализ состава мастерских «Великого Востока Франции» в России и пришедших им на смену лож «Великого Востока народов России» (1912 г.) показывает, отмечает в связи с этим А. И. Серков, что в феврале 1910 года произошло фактическое «усыпление» масонов, установивших тесные контакты с Францией и получивших капитулярные степени (Д. О. Бебутов, Н. Н. Баженов, Е. И. Кедрин, В. А. Маклаков, М. С. Маргулиес и другие), представителей национальных партий (И. Злорис-Меликов, В. Л. Геловани). Формальным поводом была объявлена, как уже отмечалось, склонность этих братьев к болтовне, которые, живя в Петербурге, активной политической жизнью тем не менее не занимались. Так фактически были выведены, отмечает А. И. Серков, из масонских лож *«все профессора, которые стояли у истоков масонства в России, поскольку они тяготели к философскому, а не политическому масонству»*². Не все, правда, подчинились решению февральского совещания об «усыплении» братьев. Среди мастерских «Великого Востока Франции» в России, деятельность которых была продолжена и

¹ Бебутов Д. О. Русское масонство XX века. // Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 144—145.

² Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 105.

после 1910 года, — «Литва» (Вильно), «Федерация» (ею руководил П. Н. Переверзев) и «Белый орел» (из польских уроженцев, проживавших в то время в Санкт-Петербурге). Но погоды эти ложи в масонском сообществе того времени, конечно же, не делали.

Были прекращены, судя по всему, и работы самой многочисленной из лож Верховного совета русского масонства — «Полярная звезда», хотя, по некоторым данным, они все-таки продолжались вплоть до 1913 года. Есть сведения (М. С. Маргулиес) и о том, что в 1919 году братья из «Полярной звезды» были якобы «усыновлены» парижской ложей «Дружба народов».

Итак, после февраля 1910 года большая часть лож Верховного совета русского масонства возобновила свои работы, но уже под новым руководством — Николая Виссарионовича Некрасова. Профессор Томского университета, специалист по статике и сооружению мостов, он рано изменил своему призванию, увлекся политикой и вступил в 1907 году в кадетскую партию. Как впоследствии оказалось, это был правильный ход. Н. В. Некрасова тут же избирают депутатом III, а затем и IV Государственной Думы. Здесь он зарекомендовал себя как яркий, неординарный политик. Такие люди масонам были, конечно же, нужны, и уже в 1908 году состоялось посвящение Н. В. Некрасова в петербургской ложе «Полярная звезда» под руководством А. А. Орлова-Давыдова. Понятно, что оставаться на вторых ролях даже в масонской ложе такой умный и деятельный человек долго не мог. Он и не остался, причем решающую роль здесь сыграл, несомненно, февральский масонский мини-переворот 1910 года. Был ли он необходим? Видимо, да.

Строгая конспирация была нужна масонам не только в целях сокрытия своих работ от агентов Департамента полиции, но и от некоторых деятелей левого крыла оппозиционных к масонству деятелей. Дело в том, что согласование в рамках масонских лож единой позиции различных политических фракций в Думе могло быть эффективно лишь только в том случае, если думцы-«профаны» ничего бы не знали и даже не догадывались,

что выступают объектами масонской политической игры¹. Первоочередной задачей в этих условиях было провести немалую подготовительную работу по организационному становлению новой масонской структуры в России. И началась она, естественно, с учреждения новых, уже очистившихся от неудобных членов масонских мастерских. Конечно же, основу или костяк их составляли старые, проверенные масонские кадры. Но не только. Согласно подсчетам историка В. И. Старцева, из 94 человек, членов лож французского обряда, в ложи «Великого Востока народов России» перешло всего только 37². «Усыплено», таким образом, было свыше 50 человек. Конечно, это не мешало им считать себя по-прежнему масонами и бывать в ложах, правда, уже не в России, а во Франции.

«Усыпление» старых масонских лож и организация на их основе лож новых позволили реформаторам не только избавиться от мешавшего им балласта — сторонников так называемого «нравственного масонства», но и существенно обновить свои ряды, влить в еще не вполне окрепшую организацию «свежую кровь». К сожалению, мы еще слишком мало знаем о новых ложах, учрежденных после февраля 1910 года. Видное место среди них занимала, судя по всему, ложа «Малая медведица» (1911 г.). Среди ее членов — такие известные масоны, как Б. Г. Барт, А. И. Браудо, С. Д. Масловский, П. Н. Переверзев, П. М. Макаров, А. А. Демьянов, А. Я. Гальперн. Мастером-наместником ложи был А. А. Демьянов, первым надзирателем — П. М. Макаров, вторым — А. И. Браудо. В 1912 году в «Малой медведице» был посвящен А. Ф. Керенский.

Из других новых лож обращает на себя внимание думская ложа «Роза» (1910 г.), составившаяся из депутатов-масонов, членов III Государственной Думы: Н. В. Некрасов, А. М. Колубакин, В. А. Степанов, Н. К. Волков и других, причем среди них были не только кадеты, но и представители других политических пар-

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 23—24.

² Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 84.

тий, представленных в Думе: меньшевиков — Е. П. Гегечкори, М. И. Скобелев, Н. С. Чхеидзе; прогрессистов — И. Н. Ефремов, А. И. Коновалов; трудовиков — А. Ф. Керенский. В этом, собственно, и состоял смысл учреждения думской ложи.

Достоин упоминания присоединение в 1911 году к новому русскому масонству во главе с Н. В. Некрасовым и С. Д. Урусовым и двух так называемых «английских» лож. Одна из них работала в Санкт-Петербурге, другая — в Архангельске. Основателем английского масонства в России в начале XX века был настоятель англиканской церкви посольства Великобритании в Санкт-Петербурге пастор Б.-С. Ломбард. Одним из деятельнейших членов английского масонства в Санкт-Петербурге был депутат Государственной Думы В. П. Басаков¹. Заметного следа в России английское масонство не оставило. Как, впрочем, и масонство германское. Внедрение последнего на русской почве всецело было связано с деятельностью сотрудника германского посольства в Санкт-Петербурге Эрвина Германа (1859—1925). В России он появился в 1904 году и уже тогда попытался создать небольшой масонский кружок при посольстве, правда, не вполне удачно. О работе этого кружка известно, впрочем, мало.

Следует подчеркнуть, что и после февраля 1910 года, наряду с ложами «Великого Востока народов России», продолжались на ее территории и «работы» других масонских послушаний. В первую очередь здесь следует отметить мастерские «Великой ложи Франции», учредившей в России по крайней мере 5 своих регулярных лож. Особенно влиятельной среди них была ложа «Феникс» (основана в 1906 году), работавшая по шотландскому уставу. Сюда, в частности, входили: Е. В. Аничков, Ю. С. Гамбаров, И. И. Иванюков, Е. В. де Роберти и другие. Возглавлял ложу М. М. Ковалевский². К 1916 году относятся сведения и о ложе «Два горизонта», также работавшей, судя по всему, по Древнему и при-

¹ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 108.

² Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. С. 1145.

нятому шотландскому уставу, а также родственной с ней ложе «Четыре элемента» (М. Анатольев, М. Добрянский и другие).

Из петербургских лож, непосредственно подчинявшихся «Великому Востоку Франции», в России этого времени можно отметить: «Человечество» (Р. М. Бланк и другие), «Федерация» (А. Д. Марголин), «Звено одной цепи» («Железное кольцо») и «Белый орел».

Но вернемся к работе лож масонской организации во главе с Н. В. Некрасовым и С. Д. Урусовым. Собрания их в 1910—1912 годах происходили более или менее регулярно — один раз в неделю. Обсуждались на них, главным образом, вопросы политического характера: согласование действий братьев в Государственной Думе и прочее. Сами ложи принципиальных решений, впрочем, не принимали, а только выносили свои предложения через секретаря организации Н. В. Некрасова в Верховный совет¹. Принципиальным отличием этой новой или, во всяком случае, основательно обновленной организации являлся ее радикальный характер. В отличие от своих предшественников, «новые» масоны уже прямо заявляли, что они ориентируются на замену монархии демократической республикой через ту или иную форму государственного переворота. Вопросы нравственного совершенствования находились у них далеко не на первом плане. Да и состав самих лож серьезно «полевел» по сравнению с периодом 1906—1909 годов, прежде всего за счет широкого привлечения в них левых кадетов, меньшевиков и эсеров.

В 1910—1911 годах в петербургские ложи (состав провинциальных, к сожалению, практически неизвестен) были приняты следующие лица: В. А. Степанов, Н. С. Чхеидзе, А. Я. Гальперн, Е. П. Гегечкори, Н. К. Волков, Н. Д. Соколов, В. Г. Харитонов, В. А. Оболенский, Б. Г. Барт, В. А. Виноградов, Я. Я. Брусов. Шестеро из них были меньшевиками, четверо — кадетами².

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 79.

² Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 96.

О том, как и при каких обстоятельствах происходили эти первые посвящения, подробно рассказал в своих беседах с Б. И. Николаевским меньшевик Н. С. Чхендзе. Беседы происходили 24—26 августа 1925 года в Марселе:

«Как-то раз — это было в 1910 г. — ко мне подошел член Государственной Думы Степанов, левый кадет, и спросил меня, не нахожу ли я возможным вступить в организацию, которая стоит вне партий, но преследует политические задачи и ставит своей целью объединение всех прогрессивных элементов; упомянул он при этом, что для вступления необходимо принятие какой-то присяги и что вообще это связано с некоторым ритуалом. О том, что это масоны, он мне прямо не сказал. Я не был знаком с характером этой организации, равным образом я мало знал и о масонстве вообще, но почему-то — не припомню теперь, почему именно, — сразу догадался, что речь идет о масонской ложе, и тотчас же выразил свое согласие. Степанов указал, куда я должен прийти, — адреса я теперь не помню. В назначенное время я пришел. Меня ввели в отдельную комнату, где Степанов дал мне анкетный листок с рядом вопросов, на которые я должен был ответить (Степанов об этой анкете предупредил меня заранее), и оставил меня одного. Я сел писать ответы. Насколько вспоминаю, вопросы были следующие (приведу, что помню, вместе со своими ответами).

Как вы относитесь к семье? — Признаю ее как ячейку, имеющую воспитательный и объединяющий характер.

Как вы относитесь к человеческому прогрессу? — Признаю, что человечество идет к тому, чтобы стать одной семьей, к этому ведут объективные условия развития человечества, и считаю необходимым всеми силами работать над этим.

Ваш взгляд на религию? — Считаю, что нужно быть терпимым ко взглядам каждого.

Какие пути и методы международных отношений вы признаете? — Считаю, что только пути мирного сотрудничества, что только общечеловеческая солидарность и стрем-

ление к взаимному пониманию являются основами, на которых должны складываться международные отношения.

Как вы относитесь к войне? — Считаю, что метод решения международных споров путем войн должен быть навсегда и совершенно исключен из списка допущенных.

А если нападут на Россию? — Мы должны стремиться ликвидировать ее [войну] тем или иным мирным путем.

Какую форму правления вы считаете наиболее приемлемой для России? — Республиканскую.

Других вопросов и своих ответов я не помню, но помню хорошо, что вопросов, имевших то или иное отношение к социализму и классовой борьбе, среди них не имелось. Этим тем не коснулся я и в своих ответах.

Когда я написал ответы, в комнату вошел Степанов, взял их и удалился, оставив меня ждать ответа. Я знал, что в это время ответы мои были оглашены в собрании ложи. Через некоторое время вошел Степанов, туго завязал мне глаза и провёл куда-то, где меня усадили. Здесь мне был задан вопрос:

«Знаете ли вы, где вы сейчас находитесь?»

Я ответил: «На собрании масонской ложи»¹.

В говорившем Н. С. Чхеидзе узнал Н. В. Некрасова, голос которого был ему хорошо знаком. Вопросы, которые задавал ему последний, повторяли вопросы анкеты, и он легко ответил на них. Затем Некрасов предложил ему встать, и он услышал, что вслед за ним встали и все присутствующие. Некрасов произнес слова клятвы — об обязанности хранить тайну всегда и при всех случаях, о братском отношении к товарищам по ложе во всех случаях жизни, даже если это связано со смертельной опасностью, о верности в самых трудных условиях. Потом Некрасов задал, обращаясь ко всем присутствующим, вопрос:

«Чего просит брат?»

Присутствующие ответили:

«Брат просит света!»

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 82—83.

После этого повязка с глаз Чхеидзе была снята, к нему подошел масон Степанов и поцеловал его как нового брата. С такими же поцелуями к нему стали подходить и остальные.

«Последними, как я теперь увидел, — вспоминал Н. С. Чхеидзе, — были, кроме Некрасова и Степанова, еще член Государственной Думы и присяжный поверенный А. Я. Гальперн, относительно последнего у меня некоторые сомнения, был ли он тогда; возможно, что был и еще кто-нибудь из тех, кого я назову дальше, как членов малой ложи, помню, что всего было человек 5—6.

Да, позабыл, акт приема меня был сделан от имени «Великого Востока Франции».

Так я вступил в ложу. Заседания последней шли более или менее регулярно, 2—4 раза в месяц; собирались на квартире какого-либо из членов; никаких ритуалов на этих собраниях не соблюдалось; состав несколько менялся — в общем, руководствовались тем правилом, чтобы в ложе сходились люди, жившие относительно недалеко друг от друга, но число присутствующих было 6—8.

Совещания эти носили информационный характер; определенных докладов обычно не было; каждый передавал новую информацию, — за эту последнюю я особенно ценил эти собрания»¹.

Ценным дополнением к воспоминаниям Н. С. Чхеидзе являются сведения, которыми поделился 7 августа 1928 года в Брюсселе с Б. И. Николаевским социал-демократ Е. П. Гегечкори:

«Это было, кажется, в 1909 г. (1910. — В. Б.). У нас, социал-демократических депутатов, сложились очень хорошие отношения со Степановым, Волковым, Некрасовым, с группой левых кадетов вообще. Несмотря на общую атмосферу, очень неблагоприятную для левых, они не только не сторонились нас, но даже как бы сознательно искали с нами связи. Причины этого я понял только после того, как Чхеидзе ввел меня в масонскую

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 84.

ложу. Первым разговор со мной завел на эту тему Чхеидзе, который после долгих колебаний, что чувствовалось по его подходам, сообщил мне, что именно эта группа левых кадетов предложила ему войти в ложу. Он спрашивал мое мнение и хотел, чтобы в ложу вошел и я. Я спросил, как относится к этому делу он сам. Чхеидзе ответил, что он уже дал согласие. Я, зная об отрицательном отношении партии ко всякого рода внепартийным объединениям, стал тогда расспрашивать более подробно о задачах масонской организации и мотивах его положительного ответа. Чхеидзе мне объяснил, что эта организация по своим задачам носит определенно революционный характер, что она стремится к насильственному перевороту, что она представляет из себя значительную силу, будучи довольно широко распространена в интеллигентских кругах, и что с нашей стороны было бы в высшей степени нецелесообразно остаться вне подобной организации, которая в будущем может сыграть весьма значительную роль; наоборот, если мы в нее войдем и постараемся оказывать воздействие на эту организацию, на ее политические мнения, в желательном для нас, социал-демократов, направлении, то это может быть очень полезно с точки зрения тех задач, которые станут перед нами — социал-демократами. При этом он сообщил, что выяснил, что в организацию не входят правые элементы (правее прогрессистов) и что для дальнейшего им было поставлено условие в неприятии таких элементов и это условие руководителями организации принято. Эти соображения для меня решили вопрос, и я дал свое согласие¹.

После этого состоялась встреча Гегечкори с Волковым и Некрасовым. Последние подтвердили все сообщенное Чхеидзе относительно революционного характера организации, что она действительно, оставаясь организацией непартийной, стремится к тем же политическим целям, которые преследуют революционные организации.

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 76—77.

После ряда таких разговоров произошло посвящение Гегечкори, процедура которого в общем совпадала с тем, что мы уже знаем.

«В назначенный день за мной приехал Волков и в карете повез меня куда-то в район Морской, где меня ввели в чей-то особняк — я до сих пор не знаю, чей он был (во всяком случае не Набокова). Там меня оставили в отдельной комнате, куда ко мне пришел Некрасов, принеший анкетный лист. Я его заполнил. Помнится, что на вопрос: «Как вы относитесь к семье?» я ответил: «Считаю ее свободным союзом личностей, связанных общностью интересов и культурного уровня». На вопрос: «Как вы относитесь к дружбе?» — «Считаю ее моральным обязательством, которое человек берет на себя по доброй воле и которое для него с этого момента является морально обязательным». На вопрос об отношении к войне я, оговорив о недопустимости изменческих действий, указал, что считал бы обязанностью стремиться к превращению войны в революцию. О религии — что сам отношусь к ней отрицательно, считаю ее опиумом, но в то же время рассматриваю ее как частное дело каждого.

Помню, что был еще вопрос о личной храбрости, о своей способности пожертвовать своею жизнью и интересами семьи для дела, которое я считаю общественно полезным. Я ответил, что этот вопрос кажется мне несколько неудобным: сказать «да» было бы слишком смело, самонадеянно, сказать же «нет» было бы несправедливостью по отношению к себе. Такого рода самопожертвование я считаю в известных условиях, т.е. если задача, во имя которой жертва приносится, соответствует той политической работе, которой я себя посвятил, необходимым, но говорить заранее о личной способности на подобный шаг нельзя: это выяснится, когда дело дойдет до действия»¹.

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 77—78.

Когда Гегечкори заполнил анкету, за ней зашел Некрасов и забрал ее. Потом он завязал Гегечкори глаза и повел в комнату, где заседали члены ложи. Здесь ему вновь были заданы вопросы из анкеты, после чего он принес клятву, повторяя ее за мастером. В клятве говорилось об обязанности держать в тайне даже от самых близких людей, в том числе и от семьи, все, что относится к деятельности ложи, о готовности принести в жертву интересы семьи и близких в пользу тех задач, которые преследует ложа. Если же по его вине тайна ложи разгласится и это повлечет за собою ее провал, то он признает себя подлежащим смертной казни.

«Всю эту клятву я произносил стоя с завязанными глазами; в наиболее патетических местах клятвы, например, при заявлении о готовности пожертвовать собою, к моей груди приставляли шпагу. Во всей этой процедуре было что-то неприятно-жуткое; меня при этом ни на минуту не покидала мысль, что я делаю ошибку, вступая в эту организацию тайно от партии, скрывая этот свой шаг от последней, но в то же время вся она в целом, со всей своей необычностью для революционной среды — я должен это признать, — действовала на меня несколько импонирующе.

После принесения клятвы и того стереотипного вопроса, который приведен в рассказе Чхеидзе («чего просит брат»), мне сняли повязку и все присутствующие подошли с поцелуями. Среди них были Некрасов (председатель), Степанов, Н. Д. Соколов, Г. Ф. Зданович (помню, его присутствие меня очень удивило), Чхеидзе, крупный сотрудник «Русских ведомостей» Обнинский (он был казначей ложи), некто Харитонов — старый революционер, Орлов-Давыдов.

Собрания ложи происходили регулярно каждую неделю, и я настолько увлекся этим делом, что не пропустил ни одного из них. Недоверчивое отношение, которое у меня было вначале, быстро рассеялось. Атмосфера братского внимания друг к другу, стремление оказывать братьям помощь во всех делах, отсутствие враждебности и борьбы — все это действовало

подкупающе. На собраниях ложи обсуждали политические вопросы, обменивались мнениями о положении дел, о действиях, намеченных партиями, или о том, что сделать следует. Ложа сама решений не принимала, она только намечала их и вносила в форме предложений в Верховный совет (через Некрасова). Нашей социал-демократической деятельности ложа не стесняла; ее решения нас не связывали — скорее она нам помогала, так как члены ложи из других партий помогали нашим выступлениям, например давая наши подписи под нашими запросами. Даже в таких мелочах они нас поддерживали, как аплодисменты при выступлениях, создавая в Государственной Думе атмосферу успеха для наших выступлений¹.

Из наиболее ярких случаев, когда масонская ложа оказывалась полезной для социал-демократического дела, Е. П. Гегечкори запомнился следующий. После роспуска Государственной Думы на 3 дня в связи с Холмским земством социал-демократическая фракция внесла срочный запрос о нарушении П. А. Столыпиным Основных законов; этот шаг вызвал недовольство буржуазной, даже левой печати; кадетские газеты писали, а кадетские политики говорили, что социал-демократы не справятся с задачей, что они должны уступить этот запрос кадетам, у которых имеются лучшие ораторские и политические силы (сами кадеты с внесением запроса опоздали). «Ответственную речь фракция поручила мне, и тогда Некрасов, который вообще в это время сидел рядом с нами и был по существу на нашей стороне, а не на стороне кадетов, посоветовал мне обратиться к М. М. Ковалевскому, обещая, что тот поможет в подготовке выступления. Я обратился, и Ковалевский действительно помог всем, чем только мог: он работал весь день, перевернул всю свою библиотеку, пересмотрел все западноевропейские конституции, всех государствоведов и дал мне такой обильный материал, что речь вышла блестящей, и даже кадеты были вынуждены признать, что социал-демократическая фракция

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 78.

оказалась на высоте задачи. Когда я благодарил Ковалевского за помощь, он мне ответил: «Это ведь мой долг в отношении близкого человека». Меня этот ответ несколько удивил: близким к Ковалевскому я никогда не был, видел его тогда чуть не в первый раз. Это мое недоумение сказалось и в моем рассказе Некрасову о приеме, который мне был сделан Ковалевским. Некрасов ответил в тоне Ковалевского: «Иначе он (то есть Ковалевский) и не мог поступить». Из этого я понял, что М. М. Ковалевский близок к масонской организации¹.

М. М. Ковалевский устраивал каждую Пасху особые пасхальные приемы, на которые собиралось до 40 человек. Туда он стал звать и Е. П. Гегечкори, после того как тот вступил в ложу. На них бывали все члены ложи. Там он встречал Колюбакина, Караулова, адвоката Бернштама, Сидамонова-Эристова и других.

Очевидные успехи нового русского масонства побудили Н. В. Некрасова на дальнейшие организационные шаги по его укреплению. С этой целью уже в январе 1912 года им был поставлен вопрос о проведении учредительного масонского съезда русских лож французского обряда. Был ли уведомлен об этом «Великий Восток Франции», мы не знаем. Во всяком случае, известно, что через князя С. Д. Урусова связь с ними русские братья все-таки держали². Известно также, что эmissар «Великого Востока Франции» Лебук даже приезжал в это время в Петербург. Однако подробностей его визита мы не знаем. Практически ничего не известно нам и о том, при каких обстоятельствах именно Н. В. Некрасов — человек сравнительно новый в масонстве — оказался на должности временного секретаря русских лож в 1910—1912 годах.

Как полагает А. И. Серков, именно в это время (конец 1911 года) произошло объединение обновленных после февраля 1910 года так называемых реформаторских лож «Великого Востока Франции» в России с шотландскими ложами круга

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 79—80.

² Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 142.

М. М. Ковалевского, хотя заметной роли в «Великом Востоке народов России» последние никогда не играли. Вторым важным событием, способствовавшим организационному укреплению новой, по сути дела, масонской организации, стало присоединение к ней уже упоминавшихся английских лож (мастерская В. П. Басакова в Петербурге и ложа в Архангельске)¹.

Окончательное структурирование новой организации произошло на ее учредительном съезде в Москве летом 1912 года. Были ли до этого какие-либо масонские съезды или совещания после февраля 1910 года — мы не знаем. А. И. Серков полагает, впрочем, что да, поскольку только на них, этих совещаниях или съездах, и могли быть избраны в состав Верховного совета Н. В. Некрасов (секретарь), В. А. Степанов и Г. Д. Сидамон-Эристов, заменившие в нем ряд «усыпленных» к этому времени братьев². Заседания съезда происходили на квартирах братьев С. А. Балавинского и Ф. А. Головина. От Петербурга присутствовали А. Я. Гальперн, Н. В. Некрасов, А. М. Колюбакин, В. А. Виноградов, В. А. Степанов, А. И. Браудо, К. Г. Голубков, А. Ф. Керенский. Московские ложи представляли С. А. Балавинский, Ф. А. Головин, В. П. Обнинский, С. Д. Урусов. От Киева присутствовали Н. П. Василенко, М. С. Грушевский, Ф. Р. Штейнгель. Нижегородские ложи представлял Г. Р. Кильвейн. Присутствовали также делегаты от Минска и Одессы³.

Состоялось всего два заседания. Вел их секретарь Верховного совета Н. В. Некрасов. Обсуждалось два вопроса. Первый из них — конституирование русской масонской организации как формально независимой от «Великого Востока Франции». Как заявил делегатам докладчик от Верховного совета Н. В. Некрасов, в России к этому времени насчитывалось не менее 14—15 лож, из них 5 в Петербурге, 3—4 в Киеве, 1—2 в Москве и по одной в Нижнем Новгороде, Минске и Одессе. Этого, по его мне-

¹ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 108.

² Там же.

³ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 53—55.

нию, было вполне достаточно для выделения русских братьев в самостоятельный масонский орден наряду с «Востоками» других европейских стран¹. Каких-либо возражений у присутствующих это не вызвало. Правда на открытие ордена требовалось предварительное согласие «Великого Востока Франции». Но его, как уверил присутствующих Н. В. Некрасов, можно будет получить несколько позже. На том и согласились.

В интервью, данном в 1920-е годы историку Б. И. Николаевскому, А. Я. Гальперн утверждал, что связь с «Великим Востоком Франции» осуществлялась в эти годы через князя С. Д. Урусова². Однако давал ли тот предварительное согласие на проведение конвента 1912 года в Москве, мы не знаем. Складывается впечатление, что предварительно вся эта акция была все-таки согласована с парижскими братьями. Другое дело, что афишировать официальное согласие «Великого Востока Франции» на открытие в России масонского ордена им было ни к чему.

Совсем в другом ключе происходило на съезде обсуждение другого, и явно второстепенного, казалось бы, вопроса о названии ордена русских вольных каменщиков. Подавляющее большинство делегатов были русскими и стояли за то, чтобы орден носил традиционное и общепринятое в Европе название «Великий Восток России». Однако тут неожиданно поднялся со своего места украинский делегат историк М. С. Грушевский и решительно потребовал, чтобы в названии новой масонской ассоциации *«ни в коем случае не было слова Россия»*. *«Он занимал в этом вопросе совершенно непримиримую позицию, отрицая вообще за Россией как государственной единицей право на целостное существование; его с рядом оговорок поддерживал Василенко»*, — вспоминал впоследствии об этой истории А. Я. Гальперн³.

¹ Русское политическое масонство в 1906—1918 гг. Документы архива Гумбольдтского института войны, мира и революции. Публ. В. И. Старцева. // История СССР. 1990. № 1. С. 141.

² Там же. С. 142.

³ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 54—55.

Слово «Россия» в названии ордена удалось, в конце концов, отстоять, согласившись на компромисс — «Великий Восток народов России».

Было бы неправильно, конечно, только на основании этого инцидента делать далеко идущие выводы. Одно несомненно: именно масонские ложи со своим показным, демонстративным космополитизмом всегда притягивали и притягивают к себе до сих пор самые злобные антирусские силы. Дело дошло до того, с горечью отмечал В. А. Бобринский, что *«самое слово «русский» безнаказанно поносилось в стенах Государственной Думы. Там дико глумились над любовью к Отечеству, и поверхностному наблюдателю не могло не казаться, что русский народ отжил свой век и что Россия отдана на расхищение своим внешним и внутренним врагам. Враги торжествовали и глумились над Русью, над ее священнейшими требованиями и верованиями»*¹.

Но, быть может, В. А. Бобринский преувеличивает антирусский характер заседавшей в Думе масонской либеральной братии? Есть поэтому смысл обратиться к свидетельству, исходящему из самого либерального лагеря, например лидера октябристов А. И. Гучкова, о масонстве которого хотя и нет бесспорных доказательств, но сомневаться в нем по ряду косвенных свидетельств не приходится. Вот что вспоминал он об одной из наиболее видных масонских фигур февраля—марта 1917 года — Н. С. Чхеидзе. *«Я относился брезгливо к Чхеидзе с его ненавистью к буржуазному строю, русскому народу, к России самой»*². Ну, что касается буржуазного строя, который якобы ненавидел Н. С. Чхеидзе, то это, конечно же, не так. Опыт показал, что более последовательного защитника буржуазного строя, чем социал-демократы (а Н. С. Чхеидзе, напомним, был именно социал-демократом — меньшевиком), в мире, пожалуй, и не сыскать. А вот свидетельство А. И. Гучкова о ненависти Н. С. Чхеидзе к русскому

¹ Бобринский В. А. Пробный камень славянского братства. // Лад. Сборник литературно-общественный. СПб., 1911. С. 136.

² Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1993. С. 118.

народу и России самой поистине бесценно. Ведь Н. С. Чхеидзе — это не просто видный масон, не просто социал-демократ, он еще и первый председатель Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Советская власть, так сказать, хотя и в меньшевистско-масонском обличье.

Но вернемся к масонскому съезду 1912 года. Еще одной важной задачей, помимо конституирования организации и решения вопроса о ее названии, стала проблема формирования нового состава Верховного совета «Великого Востока народов России». Сюда, в частности, вошли А. М. Колюбакин, Н. В. Некрасов, С. Д. Урусов. В тот же день в Верховный совет были кооптированы Д. Н. Григорович-Барский, Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенский. Секретарем (с 1913 года — генеральный секретарь) Верховного совета «Великого Востока народов России» был избран левый кадет А. М. Колюбакин. Работал Верховный совет на правах ложи. *«Никаких обрядов в заседаниях Верховного совета, как и в ложе, не было»*, — свидетельствовал Н. С. Чхеидзе¹. Что касается устава «Великого Востока народов России», то принятие его было отложено до второго съезда, намеченного на 1913 год. За это время Верховному совету было поручено позаботиться о разработке и предварительном обсуждении соответствующего проекта.

Второй съезд «Великого Востока народов России» (ВВНР) состоялся, как и было намечено, летом 1913 года, правда, уже не в Москве, а в Петербурге на квартире В. А. Степанова. На нем, в частности, и был принят устав «Великого Востока народов России», в котором были определены задачи новой организации и закреплена уже сложившаяся организационная структура ордена.

Согласно записке Л. Д. Кандаурова, автором устава ВВНР был В. П. Обнинский. Однако исследователи отдают предпочтение сообщению А. Я. Гальперна², который утверждал, что автор

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 85.

² Там же. С. 61.

его — С. Д. Масловский (Мстиславский), которому якобы помогал князь С. Д. Урусов¹. Экземпляр этого проекта был обнаружен в 1988 году профессором В. И. Старцевым среди бумаг Б. И. Николаевского в архиве Гугеровского института войны, революции и мира в Стэнфорде. Им же, В. И. Старцевым, впервые был дан и подробный разбор этого примечательного документа.

Цель организации, как она формулировалась в проекте устава 1912 года, заключалась в *«создании связанного моральной общностью и взаимным доверием братского ордена; братья сохраняют свободу политического действия, но стремятся к утверждению и защите прав человека и гражданина»*². Как установил В. И. Старцев, главным источником, из которого черпали Мстиславский и Урусов основные положения устава ВВНР, был Общий регламент «Великого Востока Франции», хотя пункты, касающиеся масонской тайны и конспирации, были в нем несколько усилены. В целом же, с точки зрения содержания устава, масонство ВВНР может считаться, по авторитетному заключению В. И. Старцева, вполне нормальным регулярным масонством. Нерегулярными в нем могут быть признаны только его цели — чисто политические, а не морально-этические, чего следовало бы ожидать от масонского ордена. Обращает на себя внимание также и сокращение обрядности при приеме в степень мастера, и исключение степени подмастерья или товарища, а также прием в ложи, наряду с мужчинами, и женщин³. Политические цели, как мы знаем, преследовал не только ВВНР. Не чужды они были и «Великим Востокам» других европейских стран, в частности Франции и Италии. Так что в регулярности или правильности ВВНР как масонской организации можно не сомневаться.

¹ Сергов А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 119.

² Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 119.

³ Русское политическое масонство. 1906—1918 гг. Документы из архива Гугеровского института войны, революции и мира. Публ. В. И. Старцева. // История СССР. 1989. № 6. С. 129.

Особо пристальное внимание уделялось в проекте Мстиславского — Урусова орденой тайне. *«Братья обязаны хранить в тайне как само существование ордена, так и все, что касается его состава, планов и деятельности. Братья обязаны хранить все сообщенное им в братском порядке или ставшее известным в заседаниях ложи. Братья знают лишь членов ложи. Венерабль знает секретаря Верховного совета. Все, относящееся к орденой тайне, не должно быть излагаемо на письме. Письменные ответы испытываемого и баллотировочные записки немедленно сжигаются в самой ложе»*, — читаем мы здесь. Все это, а также клятва братьев не раскрывать существования братства, хотя бы они и были спрошены об этом даже на суде, восходящая в своей основе к клятве ордена московских розенкрейцеров XVIII века, не оставляет сомнений в двойной морали наших масонов: одна для членов ордена, другая — для профанов. О таком «пустяке», как требуемое масонской клятвой от братьев лжесвидетельство в интересах ордена на суде, вроде бы неудобно и говорить.

После небольших поправок устав ВВНР был утвержден «братьями» и, по решению конвента, в зашифрованном виде напечатан вразбивку в изданной в том же 1913 году в Санкт-Петербурге книге Е. Сидоренко «Италийские угольщики XVIII столетия». В конце 1980-х годов была осуществлена, наконец, и научная публикация этого документа¹. Сравнение проекта Мстиславского — Урусова 1912 года и официального устава, принятого на масонском съезде в 1913 году, было проведено В. И. Старцевым. Оно показало, что каких-либо принципиальных изменений на конvente в него внесено не было. Если в проекте посвящаемый должен был при клятве поднимать правую руку вверх, то в окончательном варианте все свелось к прижиманию им ее к сердцу.

¹ Русское политическое масонство. 1906—1918 гг. Документы архива Губерновского института войны, революции и мира. Публ. В. И. Старцева. // История СССР. 1989. № 6. С. 129—134; см. также: Масоны и масонство. Сборник статей. Вып. 1. М., 1994. С. 111—117.

Вместо двух степеней (ученик, мастер), которые предусматривал проект, окончательный вариант устава закреплял существование трех степеней. Должность секретаря Верховного совета ВВНР стала называться теперь не просто секретарь, а генеральный секретарь. Такой же мелочный, непринципиальный характер имели и другие поправки, внесенные в окончательный вариант устава.

Заслуживает внимания более обтекаемый характер, по сравнению с первоначальным вариантом, формулировки задач ордена. *«Масонство, — читаем мы здесь, — имеет целью искание истины и достижение нравственного совершенства человечества путем объединения людей на началах братской любви, взаимопомощи, терпимости и полной свободы совести. Отсюда девиз масонов: свобода, равенство и братство»*¹. Основные усилия орденовской организации, в соответствии с уставом, должны были быть направлены на *«общую работу по утверждению и защите прав человека и гражданина, при сохранении, разумеется, за ее членами свободы политического действия»* — так комментирует это положение устава современный исследователь А. И. Серков².

Высшей властью в ордене объявлялся, согласно уставу, его конвент или съезд, который должен был собираться не реже одного раза в год. Составлялся же он как из делегатов лож, так и из членов Верховного совета предыдущего состава. Последние входили в число делегатов съезда как бы автоматически, для обеспечения преемственности. Исполнительным органом ВВНР был Верховный совет, избираемый на съезде. Работал он, как уже отмечалось, на правах ложи. Обращает на себя внимание предусмотренный уставом порядок широкого пополнения рядов Верховного совета не путем избрания на съезде, а путем кооптирования — процедура, как мы знаем, далеко не демократическая. Любопытно, что конвент как таковой избирал большинством в $\frac{2}{3}$ голосов не самих членов Верховного совета, а только трех

¹ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 124.

² Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 108.

выборщиков, а уже те выбирали трех его членов, которые, в свою очередь, доизбирали еще трех. Общее число членов Верховного совета не должно было превышать 18 человек, однако открыть свои работы Верховный совет мог уже и при 6 членах, избрав из их числа своего секретаря. Нельзя не обратить внимание и на то, что имена членов Верховного совета конвенту, т.е. съезду масонов, не сообщались¹. Верховный совет, отмечалось в уставе ВВНР 1913 года, *«входит в случае надобности в сношения с другими дружественными союзами для координации действий мирового масонства и совещания по общим делам. Для этой миссии совет может обращаться к содействию всякого известного ему члена братства»*².

В обязанности Верховного совета входило также открытие новых лож и контроль за приемом новых членов. Прежде чем сделать предложение профану, его кандидатура не только тщательно обсуждалась в ложе, но и обговаривалась предварительно с генеральным секретарем Верховного совета. Функции его были весьма обширны: докладчик в Верховном совете по всем текущим делам, он в то же время контролировал кассу ордена и фактически единолично решал все текущие вопросы. Такова она была, масонская демократия. Эффективный и целесообразный характер ее, если иметь в виду условия, в которых приходилось работать вольным каменщикам в нашей стране, не подлежит сомнению. Еще одной особенностью работы Верховного совета были регулярные поездки его членов по провинциальным городам России, в ходе которых они не только лично знакомились с братьями местных лож, но и выясняли возможность дальнейшего использования их в интересах организации.

Всего с 1910 по октябрь 1917 года в составе Верховного совета ВВНР зафиксировано 25 фамилий. В сущности говоря, это

¹ Русское политическое масонство. 1906—1918 гг. Документы архива Гугеро-вского института войны, революции и мира. Публ. В. И. Старцева. // История СССР. 1989. № 6. С. 132.

² Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 127.

был своеобразный мозговой центр русского политического масонства начала XX века: С. А. Балавинский, А. И. Браудо, Н. К. Волков, А. Я. Гальперн, Е. П. Гегечкори, Ф. А. Головин, Д. Н. Григорович-Барский, И. П. Демидов, А. А. Демьянов, А. В. Карташев, А. Ф. Керенский, А. М. Колюбакин, А. И. Коновалов, П. И. Макаров, С. Д. Масловский-Мстиславский, Н. В. Некрасов, В. А. Оболенский, Г. Д. Сидамон-Эристов, Н. Д. Соколов, В. А. Степанов, С. Д. Урусов, В. Г. Харитонов, Н. С. Чхеидзе, С. Н. Чебаков, Ф. Р. Штейнгель¹.

Ритуал посвящения в ВВНР также, как уже отмечалось, был до крайности упрощен. После ответа на традиционные вопросы об отношении к семье, государству, религии, войне, космополитизму и прочее происходил уже сам обряд посвящения нового брата с принесением клятвы. Масонская иерархия в ВВНР также была предельно упрощена: ученик — подмастерье — мастер. Предусматривались уставом, впрочем, и так называемые «офицерские должности» в ложах: венерабль (председатель), наблюдатель, оратор, казначей и секретарь. Председатель вел собрания ложи. Он же осуществлял и ее связь с секретарем Верховного совета. За соблюдением братьями устава следил оратор. Сбором членских взносов занимался казначей. Минимальное число членов ложи, как это и положено у масонов, было не менее 7, максимальное — не более 14. Последнее требование, впрочем, соблюдалось далеко не всегда. Членство в ордене было пожизненным. Уйти из него было нельзя. Другое дело — временное или постоянное «усыпление» брата, отошедшего в силу ряда обстоятельств от дел. «Усыпить» можно было, правда, только решением Верховного совета, и целую ложу. Можно констатировать, что, за исключением, быть может, некоторых пунктов, посвященных конспиративному характеру деятельности братьев (обойтись без чего в специфических российских условиях было бы затруднительно), ничего необычного устав ВВНР не представлял и вполне вписывался в общемасонскую традицию.

¹ Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. С. 1142.

Серьезные споры среди исследователей, как уже отмечалось, вызывает вопрос о так называемой «регулярности» ВВНР, то есть признание или непризнание его в качестве масонской организации. Дело в том, что сами масоны ВВНР регулярной, то есть законной, масонской организацией официально никогда не признавали и не признают до сих пор, указывая на якобы его недостаточное внимание к обрядовой и посвячительной традиции. И хотя для всякого непредвзятого исследователя очевидно, что создавался ВВНР с молчаливого согласия и по образцу «Великого Востока Франции», парадокс состоит в том, что на официальное признание этого факта французские братья так и не пошли. Понять это можно так, что руководство «Великого Востока Франции» сознательно не хотело связывать себя с подпольной масонской антиправительственной структурой в России, опасаясь испортить тем самым отношения с естественным союзником Франции кануна Первой мировой войны — русским правительством. Другое дело, что не все историки склонны считаться с этим соображением. *«Учитывая факт возникновения «Великого Востока народов России» без санкции иностранных послушаний, — пишет, например, в своей последней работе О. Ф. Соловьев, — и отсутствие контактов между ними, его следует считать неправильной масонской организацией, которую другие федерации не признавали»*¹. Основной аргумент О. Ф. Соловьева — это то, что русские «братья» так и не были допущены на парижскую конференцию масонских орденов стран Антанты, проходившую 14–15 января 1917 года, хотя их представитель С. А. Балавинский в Париж все-таки приехал². О том, что французские «братья» не признавали русских масонов, посвященных в орден после февраля 1910 года, свидетельствует, по мнению О. Ф. Соловьева, и сделанное ими в 1919 году в Париже предложение А. Ф. Керенскому и его сторонникам начать свой масонский путь с формального посвящения в степень ученика,

¹ Соловьев О. Ф. Масонство в мировой политике XX века. С. 53.

² Соловьев О. Ф. Русское масонство. 1730—1917 гг. С. 259.

от чего те, понятное дело, отказались. Именно это обстоятельство, доказывает О. Ф. Соловьев, и явилось причиной фактического разрыва А. Ф. Керенского с русским масонством в эмиграции¹.

Другой исследователь, А. И. Серков, напротив, нисколько не сомневается, что, несмотря на факт формального непризнания ВВНР «Великим Востоком Франции», структура эта была тем не менее его самой настоящей «дочерней организацией» или, говоря другими словами, организацией правильной, масонской, хотя и отмечает ее последующую «несостоятельность» именно с этой точки зрения². Очевиден масонский характер ВВНР и для В. И. Старцева. Вместе с тем более радикальный характер этой ассоциации по сравнению с французскими ложами периода 1906—1909 годов и отказ русских братьев от некоторых элементов масонской обрядности (обязательное ношение фартуков, белых перчаток и прочее) позволяет ему заключить, что в этом смысле правы все же те, кто не считает ложи ВВНР настоящим или регулярным масонством. Аргумент В. И. Старцева не оригинален. Упор он делает на то, что внешние формы масонской работы были сведены в ложах ВВНР к минимуму³.

Как бы то ни было, и факты, введенные к настоящему времени в научный оборот, и соображения, высказанные в связи с анализом этих фактов исследователями, свидетельствуют о несомненно масонском характере «Великого Востока народов России». Другое дело, что масонство это было не нравственно-этическое, а политическое. Ничего необычного в чрезмерном увлечении русских братьев политикой в ущерб духовной работе и масонской обрядности, учитывая характер деятельности «Великих Востоков» в других странах и реалии российской действительности, не было.

¹ Соловьев О. Ф. Русское масонство. 1730—1917 гг. С. 259.

² Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 126.

³ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 107.

Глава 3

*«Великий Восток народов России» и его ложи
в 1912 – 1916 годах. Масоны в Государственной
Думе. Масоны и Департамент полиции*

Как ни любопытна проблема правильности или неправильности «Великого Востока народов России» как масонской организации, принципиального значения для оценки степени реального влияния русских масонов на общественно-политическую жизнь предреволюционной России она не имеет. А оно, это влияние, было весьма и весьма значительным.

К концу 1913 года Верховному совету «Великого Востока народов России» было подчинено 40 лож, в которых насчитывалось до 400 «братьев». Среди новых членов «Великого Востока»: банкир А. П. Барт, текстильный король А. И. Коновалов, известный журналист Р. М. Бланк. В 1912 году, вероятно, уже после выборов в IV Государственную Думу, в ложе «Малая медведица» получил масонское посвящение уже известный в то время адвокат А. Ф. Керенский¹. В одном только Петербурге число масонских мастерских достигло восьми. Точных названий их мы, к сожалению, не знаем. Но зато руководители в большинстве своем известны. Это, в частности, были: В. А. Оболенский, В. Я. Богучарский, В. А. Степанов, А. А. Демьянов, В. А. Виноградов, Д. П. Рузский, А. М. Колюбакин, Н. В. Чайковский. Секретарем городского петербургского совета «Великого Востока народов России» был профессор Санкт-Петербургского политехнического института Д. П. Рузский, двоюродный брат главнокомандующего Северного фронта в 1917 году Н. В. Рузского².

Тон в движении по-прежнему задавали левые кадеты во главе с Н. В. Некрасовым. Кадеты же составляли и численное

¹ Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX в. С. 148.

² Русское политическое масонство начала XX века (1906–1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В. И. Старцева. // История СССР. 1990. № 1. С. 145.

большинство в ложах по сравнению с представителями других партий — главным образом меньшевики и народнические группы. В профессиональном отношении это все представители либеральной и демократической интеллигенции: журналисты, адвокаты, профессора, депутаты III и IV Государственных Дум, промышленники, финансисты, общественные деятели. Добрую половину масонской братии составляли юристы. В одной только Петербургской судебной палате и Петербургском коммерческом суде масонов было не менее 50 человек. Это присяжные стряпчие, присяжные поверенные и их помощники: Б. Г. Барт, М. В. Бернштам, А. Я. Гальперн, А. К. Гольм, В. Я. Гуревич, Н. Б. Глазберг, В. Л. Геловани, А. А. Демьянов, А. А. Исаев, С. Е. Кальманович, А. Ф. Керенский, Е. И. Кедрин, М. С. Маргулиес, В. Д. Кузьмин-Караваев, К. К. Черносвитов, И. Н. Сахаров, Г. Д. Сидомон-Эристов, А. Ф. Стааль, Л. М. Берлин, Л. М. Брамсон, П. А. Брюнели, Б. Л. Гершун, К. П. Гес де Кальве, А. Эдьюба, Б. И. Золотницкий, М. К. Адамов, М. Г. Казаринов, А. М. и Е. М. Кулишер, И. А. Кистяковский, Н. В. Майер, А. Д. Лаврентьев, С. В. Познер, Б. С. Орнштейн, П. Н. Переверзев, Н. В. Петровский, Я. М. Шефтель, А. С. Шапиро, Г. Б. Слиозберг, М. Д. Ратнер, Б. Е. Шатский и другие.

Другим крупным поставщиком адептов вольного каменничества была профессура Психоневрологического института, курсов П. Ф. Лесгафта, Высших женских курсов и других учебных заведений столицы: М. М. Ковалевский, И. И. Иванюков, Ю. С. Гамбаров, Е. В. Аничков, В. И. Иванов, Н. О. Лосский, Н. А. Котляревский, И. В. Лучицкий, А. В. Карташев, С. И. Метальников, В. Н. Гессен, М. П. Чубинский, В. И. Бауман, Н. А. Морозов, А. А. Мейер, Д. М. Одинец, В. Н. Сперанский и другие. Хорошее представительство имели масоны и в Петербургской городской Думе: Э. П. Беннигсен, А. Л. Велихов, В. Д. Кузьмин-Караваев, П. П. Макаров и другие. Такая же примерно ситуация была и в Москве, в масонских ложах которой подвизались такие присяжные поверенные и их помощники, как О. Б. Гольдовский, П. М. Казначеев, В. А. Мак-

лаков, И. Н. Сахаров, С. А. Балавинский, Ф. К. Богров, В. В. Короленко, А. Ю. Раппопорт и другие¹.

Понятно, что рассчитывать с таким составом лож на предметный разговор о действительных народных нуждах и чаяниях особенно не приходилось: страшно далеки были эти люди от народа. *«На первом плане были вопросы высокой политики, — отмечал масон-эсер Л. К. Чермак (член ложи под руководством В. А. Степанова. — В. Б.). — Я помню, мы обсуждали вопросы о границах будущей Польши... мы обсуждали проблему Константинополя, Дарданелл и пр. И когда я попытался обратиться к нашему внутреннему положению, к настроению трудового народа, к тому, что ожидает нас после окончания войны, особенно если она не будет благоприятна для России, то меня просто замолчали. Нам неоднократно внушали, что революционная работа не наше дело, что мы — организация надпартийная, что мы должны направлять через наших «братьев» — членов Думы ход нашей жизни и пр.»².*

Общая цель, которая привела этих, казалось бы, таких разных людей в масонские ложи, заключалась, говоря словами одного из руководителей «Великого Востока народов России» А. Я. Гальперна, в *«стремлении к моральному усовершенствованию членов на почве объединения их усилий в борьбе за политическое освобождение России»³. «Масонство было надпартийным, — показывал в 1939 году в НКВД Н. В. Некрасов, — т. е. в него входили представители разнообразных политических партий, но они давали обязательство ставить директивы масонства выше партийных. Народнические группы были представлены Керенским, Демьяновым, Переверзевым, Сидамон-Эристовым (исключен в 1912 году ввиду подозрений в связи с азефовщиной). Большевики и близкие к ним группы имели Чхеидзе, Гегечкори, Чхенкели, Прокоповича, Кускову. Среди конституционных де-*

¹ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 117—118.

² Чермак Л. К. Как я был масоном. Публ. и прим. А. И. Серкова. // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 132.

³ Русское политическое масонство начала XX века (1906—1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В. И. Старцева. // История СССР. 1990. № 1. С. 145.

мокра́тов были: Некрасов Н. В., Калюбакин А. М., Степанов В. А., Волков Н. К. и много других. Среди прогрессистов отмечу: Ефремова И. Н., Коновалова А. И., Орлова-Давыдова А. А., Коробку Н. И. Особенно была сильна организация на Украине, где ее возглавлял барон Ф. Р. Штейнгель, Д. Н. Григорович-Барский, Василенко Н. П., Писаржевский М. В. и ряд других крупных имен до Грушевского включительно¹. Все это представители левого крыла политического спектра дореволюционной России.

В начале 1914 года при посредстве А. И. Коновалова были проведены предварительные переговоры с двумя представителями большевистского крыла РСДРП И. И. Скворцовым-Степановым и Г. И. Петровским на предмет координации усилий в борьбе с самодержавием. Левый крен «Великого Востока народов России» очевиден. Отсюда и «боевая политическая задача», которую ставили перед собой в это время братья масоны: «бороться за освобождение Родины и закрепление этого освобождения» или, говоря другими словами, бороться за власть и ее удержание². Что из себя будет представлять «освобожденная Россия», этого сказать заранее не мог, конечно, никто. Но общая установка масонов в отношении своей Родины заключалась в создании на месте России или того, что от нее после «освобождения» останется, буржуазно-демократической федеративной республики.

Специально для привлечения в орден талантливых писателей и журналистов левой ориентации зимой 1914 года учреждается т.н. Литературная ложа. Одним из первых ее членов стал известный историк церкви кадет А. В. Карташев (1875—1960), подвизавшийся в это время в качестве сотрудника Императорской Публичной библиотеки. Помимо него в ложу входили также С. Д. Мстиславский, А. А. Мейер, В. Я. Богучарский, А. Я. Гальперн и ряд других лиц. В планах Верховного совета было привлечь в Литературную ложу известного меньшевика А. И. Потресова и известного журналиста Канторовича из газеты «День». Впрочем, братья побуждали работать на общее масонское дело не только

¹ Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В. В. Шелохаева и В. В. Поликарпова. // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 38.

² Там же.

записных масонов, но и лиц, формально в ложах не состоявших, но духовно, идейно к ним весьма близких, как, например, журналиста А. М. Клячко (Львова), печатавшегося в газете «Речь».

Заинтересованные в «уловлении» в свои сети определенных лиц из среды творческой интеллигенции, не брезговали братья и созданием лож по принципу полезности тех или иных лиц для масонского дела. К числу именно таких лож смело можно отнести ложу для З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского, куда, помимо них, вошли еще А. Я. Гальперн, А. В. Карташев, А. А. Мейер, Н. В. Некрасов, А. Ф. Керенский. Это позволило масонам приобрести влияние на петербургское Религиозно-философское общество. Масонское влияние на Техническое и Вольное экономическое общества обеспечивалось путем создания специальной ложи для Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповича, входившей ранее в «Великий Восток Франции» (В. Я. Богучарский, В. В. Хижняков, Е. Д. Кукова).

В женскую ложу Е. Д. Кусковой входила, в частности, первая жена Максима Горького Е. Д. Пешкова. Что касается масонства самого писателя, то документальных данных, подтверждающих эту версию, у нас нет. Хотя на его портрете (1926 год, Сорренто) работы художника Б. Григорьева он и изображен в позе, воспроизводящей ритуальный жест вольного каменщика. В пользу этого предположения говорит и намерение наших эмигрантов первых послереволюционных лет назвать одну из парижских русско-французских лож «Дидро — Горький»¹.

Примерно в это же время (зима 1913/14 г.) было положено начало и Военной ложе «Великого Востока народов России». Организатором ее стал полковник Генерального штаба эсер С. Д. Мстиславский (Масловский). Кроме него сюда входили генерал А. А. Свечин, А. А. Орлов-Давыдов, полковник В. В. Теплов и ряд неизвестных нам офицеров, пишет проф. В. И. Старцев².

¹ *Замойский Лаллий*. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 331.

² *Старцев В. И.* Русское политическое масонство начала XX века. С. 115—116.

К «неизвестным» офицерам В. И. Старцев относит, очевидно, таких известных генералов, как В. И. Гурко, П. А. Половцев, М. В. Алексеев, Н. В. Рузский и полковник А. М. Крымов, привлеченных в 1916 году масонами к подготовке дворцового переворота¹.

Правда, А. И. Серков, без указания на источник, отмечает, что с началом 1-й мировой войны ложа эта якобы прекратила свое существование². Однако едва ли это было так. Во всяком случае, тот же А. И. Серков вынужден отметить существование в годы войны еще одной военной ложи, в частности, на Юго-Западном фронте, под руководством московского масонского центра³.

В Военную ложу входил, судя по всему, на правах одного из ее организаторов и А. И. Гучков⁴. Бесспорных доказательств о их принадлежности к масонству у нас нет. Что же касается косвенных, то, как мы увидим в дальнейшем, их более чем достаточно.

Однако самой влиятельной ложей «Великого Востока народов России» в 1912—1916 годах являлась, вне всякого сомнения, думская ложа «Розы», в которой объединились в 1912 году масоны-депутаты IV Государственной Думы. Открылась она 15 ноября 1912 года. Принципиальное отличие ее от III Думы состояло в явном уменьшении влияния центра (число октябристов в Думе резко сократилось: вместо 120 их осталось всего 98, в то время как число правых (185 вместо 148) и левых (кадеты, прогрессисты — 107 вместо 87), напротив, возросло. Размежевание политических сил в Думе усилилось, а вместе с ним рухнули и надежды правительства на создание проправительственного большинства в ней. Год от года IV Государственная Дума становилась все более оппозиционной к правительству, причем критика его раздавалась не только слева, но и справа. Председателем IV Государственной Думы стал октябрист М. В. Родзянко.

¹ Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 43.

² Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. С. 1143.

³ Там же. С. 1143.

⁴ Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1993. С. 134.

Масонов в IV Государственной Думе было по меньшей мере 23 человека: В. А. Виноградов, Н. К. Волков, И. П. Демидов, А. М. Колюбакин, Н. В. Некрасов, А. А. Орлов-Давыдов, В. А. Степанов, Ф. Ф. Кокошкин, К. К. Черносвитов, А. И. Шингарёв, Ф. А. Головин, Д. Н. Григорович-Барский, Н. П. Василенко, Ф. Р. Штейнгель, А. Н. Букейханов, А. А. Свечин, Е. П. Гегечкори, М. И. Скобелев, Н. С. Чхеидзе, А. И. Чхенкели, И. Н. Ефремов, А. И. Коновалов, А. Ф. Керенский¹. Все они, как уже отмечалось, и составляли думскую ложу «Розы». Возглавлял ее прогрессист И. Н. Ефремов².

Решающим условием приема в думскую ложу была не партийная принадлежность депутата, как это принято в думских фракциях, а именно его организационная принадлежность к одной из масонских лож.

«В IV Государственной Думе, — показывал бывший масон Л. А. Велихов, — я вступил в так называемое масонское объединение, куда входили представители от левых прогрессистов (Ефремов), левых кадетов (Некрасов, Волков, Степанов), трудовиков (Керенский), социал-демократов (Чхеидзе, Скобелев) и которое ставило целью блок всех оппозиционных партий Думы для свержения самодержавия»³. От кадетов, помимо уже упомянутых Л. А. Велиховым Волкова, Некрасова и Степанова, входили также В. А. Виноградов, И. П. Демидов, А. М. Колюбакин, А. А. Орлов-Давыдов, В. А. Степанов. От меньшевиков — Е. П. Гегечкори, М. И. Скобелев, Н. С. Чхеидзе, А. И. Чхенкели, от прогрессистов — И. Н. Ефремов и А. И. Коновалов, от трудовиков — А. Ф. Керенский⁴. Что касается октябристов (А. И. Гучков), то их принадлежность к масонству хотя и не вызывает больших сомнений, но доказать ее пока еще не удастся.

«Помню разговоры о войне, о Распутине, о стачечном движении и др., — вспоминал позже Н. С. Чхеидзе. — Попыток не-

¹ Сергов А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 116—112.

² Вяземский В. Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства. // Новый журнал (Нью-Йорк). Книга 161. С. 235.

³ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 года. М., 1993. С. 277.

⁴ Сергов А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 116—117.

рехода к активной деятельности, обсуждению и разработке каких-либо планов не было». Согласование всякого рода личностных, групповых и партийных интересов и определение общей согласованной линии в думской борьбе — вот что определяло деятельность думской ложи в 1912—1915 годах. Не менее важной задачей являлось и согласование политических интересов внутри самой кадетской партии, в которой год от года набирало силу ее так называемое левое крыло во главе с Н. В. Некрасовым.

С началом Первой мировой войны после недолгого колебания большинство лож «Великого Востока народов России» решило встать на патриотические позиции. А генеральный секретарь Верховного совета А. М. Колюбакин, так тот даже ушел добровольцем в действующую армию, где и погиб на прифронтовой полосе от случайной пули¹. Секретарь Петроградского совета лож «Великого Востока народов России» В. А. Оболенский возглавлял санитарный отряд Союза городов от Петроградской городской Думы. От Москвы такой санитарный отряд возглавил масон князь Павел Долгоруков. Санитарный отряд от городов Сибири возглавил Н. В. Некрасов. Но продолжалось это недолго. Неудачи русской армии летом и осенью 1915 года не только донельзя обострили внутривнутриполитическую обстановку в стране, но и привели в конце концов к созданию в августе 1915 года так называемого Прогрессивного блока в Думе и Государственном Совете. Организаторами Прогрессивного блока были масоны, а главным требованием его стало создание «кабинета общественного доверия».

По инициативе братьев Ефремова И. Н. и Коновалова А. И. летом на квартире М. М. Ковалевского велись интенсивные переговоры между оппозиционными членами Думы и членами Госсовета. Результатом этих переговоров, собственно, и стало создание Прогрессивного блока, объединившего в своих рядах шесть думских фракций от октябристов и прогрессивных на-

¹ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. С. 461—462.

ционалистов до кадетов. И хотя представители левого спектра (социал-демократы, трудовики) войти в Прогрессивный блок отказались, устойчивое антиправительственное большинство в Думе было тем не менее сформировано. А это и было главной целью масонов на предварительном этапе на пути захвата власти. Правда, в октябре 1916 года из блока вышли прогрессисты, но на деятельности этого оппозиционного объединения это практически не отразилось. Опираясь на Прогрессивный блок, либеральная оппозиция развязала настоящую войну против правительства.

Масонская подоплека этой войны секретом, разумеется, не была. Но вот что характерно: яростно обличая окопавшихся в Думе масонов и подчеркивая их несомненную связь с еврейством («нынешнее масонство — это еврейство, а еврейство — это биржа»)¹, сами обличители от предложений назвать конкретные фамилии известных им масонов-думцев категорически отказывались, ссылаясь на их якобы всеобщую известность. «Мы вовсе не желаем называть по имени наших политических деятелей, — заявлял, например, член Русского собрания депутат Государственной Думы Г. Щечков, — и без того известных за масонство; мы лишь хотели освободить себя от упрека в голословности некоторых наших положений»². Другими словами, ничего конкретного о масонах в Думе у их противников из правого лагеря не было.

По большому счету задачи думской ложи были те же, что и у Прогрессивного блока — способствовать всемерному объединению оппозиционных самодержавию сил, но только «с левым, — по словам А. Я. Гальперна, — уклоном». Левизна думской ложи не исключала, однако, возможности приема в нее отдельных представителей из консервативного лагеря, если они, разумеется, могли быть полезны масонскому делу. «Во всяком случае

¹ Щечков Г. А. Масоны и Государственная Дума. // Мирный труд. Харьков. 1909. № 4. С. 120—151.

² Там же. С. 147.

сознательного отстранения октябристов из этой группы не было», — пояснял А. Я. Гальперн¹.

Резкое полевение «Великого Востока народов России» с 1915 года привело к тому, что более радикальный характер приобретают и общие установки этой организации. «Произошла, — констатирует проф. В. И. Старцев, — резкая смена ориентации всей организации. Если раньше она принимала оппозиционеров, но не ставила цели насильственной революционной смены режима, а скорее рассчитывала перестроить существующую государственную машину путем проникновения в ее звенья, то теперь она прямо ориентировалась на замену монархии демократической республикой через ту или иную форму переворота»². Он и произошел, отметим от себя, в 1917 году, когда, отказавшись подчиниться указу Николая II о временной приостановке деятельности Государственной Думы, оппозиционные партии и группы в ней сформировали из своих рядов так называемый Временный комитет, а затем и Временное правительство, к которым, собственно, и перешла реальная власть в стране.

Наряду с Прогрессивным блоком много места уделялось в это время руководством Верховного совета «Великого Востока народов России» и созданию так называемого блока левых сил из представителей кадетов и других революционных групп. Именно с этим связано появление в ложах таких ярко выраженных деятелей левой ориентации, как эсеры Н. Д. Авксентьев, Б. В. Савинков или большевик И. И. Скворцов-Степанов (Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 66). «Очень стремились мы в этот период и к установлению связи с подпольными организациями революционных партий, — вспоминал позже А. Я. Гальперн. — Для нас самих вопрос о революционных методах тогда еще не стоял. Мнение о том, что революция невозможна и недопустима, у нас все еще преобла-

¹ Русское политическое масонство начала XX века (1906—1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В. И. Старцева. // История СССР. 1990. № 1. С. 143.

² Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 96.

дало. Но интерес к революционным движениям все рос и желание связаться с ними становилось сильнее. Связи с эсерами нам давал Керенский, связи с социал-демократами я и Соколов; именно к этому времени относится вовлечение в ложу и некоторых большевиков, например И. И. Скворцова-Степанова в Москве». В масонскую ложу этого известного большевика вовлек в 1914 году не кто иной, как князь С. Д. Урусов¹.

На заседаниях лож теперь все чаще и чаще стали обсуждаться вопросы создания рабочих групп при военно-промышленных комитетах, проблемы стачечного движения и некоторые другие вопросы текущей политики². Как полагает В. И. Старцев, уже с 1912 года, т.е. с момента образования «Великого Востока народов России» и выборов в IV Государственную Думу, наметилось определенное соперничество за лидерство в кадетской партии между Н. В. Некрасовым, представлявшим ее левое крыло, и П. Н. Милюковым, проводившим правоцентристскую политику. Если опорой П. Н. Милюкова был Прогрессивный блок в IV Государственной Думе, созданный в августе 1915 года, то Н. В. Некрасов, не имея прямой поддержки ни в ЦК своей партии, ни в Думе, поневоле вынужден был опираться на так называемое тайное влияние посредством масонских лож. «У Милюкова, — пишет В. И. Старцев, — были «друзья» справа, у Некрасова — слева. Именно по вопросам левого блока и отношения к революционным партиям и группам и шли главные споры в ЦК кадетской партии... Левые кадеты часто терпели поражение внутри ЦК, но они компенсировали их тайной властью, которой они обладали через масонскую организацию», — считает этот исследователь³.

Сам П. Н. Милюков писал, что он всегда решительно отклонял лестные для него предложения о вступлении в братство. «Доро-

¹ Русское политическое масонство начала XX века. (1906—1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В. И. Старцева. // История СССР. 1990. № 1. С. 147.

² Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 66, 67.

³ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 147.

жа своей свободой и не желая подчиняться решениям неизвестного мне коллектива, я упорно отказывался. Впоследствии мне, однако, пришлось считаться с готовыми решениями, принятыми без моего участия, и довольствоваться тем, что я не нес за них личной ответственности. Все же о своем отказе я никогда не жалел. Против целого течения я все равно идти бы не смог». «В полном же объеме с влиянием масонов, — ядовито комментирует этот пассаж современный исследователь, — П. Н. Милюкову пришлось познакомиться только во Временном правительстве, из которого ровно через два месяца он вынужден был уйти в отставку»¹.

Летом 1916 года в Петрограде состоялся 3-й Всероссийский съезд «Великого Востока народов России». Заседания его проходили на квартире В. А. Степанова и продолжались два дня. От самого Петрограда на съезде было представлено тринадцать человек: А. Я. Гальперн, А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов, В. А. Степанов, И. П. Демидов, В. А. Виноградов, А. В. Карташев, Д. П. Рузский, А. А. Мейер, В. А. Макаров, А. А. Демьянов, К. Г. Голубков. От Москвы на съезде присутствовали: Ф. А. Головин и С. Д. Урусов. Масонов Киева представляли: Д. Н. Григорович-Барский, Ф. Р. Штейнгель, Н. П. Василенко и другие, всего семь человек. Были представлены на съезде и масоны от Екатеринбурга, Саратова, Харькова, Самары, Одессы, Ревеля, Риги, Вильно, Полтавы и Витебска.

С докладом выступил и.о. генерального секретаря Верховного совета «Великого Востока народов России» Н. В. Некрасов. В центре внимания его оказалось положение на фронте и насущные задачи движения. Затем последовали доклады с мест, мотивом которых была мысль о необходимости перехода братьев к более радикальным формам борьбы. «Низы», таким образом, откровенно солидаризировались с заговорщическими настроениями в Верховном совете «Великого Востока народов России». «Переменялась военная программа организации, — писал в свя-

¹ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 147.

зи с этим Людвик Хасс, — вместо примирения общества с властью руководство Великого Востока начало ориентироваться на военно-дворцовый переворот с заменой на царском престоле Николая II его братом Михаилом¹. Правда, формально в принятой съездом официальной резолюции благодаря удачным выступлениям ряда членов Верховного совета, сумевших несколько приглушить «революционный порыв» низов, эти революционные настроения отражения не нашли и резолюция была выдержана строго в духе политики Верховного совета².

Генеральным секретарем Верховного совета на съезде был избран А. Ф. Керенский³. Впервые об этом со всей определенностью поведал миру Леопольд Хаймсон в опубликованной в 1965 году статье «Проблема социальной стабильности в городской России (1903—1917 гг.)»⁴. Честь этого, без всякого преувеличения, открытия принадлежит, впрочем, не ему, а русскому историку-эмигранту Б. И. Николаевскому, установившему сей примечательный факт в ходе своих интервью с А. Я. Гальперном и Н. С. Чхеидзе. А. И. Серков, впрочем, полагает, что это не так и генсеком на съезде стал А. Я. Гальперн. А. Ф. Керенский же, по его мнению, секретарствовал в Верховном совете после смерти А. М. Коллюбакина в 1915—1916 годах; что же касается Н. В. Некрасова, то он занимал эту должность всего несколько месяцев в 1915 году⁵. Сам Н. В. Некрасов в своих показаниях от 13 июля 1939 года следователю НКВД утверждал, однако, что именно он, а не кто другой как раз и являлся секретарем Верховного совета «Великого Востока народов России» на протяжении всего периода 1910—1916 годов⁶. Характерно, что этим периодом он датировал свое секретарство в Верховном совете и на допросе

¹ Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX века. С. 152.

² Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 68.

³ Хасс Л. Указ. соч. С. 160.

⁴ Slavic Review. 1965. Vol. XXIV. P. 3—14.

⁵ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 115.

⁶ Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В. В. Шелохаева и В. В. Поликарпова. // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 38.

26 июня 1939 года¹. Да и организацию «Великий Восток народов России» Н. В. Некрасов почему-то называет неправильно («Масонство народов России»), причем возникновение ее связывает с 1910 годом, когда, говоря его словами, «*русское масонство отделилось и прервало свою связь с заграницей*»². Причину явного умолчания Н. В. Некрасова о секретарстве А. М. Колюбакина и А. Ф. Керенского еще предстоит выяснить исследователям.

Согласно данным В. Вяземского, к августу 1914 года в России насчитывалось, по крайней мере, не менее 38 лож³. Только в Петербурге работало 7 лож, в которых насчитывалось около 95 человек. Две ложи работали в Москве. Кроме того, масонские ложи функционировали еще в 14 городах: Киев, Рига, Ревель, Самара, Саратов, Нижний Новгород, Екатеринбург, Кутаис, Тифлис, Одесса, Минск, Вильно, Витебск, Харьков⁴.

К сожалению, мы не знаем названий большинства этих лож, но зато руководители их хорошо известны. В частности, в Петербурге это были ложи А. Я. Гальперна, Е. П. Гегечкори, К. К. Черносвитова, Д. П. Рузского, Л. К. Чермака. Из провинциальных лож «Великого Востока народов России» можно отметить ложи в Харькове (Я. Л. Рубинштейн), Тифлисе (Х. А. Вермишев), Саратове (С. Е. Кальманович), Екатеринбурге («Большая медведица»), Киеве («Единение», «Заря»), Одессе («Истина»).

Активно работал и созданный еще в 1912—1913 годах местный Петербургский совет «Великого Востока народов России», куда вошли руководители 8 петербургских масонских лож (В. Я. Богучарский, В. А. Виноградов, П. А. Демьянов, А. М. Колюбакин, В. А. Оболенский, Д. П. Рузский, В. А. Степанов, Н. В. Чайковский)⁵.

¹ Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В. В. Шелохаева и В. В. Поликарпова. // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 36.

² Там же. С. 38.

³ Вяземский В. Г. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал (Нью-Йорк). Книга 161. С. 235.

⁴ Русское политическое масонство начала XX века. (1906—1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В. И. Старцева. // История СССР. 1990. № 1. С. 148.

⁵ Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. С. 1145.

Особо следует сказать о Витебской масонской ложе, куда входил с 1913 года известный впоследствии художник-модернист Марк Шагал, который привлек туда через некоторое время своего товарища Г. Я. Аронсона. В 1914 году в Витебске побывал тогдашний генсек «Великого Востока» А. М. Колюбакин и были приняты в ложу Г. Я. Брук и А. О. Волкович. В 1916 году Витебск посетил А. Ф. Керенский, и опять этот приезд ознаменовался принятием в ложу ряда новых членов¹.

Любопытные воспоминания об этом событии оставил Б. Гуревич. «Официально его (Керенского. — В. Б.) миссия была — чтение лекции о деятельности Государственной Думы. Лекция была прочитана с огромным успехом. Были овации, публика ожидала члена Думы у здания. А он уехал в ресторан, где в отдельном кабинете его чествовал союз приказчиков. Керенский был председателем последнего разогнанного правительством съезда приказчиков, а Гинзбург, принимавший его в Витебске, был одним из товарищей председателя съезда. Тогда же при участии А. Ф. Керенского состоялось и заседание масонской ложи. Об этом собеседник мне рассказывал следующее.

Его, рассказчика, как-то спросили, не согласится ли он вступить в масонскую ложу. Эти предварительные разговоры вел с ним д-р Брук. Осведомил его о немногом: в Петербурге давно существует масонская ложа, куда входят по персональному признаку руководящие деятели оппозиционных партий в Государственной Думе. Девиз масонства: за истину и свободу. Цель — объединение интеллигенции на почве этих лозунгов во имя возможных событий исторического значения. Война, разложение двора и сфер обязывают нас быть наготове. Если вы согласны примкнуть к нам, вы будете связаны клятвой: свято хранить тайну о масонстве. Вот и все, что предшествовало принятию моего собеседника в масонскую ложу.

Обряд посвящения происходил таким образом. Вечер. Он — рассказчик — в темной комнате, к тому же с завязанными

¹ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 145.

глазами. С ним Керенский, который торжественно читает формулу присяги. В ней нет ничего особенного. Тот же девиз: за истину и свободу, и обещание хранить тайну. Рассказчик повторяет за ним формулу присяги. Затем Керенский снимает повязку с его глаз, целует его, называет его «братом» и за руку вводит в комнату, где происходит заседание ложи. Все поднимаются с мест, целуют его, говорят ему «ты», называют его «братом»...»¹

«За численностью организации не гнались, — отмечал Н. В. Некрасов, — но подбирали людей морально и политически чистых, а кроме и больше того, пользующихся политическим влиянием и властью». Яснее, откровеннее и циничнее и не скажешь! По прикидке Н. В. Некрасова, в 1917 году «Великий Восток народов России» насчитывал в своих рядах не более 300—350 членов. «Но среди них, — добавлял он, — было много влиятельных людей»². В этом-то все и дело. От 300 до 500 политических масонов на всю Россию насчитывает к 1917 году и В. И. Старцев³. Несколько большую цифру приводит (правда, на начало 1915 года) — 600 человек и 49 лож — польский исследователь Людвик Хасс⁴. В 1915—1916 годах девять лож, как уже отмечалось, распалось, и, таким образом, к февралю 1917 года в России насчитывалось, по прикидке Л. Хасса, всего 40 лож. Что же касается численности масонской организации, то вследствие уменьшения ее на 200 человек она составляла всего 400 братьев⁵.

Цифры эти вполне реальны. Другое дело, что при попытке определения персонального списка политических масонов этого времени сразу же выясняется, что сделать это не так-то легко. Так, В. И. Старцев, когда он предпринял такую попытку, смог ус-

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 103—104.

² Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В. В. Шелохаева и В. В. Поликарпова. // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 38.

³ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 158.

⁴ Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX века. С. 152.

⁵ Там же. С. 152.

тановить из них пофамильно только 104 масонов, принадлежавших к «Великому Востоку народов России»¹. В лучшем случае это всего лишь одна четвертая, если не одна шестая общего их числа за эти годы (от 400 до 600 человек). Из этих 104 масонов более половины (67) члены петербургских лож, причем 25 человек из них — это так называемая старая гвардия, еще входившая ранее, в 1906—1910 годах, в ложи французского обряда².

Можно, таким образом, констатировать, что личный состав петербургских, а отчасти московских лож «Великого Востока народов России» уже не представляет большого секрета для исследователей. Другое дело провинциальные ложи, по крайней мере, из 200 членов которых нам известно всего лишь только 24 человека³.

«Головку» русского политического масонства накануне 1917 года составляла тройка его наиболее деятельных членов: Н. В. Некрасов, А. Ф. Керенский и М. И. Терещенко. В 1916 году к ним добавилось еще два брата — А. И. Коновалов и И. Н. Ефремов, после чего «тройка» превратилась в масонскую «пятерку». Распределение ролей между ними было следующим: Н. В. Некрасов отвечал за связь с либеральной оппозицией; А. Ф. Керенский общался с социалистами и радикалами всех мастей; М. И. Терещенко отвечал за работу среди военных; И. Н. Ефремов и А. И. Коновалов поддерживали связь с торгово-промышленными кругами. Душой русского политического масонства этого времени был князь С. Д. Урусов, через которого по-прежнему поддерживалась связь с «Великим Востоком Франции».

Проводниками масонского влияния в России накануне революции были: Теософское общество во главе с А. А. Каменской, Русское Антропософское общество (председатель Б. П. Григоров), Лига прав человека (председатель Яков Рубинштейн), Общество сближения между Россией и Америкой во главе с Н. А. Бо-

¹ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 109.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 110.

родиным и другие организации либерального и пацифистского толка. Наряду с творческой и научной интеллигенцией (З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, Б.В. Савинков, В.И. Немирович-Данченко, М. Волошин, Вяч. Иванов, профессора М.С. Грушевский, Е.В. Аничков, Н.П. Василенко, С.П. Костычев, М. Таубе, А.В. Карташев, П.Е. Щёголев) широко были представлены в русском масонстве и торгово-промышленные круги: А.И. Гучков, Павел Бурышкин, А.И. Коновалов, М.И. Терещенко, Павел Штейнгель и другие.

Практически полностью в масонских руках накануне революции находились и общественные структуры русской буржуазии: Земский и Городской союзы, объединившиеся в организацию — Союз земств и городов (Земгор) во главе с Г.Е. Львовым. Формально организация эта занималась налаживанием производства обмундирования, амуниции, медикаментов и теплых вещей для фронта. Фактически же она стала играть роль одного из центров оппозиции власти. Особенно сильным было масонское влияние в Военно-промышленном комитете, занимавшемся распределением военных заказов среди предприятий России. Ведущую роль в комитете играли А.И. Коновалов, П.П. Рябушинский, С.Н. Третьяков, М.И. Терещенко. Председателем Центрального военно-промышленного комитета (июль 1915) был избран А.И. Гучков, сразу же взявший курс на превращение его в центр политической оппозиции царской власти. *«Итак, — справедливо отмечает Н.Н. Берберова, — кадры были готовы. В обеих столицах думцы, профессора, дипломаты, члены Военно-промышленного комитета, члены Земского и Городского союзов, адвокаты, военные, общественники созывали друг друга: их день настал»¹.*

День этот, 27 февраля 1917 года, ныне хорошо известен. Менее известны усилия масонов в 1916 — начале 1917 года, направленные на скорейшее приближение этого дня. Речь идет о

¹ Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 31.

масонских планах военного заговора против царя. Резкая активизация антиправительственных сил в стране должна была бы, казалось, встряхнуть правительство и побудить его к более решительным и эффективным мерам по борьбе с врагами престола и Отечества. Этого, однако, не произошло.

По-прежнему главные надежды здесь возлагались на Департамент полиции. Конечно же, там знали о масонах и о их антигосударственной деятельности. Первым из лиц правительственной администрации, кто со всей определенностью поставил перед Департаментом полиции вопрос о необходимости оперативной разработки и нейтрализации антиправительственной деятельности масонов в России, был министр иностранных дел В. Н. Ламздорф. В своем циркуляре от 14 декабря 1905 года на имя министра внутренних дел П. Н. Дурново он прямо заявил, что в сложившейся в то время внутривластной ситуации в стране *«было бы весьма полезно иметь возможно подробные сведения о развитии масонской деятельности в пределах империи»*, и предложил своему коллеге провести соответствующее расследование по этому предмету, т.к. *«может быть, масонская пропаганда захватила и Россию»*¹.

Но МВД еще не понимало всего значения масонской проблемы, и 3 января 1906 года П. Н. Дурново ответил своему коллеге, что *«при нынешних обстоятельствах»* расследование возможной деятельности масонских лож в России *«связано со значительными трудностями, не позволяющими ожидать успешных результатов от могущих быть принятыми в этом направлении мер»*². Из этого можно сделать вывод, что никаких конкретных мер по изучению масонской опасности в России Департамент полиции, по крайней мере, в ближайшее время предпринимать не собирался. Тем не менее уже через несколько дней П. Н. Дурново пришлось-таки заняться масонской проблемой.

¹ Документы Департамента полиции о масонстве в России. Публ. В. Е. Корнеева. // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 99.

² Там же. С. 101.

Дело в том, что уже 8 января 1906 года Российское телеграфное агентство распространило по своим каналам следующее сообщение: «Некоторые из обывателей столицы получили приглашение вступить в возрождающееся общество масонов. В приглашении говорится, что общество возникает в силу прав, дарованных российскому населению Манифестом 17 октября, и в том объеме, в котором оно существовало в XVIII — XIX веках. Вступить в общество приглашаются все честные и нравственные люди без различия вероисповедания. Ответы о согласии вступить в члены общества должны посылаться: 17 почтовое отделение, предъявителю штемпеля «В. М. ». Когда таких заявлений будет получено от 500 желающих вступить в Общество, будет объявлено об общем собрании»¹.

Не отреагировать на это сообщение Департамент полиции не мог. Заинтересовался им и сам министр внутренних дел П. Н. Дурново. На отчете Департамента полиции о случившемся министр наложил резолюцию, что дело это «интересует государя императора». Дело было, таким образом, нешуточное, в связи с чем Департаментом полиции была составлена всеподданнейшая записка «По поводу возрождения в России общества масонов». Копию этой записки министр внутренних дел переслал председателю Совета министров С. Ю. Витте. О реакции его на этот документ ничего не известно. Не сохранилась и сама записка. Что же касается реакции царя на случившееся, то он распорядился продолжить выяснение всех обстоятельств этого дела. В итоге Департаменту полиции было предписано установить лиц, рассылавших приглашения о вступлении в масонское общество, а также расшифровать лиц, которые откликнутся на это приглашение.

Сразу надо сказать, что инициатора рассылки этого явно провокационного объявления о возрождении масонской организации в России выяснить не удалось, хотя по некоторым данным им вполне мог быть известный мартинист граф Валериан Валерианович Муравьев-Амурский. Более успешной оказалась

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 228.

перлюстрация писем-заявлений от желающих вступить в масонскую организацию. Ключуло на масонскую удочку, как выяснили в Департаменте полиции, 63 человека¹. Что же касается содержания писем и их авторов, то вопрос этот был детально изучен в свое время А. Я. Аврехом. Самым интересным из этих 63 писем оказалось письмо из Нижнего Новгорода, автор которого отрекомендовался мастером одной из заграничных масонских лож. Он, в частности, отметил полную неосведомленность автора предложения о происхождении, истории и сущности масонства.

Среди других откликов на это объявление были уже хорошо известные нам отец и сын П. М. и Д. П. Казначеевы, ставшие впоследствии масонами и мартинистами. «Заявляю, — читаем мы в письме сына, — что желаю участвовать в восстановлении в России масонских лож. Дворянин Дмитрий Петрович Казначеев. 1906 года, января 12 дня». Аналогичное по содержанию заявление прислал и его отец, Петр Михайлович Казначеев. Из других известных впоследствии масонов, откликнувшихся на объявление 8 января 1906 года, можно отметить еще доктора Н. Н. Баженова.

В географическом отношении больше всего желающих вступить в масонскую ложу оказалось в Москве (27 человек). На втором месте Санкт-Петербург — 9 человек. По 2 человека из Симферополя и Екатеринослава и по одному из ряда других городов империи. Этим улов Департамента полиции и ограничился. На некоторое время о масонах в России здесь, казалось, забыли. Вспомнили о них только в начале 1908 года.

7 апреля 1908 года в московской газете «Раннее утро» появилась статья «Франкмасонство в Москве». Речь в ней шла о сенсационном интервью у некоего, как пишет об этом А. Я. Аврех, господина Ч. На самом деле автором этого интервью был уже известный нам издатель журналов «Ребус» и «Русский франкмасон» Петр Александрович Чистяков. *Безусловно, франкмасон-*

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 236.

тво существует у нас и поныне, — заявил он корреспонденту этой газеты. — Время от времени в Москве возникают самочинные ложи. Организуют их явные спекулянты на мистическом чувстве: многие из авантюристов составили себе состояния». Характерно, что не удержался П. А. Чистяков и от рекламы издаваемых им журналов, в частности «Русского франкмасона», подчеркнув при этом, что «лица, стоящие во главе этого издания, не сочувствуют политической фракции французского масонства и стали решительно на сторону фракции иоаннитского духовного масонства, сохранившего во всей чистоте спиритуальные и мистические традиции»¹.

Впрочем, П. А. Чистяков не только говорил, но и действовал, организовав в том же 1908 году на базе своего мистического кружка «Великую ложу Астрей». Им же было предпринято издание в начале 1908 года первого в России масонского журнала «Русский франкмасон», о чем уже шла у нас речь.

Из других оккультных сообществ Москвы завидной активностью отличался кружок Владимира Павловича Быкова. И за тем и за другим Департамент полиции организовал тщательное наблюдение. Особо пристальный интерес вызвало у него появление в Москве в июне 1908 года некоего корреспондента ряда английских и американских журналов Джеймса Перси, который не скрываясь говорил, что имеет от английской ложи «Колонатис» прямое поручение по распространению масонских лож в России. Степень мастера, которую имел Джеймс Перси от ложи «Колонатис», сразу же открыла ему зеленый свет в ложе П. А. Чистякова. Первые три степени посвящения он прошел буквально за один месяц и вскоре уже был избран великим мастером «Великой ложи Астрей» в Москве.

Несмотря на последовавшую после интервью П. А. Чистякова команду из Петербурга разобраться и доложить, в Москве с этим явно не торопились. Первое сообщение об оккультных кружках П. А. Чистякова и В. П. Быкова и издаваемых ими мистических журналах пришло в Петербург только 14 июня 1908 года. Конс-

¹ Д. С.—в. Франкмасонство в Москве. // Раннее утро. 1908, 7 апреля. С. 3.

татировав несомненно масонский, хотя и тщательно замаскированный характер этих изданий, начальник московской охраны М. Ф. Коттен вынужден был признать, что никаких неблагоприятных сведений о В. П. Быкове и П. А. Чистякове у него нет¹. Что и как делать дальше, никто не знал.

В июле 1908 года информация о московских масонах была доложена, как уже отмечалось, председателю Совета министров П. А. Столыпину, который наложил на соответствующем докладе резолюцию: «Ведь масонство у нас запрещено законом!»² В результате в Департаменте полиции зашевелились и выделили уже в сентябре этого же года специального сотрудника, призванного не только отслеживать все, что было связано с распространением масонства в России, но и составлять отправляемые «наверх» различные справки и доклады по этому вопросу. Выбор департаментского начальства пал на обрусевшего француза жандармского подполковника Г. Г. Меца, о котором было известно, что он уже давно интересовался масонской проблемой и был, таким образом, в известной мере подготовлен к столь специфическим занятиям. Так оно и оказалось.

Первая его докладная записка, посвященная общему обзору возникновения и истории масонства в Западной Европе, поступила в Департамент полиции 8 октября 1908 года. Следующая аналитическая записка Г. Г. Меца о масонской проблеме относится к 17—18 ноября. Непосредственным поводом для ее составления стала публикация в газете «Русское слово» за 8 ноября 1908 года интервью «Масоны» бывшего депутата Государственной Думы, известного кадета Е. И. Кедрина. Здесь он не только признал, что является мастером одной из заграничных масонских лож, но и выразил откровенное сожаление, что революция 1905 года произошла без масонского руководства, т.к. это, по его словам, придало бы ей более культурный и цивилизованный характер.

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 250.

² Документы Департамента полиции о масонстве в России. Публ. В. Е. Корнеева. // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?... М., 1999. С. 114—115.

«Обращаясь к статье *«Масоны»*, — отмечал в своей аналитической записке Г. Г. Мец, — можно сказать, что и статьи корреспондента *«Биржевых ведомостей»*, и беседы различных корреспондентов с Кедриним, и его якобы откровенные показания совершенно понятны. Это обычный масонский пробный шар. Заявляя, что он масон, Кедрин испытывает почву. В его лице масонству интересно знать, как на это будет реагировать и что скажет печать, умеренная и правая»¹. Теперь можно заранее убежденно сказать, предупреждает Г. Г. Мец, что вторая после 1905 года вспышка и второй удар по России «произойдут при полном напряжении сил со стороны масонства, которое только в России не имеет права гражданства». Конспиративный, тайный характер этого сообщества, отмечает Г. Г. Мец, позволяет его адептам столетиями работать против христианства и национальной государственности, не вызывая никаких подозрений, но это всего лишь иллюзия. Масоны всегда и везде при определенных обстоятельствах готовы взять власть в свои руки. «В известный момент является новое правительство, которое открыто вступает в управление всеми функциями страны», — предупреждает Г. Г. Мец².

18 октября 1908 года Г. Г. Мец направил в Департамент полиции новую записку (170 страниц) «Существо и цели всемирного общества франкмасонов». Сам он находился в это время уже в Москве, куда был командирован Департаментом полиции в начале этого месяца в помощь московской охранке в качестве специалиста по масонству. Впрочем, преувеличивать значение этой помощи не следует, т.к. надо понимать, что своей агентуры у него не было, и успех или неуспех его миссии целиком и полностью зависел от информации, которую предоставляло ему Московское охранное отделение во главе с М. Ф. фон Коттенем. Встретил тот своего петербургского коллегу, причем, хорошо и тут же познакомил его с Джеймсом Перси. Г. Г. Мец был буквально на седьмом небе от радости. Еще бы! Ведь до сих пор о масонстве

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 240.

² Там же. С. 242.

он знал только по литературе. А тут живой, самый что ни на есть настоящий масон. Да еще и соглашающийся на сотрудничество с Департаментом полиции. *«По своему положению, — сообщал 13 ноября Г. Г. Мец, — Джеймс Перси будет находиться в сношениях со всеми провинциальными ложами в России, находящимися под руководством «Великой ложи Астрея», а также и с другими ложами всех степеней и ритуалов: с Русским капитулом розенкрейцеров (Розового креста), капитулом под названием «Аравийская ложа» и ареонагом «Рыцарей Мальтийского ордена», имеющих отделения в провинции...»¹*

Как и следовало того ожидать, мистер Джеймс Перси готов был сотрудничать с Департаментом полиции по освещению масонства в России. Однако за свои услуги он тут же потребовал денег, т.к. ему-де по своему высокому положению в масонском ордене неудобно было жить в меблированных комнатах. Кроме того, великому мастеру необходимо было заплатить за свой диплом, который он получил в «Великой ложе Астрея». На первых порах Джеймс Перси готов был удовлетвориться суммой 500 рублей, о чем тут же и сообщил в Петербург горячо поддерживавший его в этом намерении Г. Г. Мец.

Полицейскую радость Г. Г. Меца не вполне разделял, однако, мудрый и хорошо информированный начальник московской охраны М. Ф. фон Коттен. Во всяком случае, в частном письме на имя начальника особого отдела Департамента полиции в Петербурге Е. К. Климовича он счел нужным предупредить его, что на самом деле мистер Джеймс — это никакой не англичанин, а работающий у него по «освещению разных лекций» университета Шанявского полицейский агент еврей Иван Федорович Персиц, «преследующий исключительно денежную выгоду»².

14 ноября 1908 М. Ф. фон Коттен отправил в Департамент полиции новое донесение, в котором он не только подтвердил факт действительного существования в Москве «Великой ложи Астрея» во главе с П. А. Чистяковым, но и сообщил, что секретарем этой ложи является проживающая в Петербурге известная

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 254.

² Там же. С. 256.

исследовательница истории масонства Тира Оттовна Соколовская¹. «Астрей», сообщал М. Ф. Коттен в Петербург, проводит в год четыре торжественных собрания, на которых присутствуют представители всех состоящих под ее управлением лож. Кроме этих торжественных собраний, каждая из лож проводит еще и свои собственные ежемесячные собрания. «По имеющимся сведениям «Астрей» обладает большими денежными средствами», — сообщал он. Можно предположить, продолжал М. Ф. Коттен, существование в Москве и других масонских лож: Аравийской (мастер стула некий Сергей Дмитриевич Волков), Рыцарей Розового креста во главе с Александром Николаевичем Серебряковым и ордена мальтийских рыцарей. Сомнительность этих данных очевидна. Но в Департаменте полиции были не слишком привередливы и с легкостью необыкновенной заглатывали и такую непроверенную и, в сущности, ничем не подтвержденную информацию.

Можно не сомневаться, что в Департаменте полиции намеревались и дальше раскручивать дело о «Великой ложе Астрей». Громом среди ясного неба, как надо полагать, прозвучали здесь опубликованные в самом начале декабря 1908 года в ряде газет² провокационные интервью их подопечного Джеймса Перси о своих планах как якобы полномочного представителя английских масонов по легализации масонства в России. Заволновалась и пресса, во всяком случае патриотическая, прямо обвинявшая Департамент полиции в бездействии. Объяснить же газетчикам, что Джеймс Перси — это всего лишь «подстава», провокатор, которого оно пытается внедрить в масонскую среду, высокое полицейское начальство не могло. В результате срочно пришлось «дать отбой».

21 декабря 1908 года на квартире у П. А. Чистякова, как уже отмечалось в сюжете о «Великой Ложе Астрей» в этой книге, был обыск, произведенный нарядом полиции. В результате им было обнаружено здесь незаконное собрание, участники которого были переписаны и за отсутствием в их деятельности ка-

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 257.

² Происки масонов. // Новое время. 1908, 4 декабря. С. 2.

кого-либо серьезного криминала отпущены по домам. Вслед за этим был произведен обыск и в помещении редакции журнала «Русский франкмасон»¹. Ввиду деликатности ситуации, связанной с полицейской провокацией в масонских рядах, дело против П. А. Чистякова и его коллег было решено не возбуждать. И деятельность «Великой Ложы Астрея» была прекращена в административном порядке². Что же касается Джеймса Перси, то он для успокоения общественного мнения был выслан за границу, что, впрочем, нисколько не помешало ему опять оказаться в 1912 году в Москве и продолжить свое сотрудничество с Департаментом полиции³. Возвратившийся же в Петербург Г. Г. Мец в конце 1908 — начале 1909 г. был откомандирован в распоряжение дворцового коменданта для заведования дворцовой охранной агентурой.

О масонах и о их «происках» против России в Департаменте полиции наверняка опять бы надолго забыли, если бы о них совершенно неожиданно не вспомнил сам царь Николай II, распорядившийся в августе 1909 года представить ему на высочайшее имя доклад о распространении масонства в России. Первоначально в Департаменте полиции намеревались было представить в качестве такового уже известный нам доклад Г. Г. Меца от 18 октября 1908 года. Однако представлен он из-за скудости имеющегося в нем фактического материала царю все же так и не был⁴.

Вместо этого решено было предпринять новое исследование проблемы, причем инициатива здесь исходила с самого что ни на есть «верха». С одной стороны, это был царь Николай II, который много и подолгу беседовал с великим князем Николаем Михайловичем, делясь с ним своими «тревожными опасениями», а с другой — председатель Совета министров П. А. Столыпин.

¹ Новое время. 1908, 23 декабря. С. 3.

² Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 260—265.

³ Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. С. 636.

⁴ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 274.

Его, как свидетельствуют источники, тоже беспокоил масонский вопрос, причем его собеседником на эту тему, как сообщал 29 марта 1912 года в своей докладной записке на имя министра внутренних дел А. А. Макарова директор Департамента полиции С. П. Белецкий, тоже почему-то оказался великий князь Николай Михайлович, с которым он даже вел некие «личные переговоры» о распространении масонства в России¹.

Все бы это, конечно, и ничего, если бы изучение вопроса о возможных происках масонов против России решено было начать с Москвы и Петербурга, где помимо оккультистов одних только так называемых политических масонов было уже, по крайней мере, не меньше сотни. Но случилось невероятное: по-иски русских масонов решено было начать из далекого и прекрасного Парижа, откомандировав туда одного из чиновников Департамента полиции. Какие такие масонские тайны намеревался выведать через него в Париже и, что самое главное, — у кого тогдашний товарищ министра внутренних дел П. Г. Курлов, остается загадкой. Факт, однако, остается фактом: курировал разработку масонского вопроса в это время именно он.

Лицом же, которому предстояло выполнить столь сложное, щекотливое задание, оказался мелкий чиновник, помощник делопроизводителя одного из отделов Департамента полиции коллежский асессор Б. К. Алексеев. Достоинством его было то, что он уже бывал за границей, знал иностранные языки, окончил в свое время медицинский лицей и, что самое главное, уже имел некоторое представление о предмете своего изучения, т.к. он давно и всерьез интересовался масонством. Последнее, видимо, и решило исход дела, хотя нельзя исключить и того, что П. Г. Курлов не только лично знал молодого человека, но и протектировал ему.

Поскольку никаких связей в парижских масонских или околумасонских кругах Б. А. Алексеев не имел, надеяться на успех его миссии, заключавшейся «в уяснении способов воздействия

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 278.

и борьбы с масонством»¹, было нельзя. Правда, парижской заграничной агентуре Департамента полиции во главе с А. А. Красильниковым (1864—1931) предписано было оказывать всяческое содействие Б. К. Алексееву, в том числе и материальное, для чего туда была переведена одна тысяча рублей, но всего этого, конечно же, было мало. Не приходится сомневаться, что миссия Б. К. Алексеева была пустой тратой денег и заранее обречена на провал.

К сожалению, наши исследователи так и не задались законным вопросом: а от кого, собственно, исходила эта странная идея по отслеживанию происков русских масонов из французского «далека». На первый взгляд может показаться, что от генерала П. Г. Курлова. Но это не так. Как отмечал С. П. Белецкий, «по указанию великого князя Николая Михайловича решено было искать корни этого явления (т.е. масонства. — В. Б.) во Франции, куда и был послан Алексеев». Вот мы и выяснили автора идеи с командировкой Б. К. Алексеева в прекрасную Францию. Он же, великий князь Николай Михайлович, выступил и в роли консультанта Б. К. Алексеева по масонской проблеме перед его непосредственной отправкой в парижскую командировку². Подробнейший разговор с Б. К. Алексеевым перед его поездкой в Париж имел и другой великий князь — Александр Михайлович³.

Столь трогательная забота великих князей об успехе миссии Б. К. Алексеева, конечно же, впечатляет. Если бы не одно «но»... Дело в том, что первый из них — великий князь Николай Михайлович (1859—1919), не только известный историк, но еще и масон⁴. Известно и о его дружбе с графом А. А. Орловым-Давыдовым — венераблем петербургской масонской ложи «Полярная звезда» «Великого Востока Франции» в 1906—1910 годах. И хотя

¹ Соловьев О. Ф. Русские масоны от Романовых до Березовского. С. 205.

² Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 279.

³ Щёголев П. Е. Охота за масонами, или Похождения коллежского асессора Алексева. // Охранники и авантюристы. С. 41.

⁴ Аронсон Григорий. Масоны в русской политике. // Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 149.

масоном великого князя признают далеко не все, дыма без огня, как известно, не бывает. Что же касается второго консультанта Б. К. Алексеева, великого князя Александра Михайловича (1866—1933), члена масонского ордена «Рыцари Филалет», то в его масонстве можно уже не сомневаться¹.

Конечно же, всего этого еще недостаточно для того, чтобы уверенно говорить, что, советуя Департаменту полиции направить Б. К. Алексеева в поисках русских масонов в далекий Париж, великие князья сознательно прикрывали тем самым от возможного разгрома реально существующие в Санкт-Петербурге масонские и парамасонские кружки и группы (мартинисты, филалеты, розенкрейцеры и др.). Но впечатление такое, причем впечатление устойчивое, остается.

Но вернемся к Б. К. Алексееву. 7 октября 1910 года он выехал в Берлин, где в свое время слушал лекции в местном университете и где у него было много знакомых. Заказав одному из них общий обзор «по вопросу о еврействе и Всемирном израильском союзе», он продолжил свой путь и оказался через несколько дней в Брюсселе. Здесь Б. К. Алексеев встретился по совету великого князя Александра Михайловича с иезуитом, известным историком аббатом Пирлингом, которому и открыл все свои карты. Ничего конкретного о русских масонах тот, конечно же, не знал, но зато в свою очередь дал добрый совет обратиться в Париже к широко известному в то время противнику масонства и одному из видных деятелей Антимасонской ассоциации во Франции аббату Жюлю Турмантену.

В Париж Б. К. Алексеев прибыл 14 (27) октября 1910 года. Здесь он сразу же был ошарашен знакомым французом-масоном, который заявил ему буквально следующее: «Добиться чего-нибудь от наших главарей вам никогда не удастся, потому что тут среди них и кроется та удивительная законспирированность, которая делает нас двигателем всей мировой истории»².

¹ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945. С. 446.

² Щёголев П. Е. Охота за масонами, или Похождения коллежского асессора Алексеева. // Охранники и авантюристы. С. 43.

Однако Б. К. Алексеев не впал в уныние и разыскал-таки Жюль Турмантена. Как оказалось, формально во главе Антимасонской ассоциации или лиги стоял не он, а граф де Кювервиль. Однако фактически все дела здесь вершил Жюль Турмантен. История переговоров с ним Б. К. Алексеева подробнейшим образом изложена в докладных записках последнего, регулярно посылаемых им в Департамент полиции в Санкт-Петербурге. Всего их 4¹. Первая записка Б. К. Алексеева датирована 22 октября (5 ноября), вторая — 23 октября (6 ноября), третья — 11 (24) ноября и, наконец, четвертая — 25 ноября (8 декабря) 1910 года.

Из них, в частности, следует, что при ближайшем знакомстве Жюль Турмантен оказался, как того и следовало ожидать, неглупым человеком. Он быстро сообразил, что к чему. «Я, — заявил он Б. К. Алексееву, — очень люблю Россию и ее царя и с удовольствием буду для нее работать. Моя организация — единственная в своем роде и достаточно известна в кругах, интересующихся масонством, чтобы я был избавлен от необходимости ее восхвалять. Дайте мне средства — и я представлю вам всю подноготную масонства»². Однако сам он ничего конкретного и сколько-нибудь важного, кроме указания на принадлежность к французским масонским ложам некоторых русских, не открыл.

Надо сказать, Б. К. Алексеев, поселившийся в одном из парижских отелей, вовсю сорил деньгами и обзаводился новыми друзьями из масонской или полумасонской преимущественно среды. В результате при помощи одного из своих новых друзей он даже получил возможность посетить собрание одной из парижских масонских лож. Но никаких масонских тайн он там, разумеется, не узнал.

Тем временем выяснилось, что Жюль Турмантен, на которого так рассчитывал Б. К. Алексеев, блефует и сам ничего конкретного о русских масонах, кроме общих сведений о существова-

¹ Щёголев П. Е. Охота за масонами, или Похождения коллежского асессора Алексеева. // Охранники и авантюристы. С. 34—77.

² Там же. С. 51.

нии лож в Москве, Петербурге и Варшаве, не знает. Но зато он якобы знает подходы к Великому секретарю «Великого Востока Франции» Вадекару и помощнику секретаря «Великой ложи Франции», которые-де стеснены в средствах и на определенных условиях могли бы сотрудничать с русским правительством¹. Конечно же, Б. К. Алексеев тут же ухватился за эту спасительную для него наживку: ведь никаких других вариантов у него не было. Ухватились за это предложение и в Департаменте полиции.

Однако, когда Турмантен назвал требуемую сумму 500—550 тыс. франков², П. Г. Курлов заколебался. Слишком уж велик был риск при сомнительности результатов. Обычный в практике Департамента полиции вариант выдачи небольших денежных сумм по мере поступления информации его устраивал куда больше, что и было передано Б. К. Алексееву. Однако Жюль Турмантен стоял на своем, и дело зашло в тупик.

П. А. Столыпин, которому был сделан соответствующий доклад, вопроса не решил. Не решил его и царь, к которому обратился в декабре 1910 года товарищ министра внутренних дел генерал П. Г. Курлов. Проявив живейший интерес к масонам, Николай II пожелал тем не менее более внимательно ознакомиться с проблемой. П. Г. Курлову при создавшихся обстоятельствах не оставалось ничего другого, как телеграфировать Б. К. Алексееву: «Благоволите оттянуть дату ответа известному лицу, мотивируя экстренным вызовом Вас для окончательных переговоров в Петербург. Признается необходимость Вашего личного доклада»³. Б. К. Алексееву пришлось подчиниться. По возвращении в Петербург ему было предложено составить письменный отчет о командировке; этим все дело и закончилось.

Что же касается дальнейшей деятельности Б. К. Алексеева в Департаменте полиции, то она была продолжена. Результатом

¹ Щёголев П. Е. Охота за масонами, или Похождения коллежского ассессора Алексеева. Охранники и авантюристы. С. 65.

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 71.

ее стало появление его новых докладных записок по масонству от 11 мая, 16 июля и 4 сентября 1911 года. Наиболее известна из них последняя, где со ссылкой на лиц, стоящих близко к масонским кругам, содержится утверждение о том, что покушение 1 сентября 1911 года на председателя Совета министров П. А. Столыпина «находится в некоторой связи с планами масонских руководителей»¹. «Уже с некоторых пор, — докладывал он П. Г. Курлову, — к г. председателю Совета министров делались осторожные замаскированные подходы, имеющие целью склонить его высокопревосходительство на сторону могущественного сообщества».

Но после того как масоны якобы заручились поддержкой члена Государственного Совета П. Н. Дурново, П. А. Столыпин был для них уже не нужен и на него стали смотреть скорее как «на препятствие». Руководители масонства, докладывал Б. К. Алексеев, пришли к заключению, что П. А. Столыпин является для их целей «лицом бесполезным, а следовательно, в настоящее время, когда масонство собирается нажать в России на все свои пружины, — даже вредным для целей масонства»².

Как ни интересны эти соображения Б. К. Алексеева, обольщаться относительно ценности его сведений ни в коем случае не следует. Добыты они были не оперативным, как этого следовало бы ожидать от Департамента полиции, путем, а заимствованы из домыслов и спекуляций на эту тему правоконсервативных газет. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в подшивки хотя бы некоторых из них за 1911 год.

«Глава правительства, как его величают, — читаем мы в петербургской правой газете «Гроза» за 22 марта 1911 года, — находится под влиянием масонов — общества жидовского происхождения, задавшегося целью сокрушить христианство. В этих видах масоны сперва уничтожают монархию как защитницу

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 287.

² Щёголев П. Е. Охота за масонами, или Похождения коллежского асессора Алексеева. // Охранники и авантюристы. С. 74.

христианства, а потом уже и церковь... В последующем г. Столыпину, а через него масонам легко будет добиться согласия Государственного Совета на захват царской власти, а возможно, затем и на уничтожение христианства в России, к чему Государственная Дума стремится уже давно. На близость же г. Столыпина к масонам всегда указывалось, и поддержка им идолопоклонства есть верный тому признак. Известно, что масоны совершают молебствия дьяволу, и потому разрешение г. Столыпиным строительства идольского капища (буддийского храма. — В. Б.) и публичного идолослужения, т.е. поклонения дьяволу, является прямым исполнением им своей масонской обязанности... На принадлежность к масонству г. Столыпина указывает и большое сочувствие к нему Англии...»¹.

Голословный, подстрекательский характер этой и подобных ей статей, направленных на дискредитацию П. А. Столыпина в глазах царя, очевиден. Недаром сам премьер-министр называл черносотенцев «революционерами справа». Действительно, сговориться с ними, как, впрочем, и с их коллегами — революционерами слева, было невозможно.

Продолжала муслировать тему отношений П. А. Столыпина и масонов правая печать и после его убийства. Правда, если раньше, при жизни П. А. Столыпина обвиняли в принадлежности к масонству и покровительстве ему, то теперь его стали уже представлять как жертву масонов. «Когда же он вздумал изменить своей клятве масонству, то был убит, и масоны в русском отделении Междупарламентской лиги... сыграли в убийстве Столыпина видную роль», — читаем мы все в той же газете «Гроза» за 26 октября 1911 г.².

Но вернемся к Департаменту полиции. Увы, при всем желании приподнять его деятельность в борьбе с масонской угрозой приходится констатировать, что профессионализмом тут и не пах-

¹ Столыпин в руках масонов. // Гроза (СПб). 22 марта 1911 г. (№ 142). С. 1—2.

² Международные заговорщики. // Гроза. 26 октября 1911 г. (№ 244). С. 2.

ло (вместо оперативной разработки реальных масонских лож и их членов информацию тут предпочитали черпать из домыслов газет), зато политиканства было хоть отбавляй. «П. Г. Курлов, — показывал на заседании Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 15 мая 1917 года бывший директор Департамента полиции С. П. Белецкий, — хотел указать, что и Столыпин принадлежал к одной из масонских лож»¹. Судя по всему, так оно и было.

Определенный интерес представляет для исследователей и информация Б. К. Алексеева (Записки от 11 мая и 16 июня) о поездке в Россию в июне 1911 года делегации «Великого Востока Франции» с целью «правильной» организации масонских лож в России и «вручения русским вожакам масонства полных инструкций для дальнейших действий»². Учитывая, что как раз на этот период и приходится организационное становление политического масонства в России после «развода» в феврале 1910 года молодых реформаторов со «стариками» — масонами еще парижского «призыва», следует признать эту информацию вполне достоверной.

Как сообщал в своем донесении в Департамент полиции от 11 марта 1911 года Б. К. Алексеев, «все петербургские масоны группируются около Н. Н. Беклемишева, Т. О. Соколовской и В. В. Авчинниковой-Архангельской». Особое внимание обращал он на В. В. Авчинникову-Архангельскую, которая, по его словам, прибыла из Франции в Россию в «качестве разведчика масонства»³. Местом сборищ этой публики являлся, по его сведениям, Музей изобретений и усовершенствований (Мойка, 12).

И действительно, как бы в подтверждение слов Б. К. Алексеева, директор этого музея Н. Н. Беклемишев публикует в июне —

¹ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Ред. П. Е. Щёголев. Том 3. Л., 1925. С. 324.

² Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 285.

³ Щёголев П. Е. Охота за масонами, или Похождения коллежского ассессора Алексеева. // Охранники и авантюристы. С. 72—72.

июле 1911 года на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» серию статей, в которых доказывает необходимость скорейшей легализации масонства в России. О развернутой в это же время открытой пропаганде масонства на страницах редактируемого Н. Н. Беклемишевым журнала «Море» речь уже шла. Однако тронуть Н. Н. Беклемишева и В. В. Авчинникову-Архангельскую из-за их близости к великому князю Александру Михайловичу Департамент полиции не решился.

Вместо этого тронули... самого Б. К. Алексеева. Несмотря на видимую активность коллежского асессора, после отставки в конце 1911 года явно покровительствовавшего ему П. Г. Курлова пришлось-таки, в конце концов, уйти из Департамента полиции и ему. В конце 1912 года в его кресле опять уже сидел известный нам подполковник Г. Г. Мец.

Вернувшись в родные стены, он попытался было вновь заявить о себе как крупнейшем в России специалисте по масонскому вопросу, представив в 1913 году доклад «О масонском движении в России» с приложением¹.

Должного впечатления на вышестоящее начальство доклад не произвел вследствие исключительно книжного происхождения приводимых в нем сведений, в то время как Департамент полиции был ориентирован на конкретные факты о преступной деятельности масонов на территории России. Однако таковыми Г. Г. Мец не располагал. Не удовлетворившись этим, он представил в департамент еще ряд записок такого же характера. Однако лучшие его времена были уже далеко позади.

Большой удачей Департамента полиции этого времени следует признать попавшие в его руки т.н. масонские бумаги штабс-капитана Двинского пехотного полка К. И. Иванова. Сами бумаги относились к 1907 году и были обнаружены в пустующей квартире, где ранее проживал К. И. Иванов. Из них, в частности, следовало, что в Петербурге, по крайней мере на 1907 год, функционировало 3 оккультно-масонских кружка: мартинистов, куда

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 324.

помимо известных нам В. В. Муравьева-Амурского входили ротмистр Д. Ф. Левшин, библиотекарь Зимнего дворца А. И. Леман, а также братья, укрывшиеся за инициалами П. Н. и Н. Н., скорее всего это великие князья Петр и Николай Николаевичи; кружок почетного академика редактора журнала «Вестник Европы» К. К. Арсеньева (князь А. Н. Оболенский, член Государственного Совета С. К. Войналиченко, полковник В. Н. Андронников) и т.н. масонская фракция «Денница» (И. Н. Семенов, муж писательницы В. И. Крыжановской, М. И. Доможирова, Б. В. Никольский и др.)¹.

Ретроспективный обзор сведений обо всех этих кружках, составленный на основе документов штабс-капитана К. И. Иванова, был представлен в октябре 1913 года Департаментом полиции министру внутренних дел. Ознакомившись с ним 2 ноября 1913 года, тот тут же распорядился «сделать общее исследование по России о движении масонства и затем составить в форме всеподданнейшего доклада живой и интересный очерк для государя-императора»².

Что касается перечисленных выше оккультно-мистических кружков, то за ними было установлено наблюдение. Правда, не за всеми, а только за одним из них: за кружком К. К. Арсеньева, которое, впрочем, ничего не дало³. Что же касается двух других, то они из поля зрения Департамента полиции скоро почему-то выпали. И надо полагать, что не случайно, т.к. у оккультистов в России было, как мы уже убедились, мощное прикрытие в лице великих князей. Тем не менее определенное беспокойство в связи с активностью Департамента полиции в масонском вопросе они все же проявляли. Свидетельством этому может служить обращение в самом начале января 1914 года великого князя Николая Михайловича к директору департамента С. П. Белецкому с просьбой сообщить ему «новые сведения о распространении

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 309—312.

² Там же. С. 312.

³ Там же. С. 314.

масонства в России». И конечно же, несмотря на секретный характер этих сведений, он их получил. Уже 14 января 1914 года затребованный великим князем документ под названием «Краткое обозрение т.н. французского масонского движения в пределах Российской империи» лежал у него на столе.

Главным информатором Департамента полиции по масонскому вопросу становится в это время бывший заведующий парижской агентурой Департамента полиции Леонид Александрович Ратаев¹. Уйдя в 1905 году в отставку с хорошей пенсией, он вместо того, чтобы уехать в Россию, предпочел остаться под фамилией Рихтер в Париже, выполняя время от времени за небольшую плату разовые поручения Департамента полиции. Одним из последних поручений (январь 1911 года) такого рода как раз и стало освещение им на основе доступных ему «французских источников» нелегальной деятельности масонов в России.

Первая его записка о масонстве поступила в Департамент полиции в марте 1911 года. «Масонство в России, — отмечал здесь Ратаев, — явление не новое. Проникло оно к нам в первой половине XVIII века и затем периодически то появлялось, то исчезало или, вернее сказать, притаивалось. Но неизменно и всегда, кроме горя и напасти, ничего с собою не приносило»².

Конечно, можно подивиться тому, что в то время, как масонские ложи почти беспрепятственно росли и множились в самой России, информацию о них Департамент полиции решил почему-то получать из Парижа. Но польза от вояжа Б. К. Алексеева во Францию, и особенно от записок Л. А. Ратаева (всего их 4), несомненно, была большая. Так как это позволило департаменту нащупать в конце концов суть масонской проблемы — политическое или кадетское масонство. «Главным приютом для масонов служит кадетская партия», — писал в Департамент поли-

¹ Брачев В. С. Царский жандарм-борец с масонами. // Секретное досье. 1998. № 1. С. 50—59.

² Ратаев Л. А. Международный парламентский союз. // Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996. М., 1996. С. 645.

ции Л. А. Ратаев. «Взгляните внимательно, — отмечал он, — как между нашими масонами распределены роли и сферы влияния. Среди членов Государственного Совета и в литературной среде действует М. М. Ковалевский; среди членов Государственной Думы И. Н. Ефремов, П. Н. Милюков и В. А. Маклаков. Влияние последнего распространяется и на адвокатскую среду, где он пользуется популярностью. Деятельность Е. П. Когана-Семеновского обнимает жидовские круги и мелкую прессу. Наконец, А. Н. Брянчанинов, убежденный деятельный масон, стремится воздействовать на высшее общество. Уже на его собраниях начинают появляться лица титулованные или же посещающие — громкие дворянские фамилии, как, например: Кугушевы, Толстые и т.п. Будет весьма печально, если благодаря этим стараниям масонство внедрится в высшие слои русского общества»¹.

Это был принципиально новый, свежий взгляд на масонскую проблему в России: ведь до этого в своих поисках масонов в нашем Отечестве Департамент полиции неизменно натывался на мистиков: дело спирита В. П. Быкова и П. А. Чистякова с его «Великой ложей Астрей» 1908 года, петербургских и московских мартинистов (Г. О. Мебес, П. М. Казначеев, Ч.И. Чинский) 1911—1912 годов, организация Варвары Овчинниковой (орден филалетов) и др.²

Конечно, и за мистиками надо было «наблюдать». Но политическое влияние этих господ было невелико и борьба с ними была заведомо пустой тратой сил и средств Департамента полиции. А. Я. Аврех в свое время пришел к выводу, что происходило это потому, что Департамент полиции якобы взял «ложный след» или, иначе говоря, попросту проморгал политических масонов³.

¹ Ратаев Л. А. Записка о масонстве. // Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996. С. 648.

² Корнеев В. И. Документы Государственного архива Российской Федерации о московских масонах XIX — начала XX века. // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 98—128.

³ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 337—338.

Факты, однако, показывают, что подлинная картина была несколько иной. На первых порах Департамент полиции действительно отождествлял масонов только с мистиками. Однако продолжалось это недолго. И в конце концов, не без помощи докладных записок Б. К. Алексеева и особенно Л. А. Ратаева, он нащупал-таки суть проблемы. Убедительное свидетельство этому — уже цитировавшаяся нами записка Л. А. Ратаева 1911 года. О том же говорят и другие документы Департамента полиции по масонству. Правда, в составленном 12 декабря 1912 года в Департаменте полиции «Списке лиц главнейших деятелей масонства в России, за корреспонденцией которых желательно установить наблюдение» наряду с политическими масонами, такими как князь Е. Н. Трубецкой и князь П. Д. Долгоруков в Москве, князь Д. И. Бебутов, М. М. Ковалевский, князья А. Д. и Н. Д. Оболенские, наблюдение за почтовой перепиской которых действительно могло что-то дать, фигурируют в то же время и уже известные нам масоны-мистики: В. П. Быков, П. А. Чистяков и В. С. Арсеньев в Москве, а также А. А. Каменская, Е. П. Семенов, И. К. Антошевский, Г. О. Мёбес, Т. О. Соколовская, Б. А. Леман, К. К. Арсеньев, Е. К. Арсеньев, Е. И. Война-Панченко — все в Петербурге. Курьезом можно считать наблюдение специалистов Департамента полиции за перепиской известной в то время писательницы на оккультные темы В. И. Семеновой-Крыжановской и жены бывшего Председателя Совета министров С. Ю. Витте — графини Матильды Ивановны Витте¹.

Однако простачками чины Департамента полиции не были, и за оккультистами они, скорее всего, наблюдали так, на всякий случай. Главным объектом их внимания были, конечно же, не оккультисты, как думал А. Я. Аврех, а политические масоны. Убедительное свидетельство этому — аналитическая записка Департамента полиции о масонстве от 25 июня 1913 года². Масонами,

¹ Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. С. 120—122.

² Из аналитического доклада Департамента полиции министру внутренних дел 25 июня 1913 года. // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. С. 118—120.

по сведениям Департамента полиции, являлось в это время около 90 человек. Особенно важно то, что за редким исключением (Александр Блок, Максим Горький) подавляющее большинство представленных здесь фамилий: А. В. Амфитеатров, Л. Андреев, Е. Аничков, М. М. Ковалевский, В. Д. Кузьмин-Караваев, Н. И. Астров, Ю. Гамбаров, князя Павел и Федор Долгоруковы, Е. В. де Роберти и другие — все это действительно, как мы теперь уже точно знаем, деятельные члены тогдашних масонских политических лож; никаких мистиков среди них нет.

Можно констатировать, что широко распространенное среди историков представление, что, организовав охоту за оккультистами, Департамент полиции якобы взял «ложный след», едва ли справедливо. На самом деле уже в 1910 году, как показала история с командировкой в Париж коллежского асессора Б. К. Алексева, здесь поняли, что подлинная, а не мнимая опасность империи исходит не от оккультных кружков и групп, находившихся к тому же под покровительством великих князей, а масонских лож политического характера, работавших в России под эгидой «Великого Востока Франции» над ее «освобождением» от царского самодержавия, именно в их тайны и стремился проникнуть Б. К. Алексеев.

После некоторых колебаний след специалисты Департамента полиции взяли все-таки верный — политическое или кадетское масонство. Другое дело, что эффективная борьба с ним в тех условиях, которые сложились после царского Манифеста 17 октября 1905 года (свободное функционирование в стране оппозиционных правительству партий и групп было гарантировано законом), была едва ли возможна.

Масонство, как отмечалось в аналитической справке Департамента полиции от 2 января 1914 года «О распространении масонства в России», как тайная организация, работающая над ниспровержением существующего в России строя под прикрытием всевозможных обществ: просветительных, оккультных и благотворительных, практически неуязвимо для полиции, так как доказать преступный умысел в их действиях юридически

невозможно. *«Распространение влияния масонства не встречает никаких препятствий на своем пути. Конечные цели их скрыты, и само масонство осторожно. Лица, непосредственно ведущие борьбу с революционным движением, с масонским движением не знакомы, и, собираясь под прикрытием якобы заседаний всевозможных легализированных обществ, масонство, будучи тайным политическим обществом, может работать беспрепятственно»*, — с горечью констатирует автор аналитической справки¹.

Последняя записка Л. А. Ратаева о масонах в Департамент полиции относится к февралю — марту 1916 года. К сожалению, записке Л. А. Ратаева не повезло, т.к. ее современный публикатор доктор исторических наук В. Э. Багдасарян приписал почему-то ее авторство бывшему директору Департамента полиции С. П. Белецкому². С. П. Белецкий³ действительно представил эту записку в апреле 1916 года новому директору Департамента Е. К. Климовичу, но сама записка, как, впрочем, и другие, была составлена не им, а А. Л. Ратаевым. С. П. Белецкий ее только подписал. Чтобы убедиться в этом, достаточно было только внимательно прочитать ее, не говоря уже о том, что стоило бы публикатору заглянуть и в литературу вопроса, в частности в книгу А. Я. Авреха.

Но вернемся к тексту самой записки. «В России, — заявил здесь Л. А. Ратаев, — масонством занимаются преимущественно деятели крайних организаций. Я читал их произведения и не знал, чему более изумляться, абсолютному ли незнакомству их с предметом или же развязности, с которой они преподносят русской публике измышления, почерпнутые из нелепейших произведений французских писателей-шантажистов вроде Лео

¹ Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. Под ред. А. А. Коралева. С. 124.

² Синдром масонофобии российского чиновничества. Докладная записка экс-директора Департамента полиции С. П. Белецкого (1916). Подготовил В. Э. Багдасарян. // Исторический архив. М., 2004. № 5. С. 3—22.

³ Брачев В. С. С. П. Белецкий и его «Записки». В кн: Шшихин Олег. Убить Распутину. М., 2000. С. 349—379.

Таксила (Жоган Пажес), доктора Батайля, Поля Розена и т.п. Одно из главных и преднамеренных заблуждений этих господ состоит в голословном утверждении, будто бы масонство еврейского происхождения и создано еврейством для достижения его противохристианских целей и осуществления идеи всемирного еврейского засилья. Утверждают также, что в настоящее время деятельностью всемирного масонства руководит какой-то тайный синедрион, который будто бы направляет ее в смысле служения еврейским интересам. У нас этот предрассудок до того укоренился, что даже создался общеупотребительный термин «жидомасонство». Между тем... нет ничего более произвольного и исторически необоснованного, как это ходячее мнение»¹.

Признание главного на тот момент «спеца» Департамента полиции по масонству более чем красноречивое. Конечно же, это вовсе не означает еще, что Л. А. Ратаев не видел или недооценивал масонской опасности для России. Вместе с тем нельзя не видеть, что столь решительное размежевание его в оценке масонства с правоконсервативными деятелями тогдашнего политического спектра России ничего хорошего не сулило, ибо на чью еще поддержку в борьбе с масонством могло рассчитывать в таком случае царское правительство?

Не удивительно, что, внимательно прочитав записку Л. А. Ратаева, тогдашний директор Департамента полиции генерал Е. К. Климович какого-либо хода этому документу так и не дал². Приближалась революция, и Е. К. Климович, очевидно, решил, что есть у его ведомства дела и поважнее масонов.

«Итак, — констатировал А. Я. Аврех, — Департамент полиции прекратил заниматься масонством как раз в тот момент, когда реальные русские политические масоны активизировали свою «нерегулярную ложу»; возникает естественный вопрос: чем объяснить этот 100-процентный провал?»³ О том, как отвечает на

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 337.

² Там же. С. 336.

³ Там же. С. 337.

него сам А. Я. Аврех, речь уже шла. Наша точка зрения состоит в том, что не готовы были к борьбе с масонской угрозой и вообще революцией в России не в Департаменте полиции, а сам царь и его ближайшее окружение. В этом, собственно, и состоял трагизм их положения.

А между тем в стране, можно сказать, почти в открытую зрел самый настоящий антиправительственный заговор, и далеко не последнюю роль в нем играли, как теперь выясняется, братья масоны.

ЧАСТЬ II

МАСОНЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Глава 1

На путях к дворцовому перевороту: проблема масонского заговора накануне революции 1917-го

Первым, кто со всей определенностью поставил вопрос о масонских планах насильственного устранения императора Николая II от власти путем дворцового переворота или, иначе говоря, существовании накануне революции масонского заговора, а также ведущей роли, которую сыграли масоны в февральско-мартовские дни 1917 года, был эмигрантский историк С.П.Мельгунов¹. В вышедшей в 1931 году в Париже сенсационной книге «На путях к дворцовому перевороту» он убедительно показал, что подготовкой и организацией Февральского переворота 1917 года руководили две группы или два кружка русских масонов. Во главе одного из них, военного, стоял А. И. Гучков. Другой, гражданский, возглавлял А. Ф. Керенский. Последующие изыскания исследователей позволили во многом уточнить и детализировать картину масонского вхождения во власть в 1917 году². Но честь первопроходца в исследовании темы принадлежит, безусловно, С. П. Мельгунову.

Конечно, сами масоны, как непосредственные участники описываемых событий, отнюдь не стремились афишировать решающую роль своего присутствия в них. Так, правда, уже в совет-

¹ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931. С. 149, 180, 185.

² Журина Н.Г. Масоны и Февральская революция в России. // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 2. М., 1992. С. 158—159; Старцев В. И. Тайны русских масонов. Русское политическое масонство начала XX века. С. 109—136.

ское время, в своих показаниях в НКВД СССР в июле 1939 года бывший генеральный секретарь Верховного совета «Великого Востока народов России» Н.В. Некрасов всячески подчеркивал, что надежды либералов на масонство как действенный инструмент политической борьбы с самодержавием оказались крайне преувеличенными. Но и он вынужден был признать *«некоторую роль»*, которую сыграла эта масонская организация. Как в период подготовки революции, когда она была своеобразным *«конспиративным центром народного фронта»*, так и в первые дни Февральской революции, когда именно она помогла объединению *«прогрессивных сил под знаменем революции»*. *«В Петрограде и в Москве встречи деятелей социал-демократической и социал-революционной партии с представителями левых кадетов и прогрессистов стали, — по его словам, — последние месяцы перед революцией постоянным правилом»*¹. Преобладали на них левые настроения, и основным лозунгом здесь была республика. *«Большинство участников этих встреч (о них есть упоминание и в книге Суханова) оказались виднейшими деятелями Февральской революции. А их предварительный сговор сыграл, по моему глубокому убеждению, видную роль в успехе Февральской революции. Велась даже некоторая техническая подготовка, но о ней долго говорить»*, — дипломатично отмечал Н. В. Некрасов².

Что это была за техническая подготовка, на этом мы еще остановимся. Но сначала об общей атмосфере, господствовавшей в масонских ложах в 1915—1916 годах. Характерной особенностью ее была, говоря словами А. Я. Гальперна, *«ненависть к трону, к монарху лично»*³. С. П. Мельгунов приводит в своей книге следующий примечательный факт. Принимали в масонскую ложу командира Финляндского полка В. В. Теплова. Один из

¹ Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В. В. Шелохаева и В. В. Поликарпова. // Вопросы истории. 1998. № 11 — 12. С. 39.

² Там же. С. 19.

³ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 63.

братьев задал ему вопрос о его отношении к планам физического устранения царя. В. В. Теплов не долго думая с солдатской прямоотой ответил: *«Убью, если велено будет»*¹.

Неудивительно, что в такой атмосфере левый эсер масон полковник Генерального штаба С. Д. Мстиславский (Масловский) взял да и предложил осенью 1915 года братьям *«организовать заговор на жизнь государя»*. Осуществить его, уверял С. Д. Мстиславский, не так уж и трудно, так как *«имеется возможность найти нужных людей среди молодого офицерства»*². То, что убийству царя в «братской» среде обрадовались бы многие, сомневаться не приходится. Но сами масоны в таком опасном деле, как истинные интеллигенты, «светиться» не желали. Самое любопытное в этой истории — это то, что от своего собственного имени действовать С. Д. Мстиславский почему-то не захотел, решив непременно испросить на это разрешения Верховного совета ВВНР. Дай ему Верховный совет такое разрешение, и членам его наверняка не миновать было бы Сибири. Однако здесь, как оказалось, сидели совсем не глупые люди. Они быстро сообразили, что кроется за предложением С. Д. Мстиславского.

*«Прений о нем совсем не было, — свидетельствовал А. Я. Гальперн. — Было только сформулировано общее мнение, что в братском порядке говорить о такого рода делах нельзя, так как они не могут входить в задачи братства. В персональном же порядке все присутствующие братья относятся к предложению в высшей степени отрицательно»*³. Больше на заседании ложи С. Д. Мстиславский, которого подозревали в провокации, не появлялся. Все контакты братьев с ним были прерваны. Однако скорей всего провокатором С. Д. Мстиславский (наст. фам. Масловский), участник Февральской и Октябрьской революций,

¹ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 185.

² Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 65—66.

³ Русское политическое масонство начала XX века (1906—1918 гг.). Вступительная статья и комментарии В. И. Старцева. // История СССР. 1990. № 1. С. 146.

известный советский писатель, все же не был, и действовал он вполне искренне. Но братьев он все-таки здорово напугал.

История с С. Д. Мстиславским ясно показывает, что идея военного заговора носилась в масонских кругах в 1915—1916 годах, можно сказать, в воздухе. Любопытно, что этот же вопрос о необходимости подготовки государственного переворота ставил осенью того же 1915 года на заседании Бюро Прогрессивного блока другой масон, правда французского обряда, — В. А. Маклаков¹. Однако формально *«политического заговора как сознательно поставленной цели в программе нашей работы не стояло, — подчеркивал А. Я. Гальперн, — и если бы кто-то попытался в задачи организации такой заговор внести, то это вызвало бы протест со стороны многих»*. В то же время и он вынужден признать, что был среди братьев и *«целый ряд лиц, из них часто очень влиятельных, которые очень сильно к заговору склонялись»*². Понять это можно только так: формально выдвинуть идею антиправительственного заговора Верховный совет ВВНР не решился. Неофициально же разработка таких планов с его ведома велась, но уже не от имени организации, а якобы исключительно по личной инициативе отдельных частных лиц.

*«Тем не менее, — пишет в связи с этим исследователь А. И. Серков, — даже среди масонов ложу Верховного совета стали считать центром заговора, что привело к глубокому кризису «Великого Востока народов России» в 1915 году»*³. Отрицать, что в Верховном совете действительно рассматривались планы по устранению от власти Николая II, не позволяет свидетельство масона Н. С. Чхеидзе. *«Переворот, — свидетельствовал он, — мыслился руководящими кругами в форме дворцового переворота; говорили о необходимости отречения Николая II*

¹ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 140.

² Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. С. 119.

³ Там же. С. 119.

и замены его. Кем именно, прямо не называли, но думаю, что имели в виду Михаила.

В этот период Верховным советом был сделан ряд шагов к подготовке общественного мнения к такому перевороту. Помню агитационные поездки Керенского и других в провинцию, которые совершались по прямому поручению Верховного совета. Помню сборы денег для такого переворота»¹.

Правда, после протеста украинских масонов прямая подготовка дворцового переворота со стороны Верховного совета была прекращена и центр заговора переместился в группу А. И. Гучкова — А. М. Крымова², якобы действовавшую уже исключительно на свой страх и риск. Но и «гражданский кружок», как называл Верховный совет П. Н. Милюков, продолжал свою деятельность по подготовке заговора. Важное заседание его состоялось в сентябре 1916 года на квартире кадета М. М. Федорова с участием П. Н. Милюкова и председателя Государственной Думы М. В. Родзянко. Тон на нем задавали А. И. Гучков, Н. В. Некрасов и М. И. Терещенко, отстаивавшие в своих выступлениях план насильственного отстранения от власти Николая II и передачи ее наследнику при условии регентства великого князя Михаила Александровича и введения конституционного правления в России.

Еще одним центром зревшего заговора (правда, скорее потенциального, чем реального) против царя называют часто кружок князя Г. Е. Львова — А. И. Хатисова со ставкою на великого князя Николая Николаевича Младшего. 22 апреля 1928 года некто С. П. Смирнов опубликовал в газете «Последние новости» (Париж) рассказ бывшего тифлисского городского головы А. И. Хатисова. 9 декабря 1916 года, свидетельствовал А. И. Хатисов, после закрытия полицией V съезда представителей городов на квартире князя Г. Е. Львова состоялось секретное совещание. Присутствовали: Н. М. Кишкин, М. М. Федоров, А. И. Хатисов и другие.

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 88—89.

² Там же. С. 92 — 96.

Г.Ельвов предложил собравшимся следующий план действий: Николая II заменить великим князем Николаем Николаевичем, который сразу же объявит о введении в стране ответственного министерства. Очевидно, что именно с этими разговорами и возникла версия о существовании так называемого «Кавказского центра» готовившегося заговора. Однако на самом деле реально этот центр никак себя не проявил. Более того, когда в январе 1917 года А. И. Хатисов попробовал было заговорить на эту тему с самим великим князем Николаем Николаевичем, тот ответил отказом на предложение возглавить заговор¹.

Как бы то ни было, в результате ряда организованных единым масонским центром совещаний оппозиционных деятелей был разработан общий план захвата царского поезда во время одной из поездок Николая II из Петербурга в Ставку или обратно. Арестовав царя, предполагалось тут же принудить его к отречению от престола в пользу царевича Алексея при регентстве Михаила Александровича и введении в стране конституционного строя².

Роль первой скрипки, как уже отмечалось, играл на этих переговорах лидер октябристов А. И. Гучков. И дело тут не только в авантюрном характере этого политического деятеля. В III Государственной Думе А. И. Гучков был председателем комиссии по государственной обороне, что, собственно, и позволило ему завести обширные связи и знакомства не только в военных, но и в военно-морских кругах. Следует в связи с этим подчеркнуть, что имеющиеся в литературе указания на его принадлежность к масонству скорее всего верны. А. И. Гучков был принят в масонскую ложу еще в 1913 году. Решительное же отрицание этого факта самими масонами объясняется последующей «радиацией» А. И. Гучкова в 1920 году³, т.е. исключением из масонства — процедурой, требующей от братьев безусловного отрицания какой-либо принадлежности исключенного к братству. То, что

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 143.

² Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1993. С. 31, 32, 121.

³ Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 152.

А. И. Гучков и некоторые другие октябристы вполне могли быть посвящены в масонство, — очевидно. Организовать широкий антиправительственный блок в Думе с последующим прицелом на взятие власти одним кадетам без их поддержки нечего было и думать. А ведь именно ради этого — взятия власти — и создавалась организация политического масонства в России.

Другое дело, что афишировать посвящение некоторых видных октябристов в масонство даже в узком братском кругу никто, похоже, не собирался, и знали о нем немногие. Большой интерес в связи с проблемой масонского заговора представляют т.н. «Диспозиции» № 1 и № 2 за 8 и 18 сентября 1915 года от имени Комитета народного спасения в Москве.

В первой из них объявляется о назначении с целью усиления борьбы за права народа штаба Верховного главнокомандования в составе: князя Г.Е.Львова, А. И. Гучкова и А. Ф. Керенского. Вот ее полный текст:

«Диспозиция № 1.

Необходимо:

1) Признать, что война ведется на два фронта: против упорного и искусного врага вовне и (против) не менее упорного и искусного врага внутри.

2) Отделить определенно и открыто людей, понимающих и признающих наличность внутренней войны, столь же важной, как и внешняя, от людей, не понимающих или не желающих признать наличность двух войн.

3) Признать, что достигнуть полной победы над внешним врагом невозможно без предварительной полной победы над врагом внутренним.

4) Признать, что полная победа внутри означает публичное и окончательное связующее преклонение всех без исключения лиц в империи перед утверждением: «русский народ есть единственный Державный хозяин Земли Русской», с соответствующими из сего практическими выводами, а именно: право хозяина иметь свое мнение, открыто его высказывать и требовать беспрекословного подчинения его организованной воле.

5) Для успешности борьбы по внутреннему фронту оставить идеи всяких блоков и объединений с элементами зыбкими и сомнительными; немедленно назначить штаб Верховного командования из десяти лиц, предоставив сие основной ячейке: кн. Львов, А. И. Гучков и А. Ф. Керенский, и, отказавшись при выборе кандидата по признаку личного уважения и прошлых заслуг, назначать исключительно по признакам: а) ясности мышления, б) честности слова и в) твердости воли.

6) Признать, что организация борьбы за народные права должна вестись по установленным практикой правилам военной централизации и дисциплины, совместной с широкой инициативой отдельных частных начальников. Лозунг объединения и борьбы: возвращение в руки хозяина — русского народа в лице его организованного представительства — прав, узурпированных за время его несовершеннолетия его приказчиками.

7) Верховное командование, организованное народом, в борьбе за свои права принять на себя А. И. Гучкову, как объединяющему в себе доверие армии и Москвы, отныне не только сердца, но и волевого центра России.

8) Методы борьбы за права народа должны быть мирными, но твердыми и искусными. Памятуя, что лиц с именами, на которые с упованием взирают армия и народ, никто тронуть не посмеет, эти лица должны произносить своевременно слова и действия, другим недоступные. Коронованные народным доверием и надеждой, они должны принять на себя не только лавры венков, но и их тернии.

9) Мирная борьба разумеет, прежде всего, открытое и всенародное отделение козлиц от овец. Кто за народ, тот должен быть отделен и организован, дабы тверды и организованы были его кадры. Кто против народа, тот должен быть занесен в особый список с занесением его проступков и ответственности за поддержку дела обновления России.

10) Сия работа, не касающаяся обыкновенных граждан, а исключительно лиц, участвующих в государственной машине и общественной деятельности, дает возможность определить

силы обоих лагерей и в зависимости от этого укажет и способы мирной борьбы.

11) Мирная борьба должна оперировать не методами забастовок, вредных для войны внешней и для интересов населения и государства, а методом отказа войск, борцов (всех борцов) за народное дело, от какого бы то ни было общения с лицом, удаление которого от государственных и общественных функций декретировано Верховным командованием. В связи с этим все отрицательные (и положительные) поступки лиц у власти должны быть открыто и всенародно «записаны на книжку», с предупреждением, что по окончании войны будет дан приказ «к расчету строится», и никакие торжества по случаю мира и естественное утомление не (смогут — слово вставлено публикатором) сломать решимости расчет этот произвести по заслугам перед народом и армией. Должно быть твердо установлено, что врагам народа в эту поворотную минуту амнистии не будет в течение 10 лет после заключения мира.

12) Признать, что внешним (важнейшим) фактором успеха или проигрыша внутренней войны представляется пресса и ее повышающее — правдиво-патриотическое — или понижающее — лживо-пошрое — воздействие на массы. Посему: а) перестать сентиментальничать с прессой, руководители которой цинично набивают себе карманы, покупая свои доходы прислуживанием врагам народа; б) подчинить прессу Верховному командованию и требовать ее согласованных действий, несогласных же заставить молчать путем снятия с работы рабочего персонала и объявления бойкота неподчинившихся органов печати.

Пока не представляется желательным развивать далее сии основные решения. Сочувствующие приглашаются заявлять о том вышеуказанным лицам. Из числа этих заявлений будет видно, созрели ли обыватели до сознания неотложной необходимости по-военному организованной, не боящейся света армии для открытой, мирной, но неослабной войны за победу, порядок и права народа. В зависимости от развития событий на внутрен-

нем фронте диспозиция подлежит переменам и дополнениям, о которых будет сообщено.

Комитет народного спасения.

Дана в Москве 8 сентября 1915 года¹.

Второй документ (Диспозиция № 2) издан как бы в развитие первого и предлагает «означенным пяти лицам»: А. И. Гучкову, А. Ф. Керенскому, П. П. Рябушинскому, В. И. Гурко и кн. Г. Е. Львову просить А. И. Гучкова принять на себя командование Армией спасения России против врагов внутренних. Содержание же его следующее:

«Диспозиция № 2.

В ответ на резолюции московских съездов земств и городов последовало решение противника: съезды благодарить; депутации не принимать, парламента немедленно не созывать.

Таким образом, маски сдернуты. Все, даже наивнейшие Ковалевские, Милюковы, Челноковы, Шингаревы, должны, наконец, уразуметь, что они своей компромиссностью подставили русскую общественность под удар, которого следовало избежать.

Противник действует смело и последовательно: имея всю страну и общественное мнение союзников против себя, он наносит общественности удар за ударом. Чем же отвечает на это русская общественность? Руководимая безвольными говорунами, она только ежится и грозит кулаком в кармане. Между тем ответные жесты должны быть сделаны немедленно, ибо без них наступление противника может постепенно повести к потере даже закрепленных с 1905 г. позиций. Кто не понимает этого, должен устраниваться от руководящих ролей.

Посему надлежит:

1) А. И. Гучкову, А. Ф. Керенскому, П. П. Рябушинскому, В. И. Гурко, кн. Г. Е. Львову немедленно собраться в Москве и приступить к организации земского и городского съезда, созываемого частным порядком в Москве на 15 октября с.г.

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 82.

2) Означенным пяти лицам выработать программу съезда и текст приглашения на оный, разослав его лицам, участие каких желательно, и предоставив выбор делегатов частным совещаниям земских и городских гласных по всей империи.

3) Твердо установить, объявив об этом через газеты, что съезд предполагается частный, никаких разрешений поэтому не испрашивать, переговоров с противником о нем не вести и инсценировать его под флагом чашки чая у П. П. Рябушинского.

4) Означенным пяти лицам во исполнение п. 5 нашей Диспозиции № 1 просить А. И. Гучкова принять на себя командование «Армией спасения России» против врагов внутренних. Пополнить состав для формирования штаба в 10 лиц (п. 5 дисп. № 1), указание коего Гучкову принимать к исполнению в случае наличности в его пользу трех четвертей голосов. Во всех остальных случаях Гучкову принимать решения под личную свою ответственность, а совету поддерживать его в исполнении оных всемерно и беспрекословно.

5) Означенным 5 лицам после того, как они выработают детали ответного жеста по адресу кабинета, безумно ведущего страну к внутреннему обострению, пригласить редакторов и издателей московских газет и установить контакт между тоном газет и намерениями штаба.

6) Ответный жест по адресу г.г. Горемыкина и кн. Щербатова (по должности ответственного за возникновение проекта восстановления предварительной цензуры и пр.) мог бы заключаться в объявлении им публичного выговора и отрешения от права общения с уважающими себя общественными деятелями (общественный бойкот) наподобие тех мер, коими финляндцы столь успешно боролись с режимом ген. Бобрикова.

7) Штабу следовало бы немедленно по своем сформировании приступить к изучению реальной обстановки театра внутренней борьбы и, блокируясь налево, определить последовательность мер воздействия на «пробки», применение каковых не повредило бы интересам армии и общества, систему личного, социального,

экономического и психического воздействия на врагов народа: г. Горемыкина, кн. Щербатова, г. Самарина, г. Катенина и т.д.

8) Штабу следовало бы немедленно облечь лицо с достаточным юридическим и практическим опытом обязанностями «общественного прокурора» и, придав ему в помощь несколько помощников, приступить к составлению обвинительных актов против врагов народного дела, индивидуализируя и конкретизируя их ответственность. Работа написания этих актов должна идти в срочном порядке и быть немедленно опубликованной если не в стране, то за рубежом, у союзников, контакт с которыми штаб должен установить немедленно путем отсылки делегатов в Лондон и Париж.

Комитет народного спасения.

Дана в Москве 18 сентября 1915 года¹.

Первая из диспозиций известна историкам уже давно: в 1928 году она была опубликована Б.Кругляковым в «Красном архиве»². Вторую опубликовал в 1990 году А. Я. Аврех³. В бумаги Департамента полиции эти документы попали после задержания и обыска контрразведкой 6-й армии французского журналиста — корреспондента журнала «Temps» некоего Шарля Риве. На допросе Шарль Риве показал, что получил он эти документы от гласного Петроградской городской Думы, издателя журналов «Новое звено» и «Церковно-общественный вестник» А. Н. Брянчанинова. Т.к. дело было слишком серьезное, то допросили 31 декабря 1915 года и его. Однако Брянчанинов заявил, что он не помнит, от кого он получил эти документы, и рассматривает их как «курьез», вследствие чего он якобы и дал их почитать своему знакомому Шарлю Риве. Т.к. сведения о шпионстве Шарля Риве не подтвердились, а отзывы о А. Н. Брянчанинове оказались благоприятными для него, хода этому делу дано не было.

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 93—96.

² Красный архив. 1928. Том 1 (28). С. 211 — 212.

³ Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 93—96.

Исходя из этого, советский историк А. Я. Аврех заявил, что «показания Брянчанинова не оставляют никаких сомнений в том, что обе диспозиции — плод творчества графомана», лишь случайно попавшие к нему¹. Никакого отношения к масонам и их заговорщическим планам они, по его мнению, не имеют².

К сожалению, исследователя не насторожила принадлежность первоначального владельца этих документов А. Н. Брянчанинова к Прогрессистской партии (член Петроградского отдела ее ЦК), которая вместе с партией конституционных демократов как раз и являлась основным поставщиком адептов масонских лож в России. Более того, простая справка указывает на А. Н. Брянчанинова как на активного масона. Правда, в «академическом» масонском списке проф. В. И. Старцева его фамилия отсутствует³. Но зато в списке лиц, подозреваемых в принадлежности к масонству, С. Ф. Ивановой он есть⁴. Как убежденного «деятельного масона, стремящегося действовать на высшее общество» охарактеризовал А. Н. Брянчанинова в своей записке в Департамент полиции (январь 1914 года) и специально для него освещавший масонскую тему Л. А. Ратаев⁵.

Таким образом, скорее всего масонские или псевдомасонские (нельзя исключать и этот вариант) диспозиции оказались у А. Н. Брянчанинова далеко не случайно. И, конечно же, далеко не случайным было и то, что копии их сразу же попали к журналисту-французу. То, что Шарль Риве не был немецким шпионом, это, конечно же, хорошо. Но вот не был ли он масоном, вопрос остается открытым. Ближе к истине здесь был, видимо, все же

¹ Аврех А. Я. Мasons и революция. С. 102.

² Там же. С. 93, 96.

³ Список русских политических масонов лож французского обряда и «Великого Востока народов России». // *Старцев В. И. Тайны русских масонов*. С. 140.

⁴ Список лиц, принадлежавших или подозреваемых в принадлежности к российскому масонству. // *Из глубины времен. Альманах*. Под ред. А. В. Островского. Вып. 1. 1992. С. 182.

⁵ *Брачев В. С. Заграничная агентура Департамента полиции (1883—1917)*. СПб., 2001. С. 65.

С. П. Мельгунов, который склонялся к тому, чтобы усматривать во всей этой истории с диспозициями масонские корни. «В чьем иначе мозгу, — рассуждал он, — в 1915 году могла создаться столь необычайная комбинация, которая соединила в одно князя Львова, Гучкова и Керенского. Если предположить, что Львов и Гучков принадлежали к масонству... тайна могла бы до некоторой степени разъясниться... Масонство 1915 года имело левое направление, — отмечал далее С. П. Мельгунов. — Гучков числился в рядах правых. Однако мне известно об участии в тогдашних ложах людей, которых можно было бы отнести к кругу политических единомышленников Гучкова». В пользу масонских связей князя Г.И. Львова говорит, по его мнению, и факт его активной поддержки «масонской тройкой» Керенский — Некрасов — Терещенко во Временном правительстве¹.

Даже если предположить, что никакого Комитета народного спасения в Москве в 1915 году не существовало (а скорее всего так оно и было), одно несомненно: вышли эти документы все-таки из масонских или околумасонских кругов и настроения, царившие в этой среде, как и их планы, отразились в них в общем-то верно. В этом, собственно, и состоит значение «Диспозиций» № 1 и № 2 для историка.

Что же касается самой политической атмосферы той поры, то о грядущем перевороте говорили уже не таясь. Как-то в 1916 году известный масон А. В. Оболенский разговорился со своим знакомым из евреев — служащим Сибирского торгового банка, и тот взял да и рассказал ему о подготовке в Петербурге заговора против царя. Так случилось, что, оказавшись вскоре у лидера октябристов А. И. Гучкова, А. В. Оболенский решил проверить у него справедливость услышанного. «Удивленный подробностями, — пишет он, — моего рассказа, особенно о дне восстания, Гучков вдруг начал меня посвящать во все детали заговора и называть его главных участников... Я понял, что

¹ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. М., 2003. С. 187.

попал в самое гнездо заговора. Председатель Думы Родзянко, Гучков и Алексеев были во главе его. Принимали участие в нем и другие лица, как генерал Рузский, и даже знал о нем А. А. Столыпин (брат Петра Аркадьевича)... Англия была вместе с заговорщиками. Английский посол сэр Бьюкенен принимал участие в этом движении, многие совещания проходили у него¹. Однако главную ставку масонские заговорщики делали все же на армию. «Незадолго до Февральской революции, — отмечал Н. В. Некрасов в своих показаниях в НКВД СССР от 13 июля 1939 года, — начались и росли связи с военными кругами. Была нащупана группа оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, сплотившихся вокруг А. И. Гучкова (Крымов, Маниковский и ряд других), — и с нею завязалась организационная связь². Готовилась и специальная группа в селе Медведь, где стояли запасные воинские части. Она-то, судя по всему, должна была сыграть решающую роль в аресте царя.

Что касается нащупанной масонами группы оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, то не приходится сомневаться, что речь здесь идет о вовлечении их в уже упоминавшуюся нами Военную ложу. «Есть упоминания о создании в Петрограде Военной ложи с участием А. И. Гучкова, В. И. Гурко, А. А. Половцева и еще человек десяти высокопоставленных военных чинов», — отмечает историк О. Ф. Соловьев³. Среди этих «человек десяти» высокопоставленных чинов, тайно посвященных через А. И. Гучкова в масонство, можно отметить уже упоминавшихся нами ранее М. В. Алексеева, Н. В. Рузского, А. М. Крымова, В. В. Теплова⁴.

«Гучков, — пишет в связи с этим Л. П. Замоиский, — стянул в Военную ложу генералов Алексеева, Рузского, Крымова, Теплова.

¹ Кобылин Виктор. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. СПб., 1998. С. 423.

² Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В. В. Шелохаева и В. В. Поликарпова. // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 38.

³ Соловьев О. Ф. Русское масонство 1730—1917 г. С. 183.

⁴ Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 43.

В их намерения входило убрать Распутина, заточить царицу, заставить монарха отречься, а на престол возвести его брата Михаила. Себя они мнили регентами при новом государе, а в диктаторы хотели назначить генерала Алексеева. К ним примыкали князь Львов, генерал Ломоносов. Симпатизировал планам отстранения царя и Брусилов»¹.

В 1916 году на квартире А. М. Горького возникает еще и так называемый «морской план», заключавшийся в том, чтобы, заманив Николая II с императрицей Александрой Федоровной на военный корабль, арестовать их и отправить в Англию. Но с этим якобы не согласилось английское правительство².

9 февраля 1917 года в кабинете председателя IV Государственной Думы М. В. Родзянко состоялось совещание лидеров оппозиционных думских фракций. Присутствовали также приглашенные на него генерал Н. В. Рузский и полковник А. М. Крымов. Как вспоминал позднее Н. Д. Соколов, решено было, что «откладывать дальше нельзя, что в апреле, когда Николай будет ехать из Ставки, его в районе армии Рузского (т.е. в Пскове. — В. Б.) задержат и заставят отречься. Крымову отводилась какая-то большая роль».

Наведя справки в Государственной Думе и земских кругах, Соколов узнал, что во главе заговора стояли А. И. Гучков и М. В. Родзянко. С ними был связан Родзянко-сын, который создал целую организацию из старших офицеров.

А. М. Крымов, который и должен был арестовать царя, намечался заговорщиками в генерал-губернаторы Петербурга с тем, чтобы его руками быстро очистить город от неблагонадежных элементов. «В момент переворота всякое новое правительство слабо. Надо ударить решительно, чтобы возможные противники испугались, а то и уничтожить их», — отмечал А. И. Гучков. Во всяком случае позднее на вопрос собеседника, зачем им

¹ *Замойский Лоллий. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 302.*

² Там же. С. 303.

нужен был именно Крымов, он ответил, что тот *«не постеснялся бы кого нужно без долгих разговоров вздернуть»*¹.

Свидетельство Н. Д. Соколова подтверждается отчасти и воспоминаниями об этом А. Ф. Керенского. *«Чтобы лучше понять атмосферу, царившую на последней сессии Думы, которая длилась с первого ноября 1916 года по 26 февраля 1917 года, — отмечал он, — надо иметь в виду, что мысли всех депутатов были заняты ожиданием дворцовой революции»*. В начале января 1917 года в Петрограде появился вместе с группой офицеров уже популярный в то время полковник А. М. Крымов — командующий 3-м кавалерийским корпусом на Юго-Западном фронте. На состоявшейся встрече с лидерами оппозиционных думских фракций А. М. Крымов, свидетельствует А. Ф. Керенский, *«от имени армии призвал Думу безо всякого промедления совершить переворот, заявив, что в противном случае у России нет шансов победить в войне. Все присутствовавшие поддержали точку зрения А. М. Крымова»*².

Правда, А. И. Гучков в своих воспоминаниях отрицал причастность А. М. Крымова к заговору. Однако историки (А. В. Смоллин, С. Ляндерс) полагают, что слишком доверять его рассказу нельзя, так как, отрицая участие А. М. Крымова в заговоре генералов, А. И. Гучков тем самым *«скорее намеренно преуменьшает практическое значение и последствия заговора»*³. Впрочем, справедливости ради следует отметить: оговорившись, что лично он А. М. Крымова в свои заговорщические планы не посвящал, А. И. Гучков в то же время допускал, что в планы эти его вполне могли посвятить другие, в частности А. И. Терещенко. *«Я склонен думать, что он знал, но отрицаю, что он участвовал»*, — утверждал А. И. Гучков⁴. Основываясь на личных беседах с бывшими руководителями думского масонства, Б. И. Николаевский был твердо уверен, что *«в месяцы, предшествовавшие марту*

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 95—96.

² Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 106.

³ Александр Иванович Гучков рассказывает. С. 134. Прим.

⁴ Там же. С. 23.

1917 года, руководители организации развернули энергичную деятельность, торопясь с осуществлением планов переворота сверху». Сдерживали же их, по его мнению, умеренно настроенные лидеры Прогрессивного блока (прежде всего П. Н. Милюков), доказывавшие, что возможности влияния на Николая II далеко еще не исчерпаны. *«На этой почве, — подчеркивал Б. И. Николаевский, — произошло размежевание между руководителями масонства и лидерами Прогрессивного блока, часто в пределах одной и той же партии»*¹.

Ничего необычного в повороте «головки» российского масонства к заговорщической тактике накануне 1917 года не было: придумать что-либо другое в сложившихся общественно-политических реалиях той поры было едва ли возможно. Тем не менее признать русских политических масонов заговорщиками решаются далеко не все исследователи. Отсюда странный вывод А. И. Серкова о некоем исчезновении или перерождении русского масонства как раз накануне 1917 года в узкую «политическую группу». Если поверить А. И. Серкову, то никаких масонов к 27 февраля 1917 года в России просто не было. *«В январе — феврале 1917 года, — пишет он в одной из своих последних работ, — произошел переход от политического масонства к политической группе»*². Вот так-то, читатель! Когда велась подготовка к перевороту, масоны в нашей стране вроде еще были, а когда наступил наконец решающий момент по взятию этой власти, масоны сразу куда-то исчезли. И все, что происходило в 1917 году в нашей стране, не имеет к масонам, по А. И. Серкову, никакого отношения. *«Анализ мемуарных свидетельств, — пишет он далее, обосновывая свою точку зрения, — показывает, что «Великий Восток народов России» не создавался как надпартийная политическая организация (то есть был все-таки масонской структурой. — В. Б.), но, постепенно удаляясь от чисто масонских задач, приобрел характер политического объединения в*

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 41—42.

² Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945. С. 122.

1915—1916 гг.». Первоначально же, т.е. в 1912—1914 годах, в постановке задач своей организации руководители ее, считает А. И. Серков, стояли на масонской платформе и всячески стремились «следовать идеям «Великого Востока Франции» и Великой революции 1789 г.» в их первобытном, неискаженном виде. И только активное участие «Великого Востока народов России» в политической борьбе привело к революционизированию этой масонской организации. В результате «точка зрения некоторых масонов», что их организация носит определенно революционный характер и должна стремиться к насильственному перевороту, стала в конце концов преобладающей¹. Это-то, по А. И. Серкову, и погубило русское думское масонство. «Окончательный отход «Великого Востока народов России» от масонства даже в его наиболее политизированных формах произошел в январе — феврале 1917 года, — пишет в этой связи А. И. Серков. — Число лож сократилось до 28—30, но работа в организациях стала более интенсивной. В этих условиях Верховный совет принял решение оставить в ячейках общества лишь лиц, пригодных для будущей административной работы». Отмечены ими попытки братьев устраивать у себя в целях усиления своего влияния на общественное мнение и более широкие собрания «прогрессивной общественности» (в частности, у Н. Д. Соколова), на которые приглашались не только масоны, но и им сочувствовавшие².

Прямо скажем, выглядит все это не слишком убедительно. На самом деле именно 1917 год, как справедливо утверждала Н. Н. Берберова, оказался для русских масонов настоящим апогеем их деятельности³. Согласен с этим и такой осторожный исследователь, как В. И. Старцев. Влияние масонов на политическую жизнь двух столиц и ряд других городов было накануне февраля 1917 года «максимальным», констатирует он⁴.

¹ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945. С. 109.

² Там же. С. 122.

³ Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 30.

⁴ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 148.

Первый «звонок» для царизма прозвенел в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года, когда группой заговорщиков (великий князь Дмитрий Павлович, князь Ф.Ф.Юсупов и член Государственной Думы В. М. Пуришкевич) был убит пользовавшийся влиянием на царя Григорий Распутин. Несмотря на то, что собственно масонов среди убийц Г.Е.Распутина не было, само убийство расценивается некоторыми исследователями как своего рода подготовительный этап на пути к осуществлению задуманного ими государственного переворота. Убийство Г. Е. Распутина *«задумала известная группа лиц, к которой принадлежал в качестве консультанта-соучастника член кадетского ЦК масон В. А. Маклаков. В курсе был и П. Н. Милюков»*, — отмечает, например, О. Ф. Соловьев¹. К этому можно добавить, что В. А. Маклаков, этот масон-«гуманист», был не только советчиком-консультантом убийц Г.Е.Распутина, но в известном смысле и подстрекателем этой акции, так как лично вручил Феликсу Юсупову возможное орудие убийства — бандитский *«кистень с двумя свинцовыми шарами»*². А ведь адвокат, масон и вроде бы даже приличный человек, но и он почему-то считал, что убить «плохого» человека не такой уж и большой грех. А ведь Г. Е. Распутин, как бы к нему ни относиться, никого никогда не убивал, закона божеского и человеческого не преступал и как бессудная жертва именно в этом нравственном смысле стоит на недостижимой высоте по сравнению со своими убийцами и рукоплескавшей им в то время «прогрессивной» общественностью.

Важно еще раз подчеркнуть, что руководство Верховного совета (А. И. Коновалов, А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов) было полностью осведомлено как о плане убийства Г.Е.Распутина, так и

¹ Соловьев О. Ф. Русское масонство. 1730—1917 г. С. 250.

² Маклаков В. А. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и князя Юсупова об убийстве Распутина. // Современные записки (Париж). 1928. Кн. 34. С. 271—272.

планах переворота, готовившегося «гражданским» и «военным» кружками, и регулярно сообщало о них братьям¹. Некоторая же растерянность Верховного совета ВВНР в первые дни революции объясняется тем, что готовилась она, как мы уже знаем, не на февраль, а на апрель 1917 г. *«Революция произошла на две недели слишком рано»*, — сетовал впоследствии А. И. Гучков. Однако говорить о неподготовленности заговорщиков к революционным событиям февраля — марта 1917 года у нас нет никаких оснований. Ведь к этому времени помимо Государственной Думы под контролем масонов находились: армия, флот, большая часть прессы, а также такие влиятельные общественные организации русской буржуазии, как Всероссийский земский союз во главе с князем Г. Ельвовым и Центральный военно-промышленный комитет во главе с А. И. Гучковым. С масонами был связан и председатель Московского Военно-промышленного комитета крупный фабрикант Павел Рябушинский, издававший газету масонско-либерального толка «Утро России».

Таким образом, констатирует современный историк П. В. Мультатули, к концу 1916 года против Николая II *«был организован заговор, инициатором которого был Прогрессивный блок и верхи буржуазии, поддерживаемые Антантой»*². Что касается вовлеченности в заговорщические планы лидеров Прогрессивного блока, то здесь речь должна все же идти о его левой, кадетской части, хотя совсем уж исключать участие в их разработке отдельных представителей других партий, в частности октябристов, видимо, нельзя.

Непосредственная подготовка заговора велась уже с сентября 1916 года. Осуществляла ее, напомним, так называемая заговорщическая группа Гучкова (А. И. Гучков, М. И. Терещенко, Н. В. Некрасов, князь Д. Л. Вяземский и штаб-ротмистр П. П. Коцебу). 100-процентными масонами среди них были М. И. Терещенко и

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 68—69.

² Мультатули П. В. «Господь да благословит решение мое...» Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002. С. 236.

Н. В. Некрасов. Под подозрением же — все, кроме П. П. Коцебу¹. Из военных в заговор были вовлечены: начальник Генерального штаба М.В. Алексеев, командующий Северным фронтом Н. В. Рузский, генерал А. А. Маниковский, полковник А. М.Крымов (именно он намечался в генерал-губернаторы Петрограда) и ряд других высокопоставленных офицеров армии и флота.

Несомненным участником заговора был и председатель Государственной Думы М.В. Родзянко. Во всяком случае, последнее совещание заговорщиков 9 февраля 1917 года с участием генералов М.В. Алексеева, Н. В. Рузского и полковника А. М.Крымова происходило именно в его кабинете. Было «решено, что откладывать дальше нельзя, что в апреле, когда Николай будет ехать из Ставки, его в районе армии Рузского задержат и заставят отречься. Крымову (отводилась) какая-то большая роль», — отмечал в своих беседах с Б.И. Николаевским Н. Д. Соколов².

Одним словом, о существовании заговора в январе — феврале 1917 года знали, можно сказать, все, кроме... самого царя, который спокойно уехал 22 февраля в Ставку. 23 февраля 1917 года он был уже в Могилеве. Собравшиеся в этот же день в гостях у П. П. Коцебу офицеры, узнав об отъезде царя в Ставку, сошлись во мнении, что в Царское Село оттуда ему уже не вернуться³. В тот же день 23 февраля перед родственниками Д. Л.Вяземского А. И. Гучков развивал аргументы за отречение царя в пользу сына и учреждения Регентского совета во главе с великим князем Михаилом Александровичем и доказывал, что добиться отречения надо «путем отвода царского поезда по дороге из Ставки в Царское Село»⁴.

¹ Список лиц, принадлежавших или подозреваемых в принадлежности к российскому масонству. // Из глубины времен. Альманах. Под ред. А. В. Островского. Вып. 1. 1992. С. 182—187.

² Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 95—96.

³ Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 228.

⁴ Куликов Сергей. Февральская «революция сверху», или Фиаско генералов для «пронунсиamento». // Россия XXI. Общественно-политический и научный журнал. М., 2004. С. 136—137.

Глава 2

Масоны и отречение Николая II

Волнения 23 февраля 1917 года в Петрограде, как это всегда и бывает в таких случаях, начались неожиданно, практически сразу же после отъезда Николая II в Ставку. 25 февраля царь телеграфировал командующему Петроградским военным округом генералу Хабалову о немедленном прекращении беспорядков. Днем 26 февраля войска начали стрелять по демонстрантам. Но сам переворот начался с выступления в ночь на 27 февраля 1917 года солдат одной из рот Волынского полка. Утром к ним присоединились солдаты запасного батальона гвардии Преображенского полка. К середине дня восставших солдат было уже около 20 тысяч. Соединившись с рабочими, они разгромили здание Окружного суда и Дом предварительного заключения, заняли Финляндский вокзал, другие стратегически важные объекты.

Толпа рабочих и солдат заполонила Таврический дворец, где в Полуциркульном зале собрались не желавшие подчиниться царскому указу о временной приостановке работы Государственной Думы народные избранники, тут же образовавшие из своей среды Временный комитет Государственной Думы. В то же время в другом помещении дворца группа меньшевиков-думцев, а также несколько большевиков и левых эсеров учреждают в спешном порядке временный Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Председателем Исполкома в тот же день был избран масон, член Верховного совета «Великого Востока народов России» меньшевик Н. С. Чхеидзе. Членами Исполкома и его заместителями стали такие же масоны: Н. Д. Соколов, М.И. Скобелев, Н. Н. Суханов, А. Ф. Керенский. Масонское влияние в Петросовете было таким образом обеспечено. Такая же примерно картина сложилась и с масонским представительством во Временном комитете Государственной Думы, куда вошли

следующие братья: Н. В. Некрасов, А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, А. И. Коновалов, М. А. Караулов, В. А. Ржевский¹.

Едва ли такое было бы возможным, если бы братья масоны оказались застигнутыми врасплох молниеносными событиями Февральской революции, как уверял впоследствии А. Я. Гальперн. *«Революция застала нас врасплох. Растерянность среди нас была вначале просто фантастической»*, — говорил он в своем интервью Б. И. Николаевскому. Факты, однако, свидетельствуют как раз об обратном: врасплох событиями Февральской революции оказались застигнутыми не столько масоны, сколько царь и его окружение.

Получив 27 февраля 1917 года первые сведения о фактическом перевороте в Петрограде, царь распорядился о немедленной отправке туда батальона георгиевских кавалеров в 700 человек во главе с генералом Н. И. Ивановым. По дороге к ним должны были присоединиться надежные части Северного фронта. Этого, в принципе, было вполне достаточно для восстановления правительственного контроля над столицей. А в 5 часов утра отправился из Могилева на Петроград и царский поезд. Маршрут его был следующим: Смоленск — Лихославль — Тосно — Царское Село. 1 марта около 2 часов ночи поезд прибыл на станцию Малая Вишера. И вот здесь-то как раз и произошел первый сбой в планах царя. Пронесся слух, что все станции на пути царского поезда якобы заняты революционными солдатами и матросами. Это была ложь. Главным виновником задержки царского поезда был масонский комиссар А. А. Бубликов. Командированный своими братьями думцами в Министерство путей сообщения, он буквально засыпал местное железнодорожное начальство на пути следования царского поезда своими «революционными» приказами о его немедленном блокировании². Однако коронным и, пожалуй, наиболее действенным номером А. А. Бубли-

¹ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 143.

² Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 241.

кова стала дезинформация о занятии тех или иных железнодорожных станций революционными солдатами и матросами¹. Ведь если кого и боялся царь, то это были, конечно же, именно «революционные солдаты и матросы». А об окружении царя и говорить нечего.

Весьма характерен в этом отношении дворцовый комендант В. Н. Воейков. Получив утром 1 марта сообщение, что станция Тосно занята восставшими (на самом деле сообщение это не соответствовало действительности), вместо того чтобы проверить его, В. Н. Воейков заявил царю, что считает дальнейшее продвижение поезда на Тосно опасным. Царь в ответ на это заявил, что он хотел бы прибыть на станцию, где есть телеграфный аппарат. В. Н. Воейков отвечал, что такой ближайшей станцией является Псков. Николай II распорядился повернуть на Бологое, и уже в 13.00 1 марта 1917 года царский поезд прибыл на станцию Дно. Здесь его уже ждала телеграмма от председателя Государственной Думы М.В. Родзянко о том, что он якобы срочно выезжает в Дно для встречи с царем.

Однако в Дно М.В. Родзянко так и не появился, передав по телеграфу Николаю II, что выезжает в Псков, где и просит принять его. Это была ловушка, т.к. генерал Н. В. Рузский, чьи части стояли в Пскове, был несомненным участником заговора против Николая II. «Направляя царя, очевидно с подачи Н. В. Некрасова, в Псков, М.В. Родзянко тем самым выполнял план заговорщиков», — пишет в этой связи С. В. Куликов².

Что касается А. А. Бубликова, то его роль в истории с блокированием царского поезда на пути его следования в Петроград, конечно же, важна. Но сам А. А. Бубликов в масонской иерархии был сравнительно мелкая сошка. Подлинным организатором погони или, правильнее, блокирования царского поезда и пре-

¹ Сафонов М.М. Кругом измена, и трусость, и обман. // Диван. 1997. № 11. С. 15.

² Куликов Сергей. Февральская «революция сверху», или Фиаско генералов для «пронунсиамента». // Россия XXI. Общественно-политический и научный журнал. М., 2004. С. 137.

дательского направления его в Псков — прямо в руки заговорщика Н. В. Рузского был член Верховного совета «Великого Востока народов России» Н. В. Некрасов. *«Два момента особенно врезались в память, — вспоминал он в 1921 году, — приказ командующему Балтийским флотом Непенину арестовать финляндского генерал-губернатора Зейна и погоня за царским поездом, которую мне довелось направлять из Государственной Думы, давая распоряжения Бубликову, сидевшему комиссаром в Министерстве путей сообщения»*¹. Сам Н. В. Некрасов о смысле своего управления погоней за царским поездом умалчивает, хотя он и очевиден. Нетрудно уяснить и то, что делалось это скорее всего не по личной инициативе Н. В. Некрасова, а уж тем более А. А. Бубликова, а по прямому поручению Верховного совета «Великого Востока народов России», который, собственно, и являлся фактическим штабом революции в эти дни. *«Руководя А. А. Бубликовым, — справедливо пишет С. В. Куликов, — Н. В. Некрасов, несомненно, выполнял план по задержанию царского поезда, разработанный под руководством А. И. Гучкова»*².

Самое поразительное в этой истории — так это удивительная синхронность действий А. А. Бубликова и ближайшего окружения царя, которое сумело-таки убедить его изменить первоначально намеченный курс поезда и повернуть на запад — на Псков, где якобы под командованием генерала Н. В. Рузского еще оставались надежные части Северного фронта. Это, как скоро выяснилось, была ловко подстроенная заговорщиками западня, так как именно Рузский как раз и являлся одним из наиболее деятельных участников готовившегося на апрель 1917 года государственного переворота. Ничего этого царь, разумеется, не знал, и вечером 1 марта 1917 года его поезд благополучно прибыл в Псков. *«Мы знаем теперь, что генералы Алексеев, Руз-*

¹ Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В. В. Шелохаева и В. В. Поликарпова. // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 20.

² Куликов Сергей. Февральская «революция сверху», или Фиаско генералов для «пронунсиamento». // Россия XXI. Общественно-политический и научный журнал. М., 2004. С. 152–153.

ский, Крымов, Теплов и, может быть, и другие были с помощью Гучкова посвящены в масоны (Военная ложа. — В. Б.). Они медленно включились в его заговорнические планы», — пишет Н. Н. Берберова¹. Все так.

«1 марта, — записал в своем дневнике царь. — Среда. Ночью повернули с Малой Вишеры назад, т.к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановились на ночь... Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось»².

О том, что Псков оказался ловко расставленной ловушкой для Николая II, стало ясно уже из первых реплик, которыми встретил царскую свиту хозяин положения — главнокомандующий Северного фронта Н. В. Рузский. «На вас только и надежда», — говорили они ему. И что же Н. В. Рузский? «Вовек не забуду, — с горечью вспоминал позже об этом эпизоде генерал Д. Н. Дубенский, — ответа генерал-адъютанта Н. В. Рузского на этот крик души всех нас... «Теперь надо сдаться на милость победителя», — сказал он. После разговора с Рузским мы стояли потрясенные и как в воду опущенные... С цинизмом сказанная Рузским фраза: «Надо сдаваться на милость победителя» — все уясняла и с несомненностью указывала, что не только Дума, Петроградский совет, но и лица высшего командования на фронте действуют в полном согласии и решили произвести переворот»³. Так оно, как мы теперь знаем, и было. Вскоре царь пригласил Н. В. Рузского к себе, и в ходе затянувшейся за полночь беседы с ним Николаю II воочию пришлось убедиться в предательстве генерала, неожиданно предъявившего самодержцу требование о его немедленном отречении от престола. Давление Н. В. Рузского было столь велико (фактически царь был полностью в его руках), что в 0 часов 20 минут 2 марта Николай II послал генералу Н. И. Иванову, который уже находился в Царском Селе, приказ не предпринимать никаких действий

¹ Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 43.

² Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 625.

³ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. С. 54.

по борьбе с заговорщиками без его специальных на сей счет указаний. Впрочем, едва ли Н. И. Иванов мог что-либо сделать в сложившейся ситуации со своими георгиевскими кавалерами, так как Н. В. Рузский решительно отказался передать в его распоряжение какие-либо войска. В 3 часа ночи 2 марта Н. В. Рузский вступил в телеграфные переговоры с председателем Государственной Думы М.В. Родзянко в Петрограде и генералом М.В. Алексеевым в Ставке. Последний решил помочь Н. В. Рузскому и по своей инициативе как начальник Генштаба срочно разослал из Ставки телеграммы командующим фронтами с недвусмысленным призывом высказаться за отречение императора от власти¹. Содержание полученных им ответных телеграмм М.В. Алексеев тут же препроводил во Псков, лицемерно добавив от себя: «Умоляю Ваше Величество безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам. Промедление грозит гибелью России»². Увы, гибельным для России, как оказалось впоследствии, было не промедление, а скорее поспешность, с которой принял царь предъявленный ему ультиматум.

Последняя телеграмма от командующих фронтами поступила во Псков 2 марта около 15 часов дня. А уже через 5 минут, пока еще только для себя, никому ничего не говоря, царь принимает принципиальное решение о своем отречении. Сопоставление этих фактов не оставляет никакого сомнения, что главным виновником разыгравшейся драмы с отречением Николая II были военные: начальник Генерального штаба М.В. Алексеев и генерал Н. В. Рузский. Правда, поскольку М.В. Алексеев был далеко — в Могилеве, гнев царя обрушился главным образом на Н. В. Рузского. *«Генерал Рузский был первым, который поднял вопрос о моем отречении от престола. Он поднялся ко мне во время моего следования и вошел в мой вагон-салон без доклада, — с обидой вспоминал впоследствии царь. — Бог не оставляет меня.*

¹ Поливанов О.А. Позиция русского генералитета и отречение императора Николая II. // Новый часовой. СПб., 2001. № 11—12. С. 408—411.

² Миллер Любовь. Царская семья — жертва темной силы. Мельбурн. 1998. С. 508.

Он дает мне силы простить всех моих врагов и мучителей, но я не могу победить себя только в одном — генерал-адъютанту Рузскому я простить не могу»¹.

Впрочем, предателям очень скоро пришлось горько пожалеть о содеянном. *«Никогда не прощу себе, что поверил в искренность некоторых людей; послушался их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отречении государя от престола»*, — сокрушался уже через несколько дней в беседе с генералом А. С. Лукомским М.В. Алексеев. Что это были за люди, по наущению которых М.В. Алексеев решился разослать главнокомандующим фронтов злополучную телеграмму и какие отношения связывали его с ними, генерал предпочел умолчать. Догадаться, впрочем, в свете того, что мы уже знаем о его масонских контактах, не сложно. Заметим в то же время, что сожаление о беспрецедентном давлении, оказанном им вечером 1 марта 1917 года на Николая II, высказывал впоследствии и Н. В. Рузский² (расстрелян в 1918 году в Пятигорске при занятии города красными повстанцами). Но было поздно.

2 марта в 10 часов вечера с требованием об отречении Николая II прибыли наконец-то в Псков посланцы Думы — октябрист А. И. Гучков и «монархист» В. В. Шульгин. Масоном, пусть под вопросом, из них мог быть только А. И. Гучков. Но серьезного значения этот факт в данном случае не имеет. Вся необходимая подготовительная работа с царем была уже проведена до них М.В. Алексеевым и Н. В. Рузским. Принципиальное же решение об отречении было принято Николаем II скорее всего, как уже отмечалось, еще днем — в 15 часов 15 минут, или, иначе говоря, за 7 часов до появления думцев в салон-вагоне царского поезда.

До сих пор было принято думать, что А. И. Гучков и В. В. Шульгин были за отречение царя в пользу сына и якобы на отречении в пользу брата Михаила настоял сам Николай II. Однако, как показал в последнее время С. В. Куликов, вплоть до

¹ Винберг В. Ф. Крестный путь. Т. 1. Мюнхен, 1922. С. 142.

² Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 633.

последнего момента царь твердо стоял за то, чтобы передать престол сыну Алексею, и только под неожиданным давлением А. И. Гучкова, пригрозившего ему разлукой с сыном, вынужден был согласиться на «переотречение» в пользу брата Михаила. «Непонятное на первый взгляд поведение А. И. Гучкова, — пишет он, — выставлявшего себя сторонником монархии, было предопределено тем, что при подготовке заговора, как и в ходе Февральского переворота, он действовал в тесном контакте с республиканцами. В заговорщической группе А. И. Гучкова республиканцами были Н. В. Некрасов и М. И. Терещенко, связанные с А. Ф. Керенским».

Если расшифровать «птичий язык» С. В. Куликова и назвать вещи своими именами, т.е. «республиканцев» Некрасова и Терещенко, о которых он пишет в своей статье, хорошо известными историкам масонами, а А. Ф. Керенского, с которым они были связаны, генеральным секретарем «Великого Востока народов России», который, собственно, и являлся их непосредственным масонским начальником, то картина действительного масонского участия в этой истории становится ясной. «Передача престола Михаилу, а не Алексею, — пишет С. В. Куликов, — была весьма выгодна республиканцам (читай: масонам. — В. Б.), — поскольку создавала реальную предпосылку для немедленного введения республики, вынудив у Михаила, близкого к оппозиции и не стремившегося к власти, отречения в пользу народа, т.е. Учредительного собрания. В отличие от Михаила Алексей, как несовершеннолетний, отречься от престола не мог, а поэтому, даже при его добровольном согласии на отречение, оно считалось бы недействительным»¹.

В 23 часа 40 минут 2 марта 1917 года долгожданный документ был наконец-то подписан царем. Старый масонский план по насильственному устранению Николая II от власти путем

¹ Куликов С. В. Февральская «революция сверху», или Фиаско генералов для «пронунсиаменто». // Россия XXI. Общественно-политический и научный журнал. М., 2004. С. 177—174.

захвата царского поезда на его пути из Ставки был наконец-то осуществлен.

«2 марта. Четверг, — записал в своем дневнике Николай II. — Утром пришел Рузский и прочел свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь Министерство без Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К двум с половиной часам пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект Манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный Манифест. В 1 час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!»¹.

Решающую роль в понуждении Николая II к отречению от престола сыграла Ставка Верховного главнокомандующего. Именно здесь, в Могилеве, составилась и первый проект манифеста об отречении царя (второй привезли с собой из Петрограда члены Государственной Думы А. И. Гучков и В. В. Шульгин). Конечно, первоначальный текст отречения составлял не генерал М.В. Алексеев, а «специалист» — начальник дипломатического отдела Ставки Н. А. Базили, которому помогал генерал А. С. Лукомский. По сведениям Н. Свиткова (Степанова), Н. А. Базили был масоном². Современный исследователь А. И. Серков не согласен с этим³. Поскольку, как мы уже выяснили, сам М.В. Алексеев был каким-то образом причастен к заговору, ближе к истине, скорее всего, Н. Свитков. Как бы то ни было, редактировал под-

¹ Дневники императора Николая II. С. 625.

² Свитков Н. Масонство в русской эмиграции (к 1 января 1932 года). Составлено на основании масонских документов. Париж, 1932. С. 18.

³ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945. С. 2.

готовленный, очевидно, по его указанию Н. А. Базили текст отречения, видимо, все-таки он. Он же распорядился, как мы знаем, и о передаче по телеграфу 2 марта 1917 года подготовленного в Ставке текста этого документа в Псков генералу Н. В. Рузскому¹. В 8 часов 30 минут вечера он был уже на руках у генерала. Именно этот проект и лег в основу того текста, который вынужден был подписать царь с известными переделками его в пользу Михаила и который передали затем в Ставку, главнокомандующим фронтам и который был опубликован 4 марта 1917 года в «Известиях»².

Сегодня не так уж и важно, были ли официально посвящены в вольное каменничество генералы-заговорщики: М.В. Алексеев, Н. В. Рузский «со товарищи», как полагает Н. Н. Берберова, или все же не были, на чем настаивают более осторожные исследователи. Не в этом суть. Важнее другое. Все они были осведомлены о готовящемся заговоре, сочувствовали ему и, в конце концов, приняли в нем самое активное участие. Стояла же за ними и направляла действия генералов «группа» А. И. Гучкова, центральную роль в которой как раз и играли братья масоны Н. В. Некрасов и М.И. Терещенко, тесно связанные в свою очередь с генеральным секретарем Верховного совета «Великого Востока народов России» А. Ф. Керенским. На эту же связь по масонской линии указывает в своем исследовании о заговоре генералов (правда, из осторожности не называя ее масонской) и С. В. Куликов³, о чем уже шла у нас речь.

Не был самостоятельным в своих действиях и руководитель заговора А. И. Гучков, за которым также стоял, как это теперь становится очевидным, все тот же единый масонский центр (А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов). Стоит подчеркнуть, что речь не идет о том, чтобы сводить события февраля — марта 1917 года к одним только масонам, их планам и проискам.

¹ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы. С. 65—72.

² Сафонов М.М. Крутом измена, и трусость, и обман. С. 11.

³ Куликов С. В. Февральская «революция сверху», или Фиаско генералов для «пронунсиамента». // Россия XXI. Общественно-политический и научный журнал. М., 2004. С. 177.

Конечно же, в революционных событиях были задействованы и активно проявили себя не только масоны, но и другие силы, никакого отношения к масонам не имевшие. Все это так. Однако и отрицать, что из всех политических и общественных структур предреволюционного времени именно политическое масонство в рамках «Великого Востока народов России» и его Верховного совета оказалось наиболее эффективным инструментом, направленным на захват и последующее удержание власти, нельзя.

«Основной пружиной заговора был, конечно Гучков», — отмечал Иван Солоневич и называл его «главным стратегом Февраля». Техническим же исполнителем переворота был, по его мнению, генерал М.В. Алексеев¹. Верно схватив суть происшедшего, И. Солоневич оставался, однако, в полном неведении относительно тайных масонских пружин «Великого Февраля». На самом деле А. И. Гучков был таким же «техническим исполнителем» переворота, как и М.В. Алексеев или Н. В. Рузский. Стратегию же переворота на самом деле разрабатывали совсем другие люди. И лучшей иллюстрацией этого положения может служить, как представляется, последующая судьба династии Романовых.

Дело в том, что лидер кадетов П. Н. Милюков и октябрист А. И. Гучков отстаивали необходимость сохранения конституционной монархии в России. Однако масонское большинство во Временном комитете Государственной Думы и в Петроградском Совете было решительно против. Принципиальное решение об отречении М.А. Романова было принято на заседании в доме М. С. Путятина с участием А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова, Г. Е. Львова, А. Ф. Керенского, М. И. Терещенко, Н. В. Некрасова. Решительным оппонентом П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова выступил здесь А. Ф. Керенский, пригрозивший в конце своей речи тем, что в противном случае он не ручается за жизнь Михаила Александровича².

¹ Солоневич И. Наша страна. XX век. М., 2001. С. 198.

² Шульгин В. В. Дни. М., 1990. С. 272—274.

Натолкнувшись, как пишет В. И. Старцев, на сплошной масонский фронт республиканцев во главе с Н. В. Некрасовым, П. Н. Милюков вынужден был отступить, и идея отречения Михаила победила¹. И тому не оставалось ничего другого, как согласиться. Текст отречения Михаила от власти составил, по его собственному признанию, Н. В. Некрасов.

«В момент начала Февральской революции всем масонам был дан приказ немедленно встать в ряды защитников нового правительства — сперва Временного комитета Государственной Думы, а затем Временного правительства. Во всех переговорах об организации власти масоны играли закулисную, но видную роль», — подчеркивал Н. В. Некрасов². Сама инициатива образования 27 февраля 1917 года Временного комитета Государственной Думы и решения не подчиняться царскому указу о временной приостановке ее работы исходила от масонов. *«Весь первый день пришлось употребить на то, — вспоминал Н. В. Некрасов, — чтобы удержать Думу на этом революционном пути и побудить ее к решительному шагу взятия власти... Когда в ночь на 28 февраля нам удалось убедить Родзянко провозгласить власть Временного комитета Государственной Думы, я ушел в техническую работу помощи революции»*³. Работа эта заключалась на первых порах, как мы уже знаем, в организованной им погоне комиссара А. А. Бубликова за царским поездом, и беспрецедентном давлении через Н. В. Рузского и М. В. Алексева на царя с целью заставить его отречься от престола.

О возможных последствиях совершенного в разгар войны государственного переворота братья предпочитали особенно не задумываться. Зато на Западе услуга, оказанная ими извечным недругам России, была оценена по достоинству. *«Нет больше России, — с удовлетворением констатировал в своем дневни-*

¹ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 150.

² Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 39.

³ Там же. С. 20.

ке, узнав о революции в России, британский посол в Париже Ф.Берти. — Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т.е. Финляндии, Польши, Украины и т.д., сколько бы их удалось сфабриковать, то по мне остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку»¹. Дело тут, конечно, совсем не в том, что Ф.Берти был таким уж отчаянным русофобом. Даже при самом благожелательном отношении к России и русским английского дипломата и его европейских коллег трудно было бы убедить, что существование огромного, сильного и независимого соседа на Востоке так уж отвечает национальным интересам их стран.

Напрасный труд Нет, их не вразумишь.
Чем либеральней, тем они пошлест.
Цивилизация для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.

Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не списать признанья от Европы,
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы, —

пророчески писал в свое время о масонствующей русской либеральной интеллигенции Федор Иванович Тютчев. Все так. Хотели того русские масоны или не хотели, но сценарий разыгранного ими в 1917 году «действия» был написан все-таки на Западе, и все складывалось так, что никакой другой роли, кроме «пятой колонны, «демократической» Европы в России, уготовлено им не было. Такова уж, видно, судьба нашей «прогрессивной интеллигенции», которая традиционно всегда равнялась и равняется на более передовые в ее понимании страны Запада.

¹ Национальная политика России и современность. Отв. ред. В. А. Михайлов. М., 1997. С. 255.

Глава 3

**«Первыми воспользовались результатом
стихийного восстания 27 февраля 1917 года»:
масоны, Петроградский Совет
и Временное правительство**

«Русские политические масоны, — пишет проф. В. И. Старцев, — сыграли большую роль в усилении революционной ситуации в конце 1916—начале 1917 года; первыми воспользовались результатом стихийного восстания 27 февраля 1917 года. Восемь месяцев после Февральской революции — это период наибольшего влияния в России тайного политического союза. Во Временном правительстве численность политических масонов непрерывно возрастала»¹.

О том, как умело и грамотно воспользовались масоны результатом стихийного восстания 27 февраля 1917 года для захвата власти, мы уже знаем. Что касается Временного правительства, то его формирование не заняло у них много времени. Ведь предварительный состав его был обговорен еще в 1916 году на совещании представителей оппозиционных думских фракций в номере Г.Е.Львова в петербургской гостинице «Астория»². Публиковались такого рода списки и в прессе, в частности в московской газете «Утро России» П. П. Рябушинского за 13 августа 1915 года. Всего же «общественностью» в 1915—1916 годах было составлено 6 списков кандидатов в будущее демократическое правительство³. Окончательный же вариант распределения министерских портфелей был обсужден в ночь на 2 марта 1917 года, получив

¹ Старцев В. И. Русское эмигрантское масонство во Франции (1918—1939 гг.). // Российское зарубежье: история и современность. М., 1998. С. 41.

² Алданов М.А. 3 марта. // Сборник в честь 70-летия П. Н. Милюкова. Париж, 1929. С. 25.

³ Коваленко Н. А. Февральская революция и образование Временного правительства. // Историки размышляют. Сб. Под ред. Л.И. Семенниковой. М., 1999. С. 61.

полное одобрение на совместном заседании делегаций Петроградского Совета и Временного комитета Государственной Думы. Из принципиально новых лиц здесь фигурировали, пожалуй, только А. Ф. Керенский и М. И. Терещенко. 2 марта 1917 года Петроградский Совет выразил официальную поддержку правительству в его шагах, направленных на борьбу с контрреволюцией и усилия по демократизации общественной жизни в стране. И роль первой скрипки во всех этих событиях играли, конечно же, братья масоны.

Симптоматично, что последнее перед революцией собрание Верховного совета «Великого Востока народов России» состоялось 26 февраля 1917 года на квартире у А. Н. Коновалова на Фурштадтской улице. После этого последовал почти недельный перерыв, и первое уже послереволюционное заседание Верховного совета «Великого Востока народов России» состоялось только 2 марта на квартире у А. Ф. Керенского. Это, конечно же, совсем еще не значит, что члены Верховного совета бездействовали все это время. Просто в условиях экстремальной обстановки, в которой им приходилось действовать в эти дни, самым эффективным и удобным средством решения принципиальных вопросов оказалось их решение «узким составом» и, что называется, «на ходу».

Сам механизм формирования Временного правительства и характер масонского участия в этом процессе хорошо показал Л. Д. Кандауров. Перед Февральской революцией, свидетельствует он, *«Верховный совет поручил ложам составить список лиц, годных для новой администрации, и назначил в Петрограде на случай волнений сборные места для членов лож. Все было в точности исполнено, и революционными движениями без ведома их руководителей руководили члены лож и сочувствовавшие. Многие из первых вошли в состав Министерства князя Львова и Керенского (в последнем все министры были членами лож); многие заняли места комиссаров Временного*

правительства»¹. Правда, профессор В. И. Старцев утверждает, что в первом составе Временного правительства было всего три министра-масона: министр путей сообщения Н. В. Некрасов, министр торговли и промышленности А. И. Коновалов и министр юстиции А. Ф. Керенский². Исследователь при этом ссылается на показания бывшего генсека Верховного совета «Великого Востока народов России» Н. В. Некрасова в ОГПУ 1939 года.

*«Показательно, — отмечал он, — что в составе первого Временного правительства оказалось три масона: Керенский, Некрасов и Коновалов. А вообще на формирование правительства масоны оказали большое влияние, так как масоны оказались во всех организациях, участвовавших в формировании правительства»*³. Что это были за организации, мы уже знаем — Временный комитет Государственной Думы и Петроградский Совет. Но слишком доверять Н. В. Некрасову нельзя, ибо помимо названных им трех братьев в составе первого правительства имелся еще один явный масон — министр земледелия А. И. Шингарев. Правда, как масон «Великого Востока Франции», официально в ложи «Великого Востока народов России» он не входил. Но суть дела от этого не меняется. Пятым несомненным масоном в первом составе Временного правительства был М. И. Терещенко (об этом свидетельствовал Е. П. Гегечкори). Во всяком случае такой авторитетный исследователь, как Людвик Хасс, в масонстве М. И. Терещенко нисколько не сомневался⁴. Однако В. И. Старцев стоит на своем. *«Только Гегечкори считает его масоном. Все остальные свидетельства принадлежат не масонам или анти-масонам»*, — замечает он⁵. Согласиться с такого рода источниковедческим изыском, когда окончательный вердикт выносится с

¹ Острецов В. М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998. С. 422—423.

² Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 150.

³ Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В. В. Шелохаева и В. В. Поликарпова. // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 38.

⁴ Хасс Людвик. Русские масоны первых десятилетий XX в. С. 154.

⁵ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 163.

оглядкой на свидетельства самих масонов, нельзя. Отказывается признать масоном В. И. Старцев и главу Временного правительства, близкого к кадетам князя Г.Е.Львова. С ним решительно не согласен, однако, московский профессор О.Ф.Соловьев. Князь Г.Е.Львов ко времени назначения его главой правительства был несомненным масоном¹, считает он.

Не приходится сомневаться, что масонские связи сыграли решающую роль при формировании Временного правительства. Особенно это характерно для его первого состава. Наибольшее разногласие среди исследователей вызывает здесь масонство А. И. Гучкова, занявшего в правительстве князя Г. Е. Львова один из наиболее важных постов — военного и морского министра. В. И. Старцев, как мы уже знаем, решительно отклоняет версию о Гучкове-масоне, появление которой он склонен объяснять «происками правых», так как Военная ложа, куда скорее всего он входил, объединяла в своих рядах, по версии В. И. Старцева, исключительно деятелей левой ориентации², и, следовательно, октябристам там нечего было делать, можно сказать, уже «по определению». Конечно, идеология движения важна. Но ведь есть еще и политическая целесообразность. Она-то, как представляется, и привела А. И. Гучкова и некоторых его коллег по партии «Союз 17 октября» в масонские ложи. В своей основе версия В. И. Старцева уходит своими корнями в эмигрантскую историографию, некоторые представители которой (проф. Н. Первушин) даже полагали, что именно левый масонский курс Временного правительства как раз и привел страну к катастрофе 25 октября 1917 года³.

Если же исходить из данных Биографического словаря русских масонов XX столетия Н. Н. Берберовой⁴, то получается, что

¹ Соловьев О. Ф. Русское масонство. 1730—1917 гг. С. 254.

² Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 111, 157.

³ Первушин Н. Русские масоны и революция. // Новый русский (Нью-Йорк). 1986. 1 августа.

⁴ Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. С. 126—216.

практически все министры — члены Временного правительства во главе с близким к кадетам князем Г. Е. Львовым (10 человек из 11) были масонами: А. И. Гучков (октябрист), Н. В. Некрасов (кадет), А. И. Коновалов (прогрессист), М. И. Терещенко (беспартийный), А. И. Мануйлов (кадет), А. И. Шингарев (кадет), А. Ф. Керенский (трудовик), В. Н. Львов (центр.), И. В. Годнев (октябрист). «Белой вороной» здесь был, по-видимому, только министр иностранных дел П. Н. Милюков. Правда, в последнее время со ссылкой на данные архивов французских спецслужб некоторые исследователи (О. А. Платонов) считают, что и П. Н. Милюков был все-таки масоном. правда, не в русской, а во французской ложе. Однако убедительные данные о масонстве П. Н. Милюкова все же отсутствуют. *«П. Н. Милюков, осведомленный об этом движении, — писала Е. Д. Кускова (1955 год), — в него не вошел. «Я ненавижу всякую мистику», — якобы заявил он в ответ на предложение принять посвящение».* Скорее всего, так оно и было, хотя никакой мистики в политических ложах «Великого Востока народов России», и П. Н. Милюков это наверняка знал, никогда не было.

Итак, 10 министров из 11. Поистине, Временное правительство можно именовать не только Временным, но и масонским. Но это все же, быть может, несколько завышенные данные о масонском представительстве в правительстве. Но и по минимальным данным (до 6 братьев) картина получается все-таки впечатляющей. В целом же, даже по самой осторожной оценке проф. В. И. Старцева, за весь период существования Временного правительства (март—октябрь 1917 года) в его составе пребывало не менее 15 братьев: А. Д. Авксентьев, П. А. Бурышкин, И. Н. Ефремов, А. В. Карташев, А. Ф. Керенский, Ф. Ф. Кокошкин, А. И. Коновалов, А. В. Ливеровский, Н. В. Некрасов, П. Н. Переверзев, С. Н. Прокопович, Б. В. Савинков, М. И. Скобелев, В. А. Степанов, М. И. Терещенко, А. И. Шингарев¹.

¹ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 162—163.

Одним из первых реальных результатов Временного правительства стал его отказ признать власть Михаила Александровича, против чего протестовали, как уже отмечалось, только А. И. Гучков и П. Н. Милюков. 3 марта под давлением масонов Михаил вынужден был отречься от престола. Не менее сильными были разногласия П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова с левым крылом Верховного совета «Великого Востока народов России» и по вопросу об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов. Если П. Н. Милюков настаивал на решительной борьбе с Советами, то остальные братья из числа руководителей «Великого Востока народов России» выступали под флагом сотрудничества с ними¹.

«В 1917 году ложа в Петрограде продолжала работать, — вспоминал позже Е. П. Гегечкори. — Чхеидзе мне в марте писал: «Братья наши проявляют большую активность». Некрасов и Чхеидзе вели переговоры, как брат с братом. Мне передавали, что в марте Милюков был противником введения в правительство Керенского и Терещенко, и, когда их все же ввели, говорил о какой-то неведомой силе, которая начинает нависать над правительством. Но когда я узнал список членов Временного правительства, то сразу понял, откуда явились некоторые новые малоизвестные имена»².

Бороться со своими противниками, связанными единой незримой масонской цепью, П. Н. Милюкову, как человеку, не входящему в русские масонские ложи «Великого Востока народов России», было невероятно трудно, даже невозможно. Повествуя об этом в своих мемуарах, П. Н. Милюков прямо писал: *«Я хотел бы только подчеркнуть еще связь между Керенским и Некрасовым и двумя неназванными министрами — Терещенко и Коноваловым. Все четверо очень различны по характеру, и по своему*

¹ Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В. В. Шелохаева и В. В. Поликарпова. // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 20.

² Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 81.

прошлому, и по своей политической роли. Но их объединяют не одни только радикальные политические взгляды. Помимо этого, они связаны какой-то личной близостью, не только чисто политически, но и своего рода, политико-морального характера. Их объединяют как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника... Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь связывает центральную группу. Если я не говорю о ней здесь яснее, то это потому, что, наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в это время и узнал об этом из случайного источника лишь значительно позднее периода существования Временного правительства¹.

Негласная связь руководящей четверки, о которой здесь пишет П. Н. Милюков, — это, вне всякого сомнения, масонская, «братская» связь. Любопытно, что именно кадет П. Н. Милюков и октябрист А. И. Гучков, на которых как на скрытых масонов грешат (и не без оснований) некоторые историки, как раз и вынуждены были после апрельского правительственного кризиса 2—3 (15—16) мая оставить свои посты. Бесспорные же масоны, напротив, не только остались в правительстве, но и получили здесь в сформированном 5(18) мая коалиционном правительстве солидную поддержку в лице двух новых братьев — масонов-министров П. Н. Переверзева и М. И. Скобелева². Преимущественно министрами-масонами были представлены и последующие составы Временного правительства: второго — 24 июля (6 августа) и третьего — 25 сентября (8 октября) 1917 года.

Поворотным пунктом масонского хождения во власть стала отставка 7(20) июля князя Г. Е. Львова и назначение 8(21) июля 1917 года главой Временного правительства министра-председателя А. Ф. Керенского. Правительство в результате резко поле-

¹ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 478.

² Список русских политических масонов лож французского обряда и «Великого Востока народов России». // Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 170—174.

вело, усилив тем самым и без того напряженное состояние в обществе.

Центральной фигурой в русском политическом масонстве конца 1916—1917 года был А. Ф. Керенский, занимавший в нем с лета 1916 года ключевую должность генерального секретаря Верховного совета «Великого Востока народов России». Этим, собственно, и объясняется не вполне обычный для непосвященных взлет карьеры А. Ф. Керенского и завидная активность его в февральско-мартовские дни 1917 года. Да и первое послереволюционное заседание Верховного совета «Великого Востока народов России» состоялось 2 марта 1917 года не где-нибудь, а у него на квартире. Безусловно, прав поэтому был старый и мудрый большевик В. Д. Бонч-Бруевич, когда писал в 1930 году об А. Ф. Керенском, что он был *«вспоен и вскормлен масонами, еще когда он был членом Государственной Думы и был специально воспитываем ими»* в качестве наиболее подходящего кандидата на роль политического руководителя во время предстоящего движения за свержение самодержавия¹. Вскормлен и вспоен! Лучше, пожалуй, и не скажешь.

Напрасно поэтому промасонски настроенный исследователь А. И. Серков, явно смазывая картину масонского вхождения во власть в 1917 году, пытается убедить доверчивого читателя (правда, без ссылок на источник), что генеральным секретарем Верховного совета «Великого Востока народов России» в это время был (с лета 1916 года) не А. Ф. Керенский, а А. Я. Гальперн² — фигура в политическом отношении бесцветная и мало-значущая. Впрочем, и А. Ф. Керенский на роль лидера огромной страны явно, говоря современным языком, не тянул. «О, паршивый адвокатишка, такая сопля во главе государства — он же загубит все», — с возмущением говорил о А. Ф. Керенском после назначения его главой Временного правительства хорошо

¹ Бонч-Бруевич В. Д. Мои воспоминания о Петре Алексеевиче Кропоткине. // Звезда. 1930. № 4. С. 183.

² Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945. С. 115.

знавший новоиспеченного премьера острый на язык академик И. П. Павлов¹. Такие карьеры, какую сделал себе в 1917 году А. Ф. Керенский, индивидуальными усилиями не делаются. Здесь нужна коллективная воля. Но даже если это и не совсем так и формально генсеком Верховного совета А. Ф. Керенский в 1917 году все же не был, фактическое лидерство его в масонском тандеме не подлежит сомнению.

«Группа руководящих деятелей Верховного совета, — свидетельствовал А. Я. Гальперн, — Коновалов, Керенский, Карташев и я, — все время были вместе, по каждому вопросу обменивались мнением и договаривались о поведении». И хотя о «сознательном воздействии» на формирование Временного правительства, по его мнению, говорить вроде бы и нельзя, «известное влияние» на этот процесс, признает А. Я. Гальперн, масоны все же оказывали².

Летом 1917 года в связи с перегруженностью административной работой А. Ф. Керенский, ставший уже к этому времени премьер-министром, вынужден был формально оставить должность генсека Верховного совета «Великого Востока народов России». Как полагал польский историк Людвик Хасс, сделано это было на специальном, уже IV конвенте русских масонов. Как раз в этом время, доказывал он, и произошла легализация ордена в демократической России³. В. И. Старцев, напротив, считает, что произошло это еще до официального назначения А. Ф. Керенского министром-председателем правительства 8 июля 1917 года⁴. Поскольку преемником А. Ф. Керенского на столь ответственной должности стал А. Я. Гальперн, как публичный политик ничего из себя не представлявший (во Временном правительстве он занял должность управляющего делами Кабинета министров), не приходится сомневаться, кто был истинным хозяином в Верхов-

¹ Орбели Л. А. Воспоминания. М.—Л., 1966. С. 83—84.

² Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 149.

³ Хасс Людвик. Русские масоны первых десятилетий XX века. С. 153.

⁴ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 160.

ном совете «Великого Востока народов России». Несомненно, что и после формальной отставки с должности генсека руководящая роль в масонской тройке: А. Ф. Керенский, А. Я. Гальперн, Н. В. Некрасов по-прежнему принадлежала ему.

Много места в деятельности Верховного совета в 1917 году занимали вопросы войны и мира, причем большинство масонов явно склонялись на позиции необходимости форсирования заключения мира (А. Я. Гальперн и другие). «Я считал тогда, — вспоминал А. Я. Гальперн, — что воевать мы не можем (об этом говорили все доклады с фронтов), а поэтому необходимо убедить союзников, что мы можем лопнуть, если они не согласятся на общие переговоры»¹. Они не соглашались. «Сам А. Ф. Керенский, — пишет В. И. Старцев, — еще в апреле 1917 года на встрече с французской правительственной делегацией общался с ее членами-масонами «братским образом» и дал твердое обещание, что Россия не заключит сепаратного мира с Германией и не бросит свою союзницу Францию. Этому обязательству Керенский остался верен до 24 октября 1917 года, несмотря на то, что доводы благоразумия толкали его к необходимости выхода России из войны»². Здесь В. И. Старцев исходит из данных Н. Н. Берберовой, которая прямо писала, что видные руководители «Великого Востока Франции» Альбер Тома (министр вооружений) и социалист Марсель Кашен приезжали в апреле 1917 года в революционный Петроград, где были сразу же приняты А. Ф. Керенским. Здесь, ссылаясь на его масонскую клятву 1912 года, они якобы потребовали от него не бросать Францию в беде и не заключать сепаратного мира с немцами. Альбер Тома (сама Н. Н. Берберова ссылается на устное свидетельство полковника Н. Н. Пораделова) якобы на коленях

¹ Русское политическое масонство. 1906—1918. Публ. В. И. Старцева. // История СССР. 1990. № 1. С. 149.

² Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 164.

стоял перед А. Ф. Керенским, а Марсель Кашен рыдал, закрыв лицо носовым платком¹.

Поездка А. Тома и М. Кашена действительно имела место в указанное Н. Н. Берберовой время. Подтверждается и факт личной встречи 12 (25) апреля 1917 года этих политиков, по крайней мере А. Тома², с А. Ф. Керенским. Но сама сцена с стоящим на коленях Альбером Тома и рыдающим Марселем Кашеном, по оценке О. Ф. Соловьева, скорее всего плод журналистской фантазии Н. Н. Берберовой³, хотя тайные контакты Временного правительства с немцами в Стокгольме через журналиста Колышко вроде бы и имели место. Во всяком случае, некоторые основания для подозрений у французского правительства относительно позиции России в вопросе сепаратного мира с немцами, видимо, все-таки были. Что касается будущего лидера французских коммунистов Марселя Кашена, то он хотя и ушел из масонского ордена еще в 1901 году, но сохранял тем не менее тесные связи с ним⁴. Принадлежность же к масонству другого участника описанной Н. Н. Берберовой сцены — социалиста Альбера Тома — и вовсе не вызывает никаких сомнений. Еще до октября 1917 года, как министр вооружений Франции, он направил в Россию еще одного масона — капитана Ж. Садуля, игравшего здесь роль политического наблюдателя. «Несомненно, — констатирует О. Ф. Соловьев, — министр Тома делился сведениями и с руководителями центров Ордена, имевшими информацию как бы из первых рук»⁵. Так что спорить тут вроде бы и нечего.

Особо важное значение придавало руководство Верховного совета «Великого Востока народов России» взаимодействию с Петроградским Советом, руководящая роль в котором, как и во Временном правительстве, принадлежала братьям масо-

¹ Берберова Н. Н. Люди и ложы. Русские масоны XX столетия. С. 41.

² Палеолог Морис. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 433.

³ Соловьев О. Ф. Русское масонство. 1730—1917 гг. С. 260.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Там же. С. 70.

нам: Н. С. Чхеидзе (председатель), М. И. Скобелев, К. А. Гвоздев и Н. Д. Соколов (последний известен, в частности, как один из авторов знаменитого приказа № 1 Петроградского Совета, положившего начало развалу русской армии). *«Тот факт, что Чхеидзе был «братом», — отмечал впоследствии А. Я. Гальперн, — сильно облегчал мою задачу. Я мог говорить с ним совсем просто: чего кочевряжиться, ведь все же наши считают это неправильным, надо исправить и сделать по-нашему»¹.* С учетом существования единого тайного масонского центра (кадеты, меньшевики, трудовики, прогрессисты, эсеры), цепко державшего под своим негласным контролем и Временное правительство, и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, традиционное ленинское представление о периоде с марта по июль с 1917 года как периоде двоевластия нуждается в серьезной корректировке. Власть-то, оказывается, была у нас все-таки одна. Впрочем, оговаривается В. И. Старцев, *«было бы ошибкой считать, что масоны подчинили себе обе власти или даже представляли собой третью, подлинную тайную власть в революционной России»².*

Но вот что отмечал в связи со спорами о роли Верховного совета после февраля 1917 года в смысле его влияния на политику Временного правительства такой, вне всякого сомнения, осведомленный историк, как Б. И. Николаевский. Избавившись от балласта, оставшиеся в ложах масоны, получив подкрепление в лице вернувшихся из эмиграции братьев, сплотились *«более тесно, образовав политически довольно однородную группу, от левых кадетов и прогрессистов до правых социал-демократов, которая в течение почти всего периода Временного правительства играла фактически руководящую роль в направлении политики последнего»³.* Яснее и не скажешь.

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 150.

² Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 157.

³ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 42.

Конечно, преувеличивать значение единого тайного масонского центра в событиях 1917 года, может быть, и не стоит, тем более что сами события развивались отнюдь не по масонскому сценарию. Но виноваты в этом были, конечно же, не одни масоны. Для нас в данном случае важна констатация факта, что центр такой в 1917 году все же был и тайная координация с его стороны деятельности основных очагов революционной власти — Исполкома Петросовета и Временного правительства — успешно до поры до времени осуществлялась.

Наиболее ощутимым это незримое масонское присутствие сказывалось в кадровой политике Временного правительства. «Решающим моментом» при принятии тех или иных государственных назначений при А. Ф. Керенском (министр-председатель с 8(21) июня 1917 года) была прикосновенность того или иного кандидата к масонству¹. О том, как происходило формирование Временного правительства, мы уже знаем. Этот же принцип — брать только своих — неукоснительно соблюдался и при формировании новой «революционной» администрации на местах. *«Большую роль, — отмечал в связи с этим А. Я. Гальперн, — играли братские связи в деле назначения администрации в 1917 году на местах. Да это и вполне естественно: когда вставал вопрос о том, кого назначить на место губернского комиссара или на какой-либо другой видный административный пост, то прежде всего мысль устремлялась на членов местных лож, и если среди них было сколько-нибудь подходящее лицо, то на него и падал выбор»*. В. И. Старцев, который посвятил исследованию этого вопроса специальную статью «Русские политические масоны в правящей элите Февральской революции 1917 года», установил имена 44 масонов, назначенных на свои высокие административные и выборные должности благодаря их масонским связям. Большинство таких назначений приходится на вторую половину 1917 года, то есть уже при А. Ф. Керенском: министр Временного правительства, председа-

¹ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 163—164.

тель Предпарламента (Временный совет Российской Республики) Н. Д. Авксентьев, представитель Российского общества Красного Креста во Франции П. А. Бурышкин, управляющий делами Временного правительства А. Я. Гальперн, товарищ министра внутренних дел А. А. Демьянов, а также министры И. М. Ефремов, Ф. Ф. Кокошкин, А. В. Карташев, А. И. Коновалов, А. В. Ливеровский, П. Н. Переверзев, С. Н. Прокопович, Б. В. Савинков, М. И. Скобелев, В. И. Степанов, М. И. Терещенко, А. И. Шингарев¹.

Из масонов-комиссаров «керенского призыва» известны: Алихан Букейханов — представитель Временного правительства в Тургайской области, Л. А. Велихов — комиссар Временного правительства в Одессе, А. А. Волкович — комиссар Временного правительства в Витебской губернии, С. М. Писаревский — секретарь Витебского губернского комитета, В. В. Федорович — уездный комиссар Витебской губернии². Основным поставщиком кадров для местной администрации при Временном правительстве были провинциальные масонские ложи. Никакого отрыва Верховного совета от местных лож, о чем пишет А. И. Серков³, не произошло, и ни о каком прекращении деятельности «Великого Востока народов России» как масонской структуры ни накануне, ни тем более после Февральской революции не может быть и речи. Другое дело, что центр тяжести этой работы по условиям времени оказался перемещен из местных лож в Верховный совет. Но и ложи не совсем бездействовали. Так, известно, что 4 апреля 1917 года в петроградской ложе «Истинные друзья» получил посвящение в вольные каменщики известный эсер-террорист Б. В. Савинков⁴.

¹ Старцев В. И. Русские политические масоны в правящей элите Февральской революции 1917 года. // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сборник статей. Вып. 2. СПб., 1994. С. 18—23.

² Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 162—163.

³ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945. С. 122.

⁴ Хасс Людвик. Русские масоны первых десятилетий XX в. С. 150.

Основной причиной некоторого спада активности местных лож и перенесения центра тяжести в Верховный совет следует признать проявившиеся после февраля — марта 1917 года несогласия между братьями. Не следует забывать, что состав их в политическом плане был весьма и весьма разношерстным. В дореволюционные годы перед лицом общего врага в лице царского самодержавия разногласия эти отходили на задний план. После же февраля 1917 года, когда самодержавие пало, исчезла и та цементирующая сила, которая по необходимости склеивала столь разных людей в единое тайное братство. *«Вражда между братьями в это время была настолько сильна, что я, например, состоя председателем одной из петербургских лож, не мог созвать после Февральского переворота ни одного ее собрания, ибо члены моей ложи просто не могли бы сесть за один стол»*, — отмечал в этой связи В. А. Оболенский¹.

Идефикс Верховного совета была идея коалиции, за которую он, по свидетельству А. Я. Гальперна, и держался в 1917 году до конца, хотя меньшевики и эсеры, которые резко в это время полевели, и протестовали против коалиции с кадетами. Как бы то ни было, жизнь показала, что такая практика на первых порах себя оправдывала. Во всяком случае в критические дни 3—4 июля 1917 года, поддавшись на уговоры Верховного совета, Н. С. Чхеидзе и другие масонские руководители ЦИК сумели так повлиять на представителей демонстрантов обещанием созвать в ближайшее время 2-й съезд Советов, который якобы и рассмотрит вопрос о власти. Это, пишет В. И. Старцев, способствовало успокоению массы демонстрантов. Но 8 июля ЦИК объявил Временное правительство правительством спасения революции и заявил о передаче ему всей полноты власти². Это была капитуляция, но капитуляция, как теперь выясняется, хорошо продуманная и хорошо спланированная. 24 июля 1917 года было сформировано второе коалиционное правительство А. Ф.

¹ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. С. 450.

² Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 165.

Керенского. Возобновились и переговоры о коалиции с кадетами. По-другому, впрочем, и быть не могло, ибо дирижеры у ЦИК и правительства были общие и играли они по одной и той же партитуре.

Задача, которая стояла перед правительством, заключалась прежде всего в стабилизации власти на основе соглашения ведущих политических партий и подготовке на этой основе к созыву Учредительного собрания. Своеобразным смотрам демократических сил и их возможностей в смысле поддержки усилий Временного правительства стало Государственное совещание 12(25) августа 1917 года в Москве. Корниловский мятеж 25 августа (7 сентября) 1917 года, несмотря на успешное его подавление, нанес тяжелый удар по Временному правительству. Леворадикальные оппоненты его в лице большевиков постарались извлечь максимальную выгоду из этого инцидента. Чувствуя по мере большевизации Советов, что власть уходит из рук, и правительство, и Верховный совет «Великого Востока народов России», как его теневая структура, предпринимают в это время лихорадочные усилия по сплочению демократических сил. Именно в этом ключе и следует рассматривать работу 14–22 сентября (27 сентября — 5 октября) 1917 года Демократического совещания с участием представителей городских дум, кооперативов и профсоюзов, а также открытие 7 (20) октября Временного совета Российской Республики (Предпарламент), как своеобразных подпорок уже зашатавшемуся правительству.

25 сентября (8 октября) 1917 года было объявлено о создании 3-го коалиционного правительства А. Ф. Керенского. Но было уже поздно. *«Кучка интеллигентов не могла играть большой роли и сама распалась под влиянием столкновения классов»*, — отмечал Н. В. Некрасов¹. Однако главная причина катастрофического падения влияния «Великого Востока народов России» на ход событий в стране и фактическое бездействие низовых ячеек масонского сообщества, его лож, заклю-

¹ Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В. В. Шелохаева и В. В. Поликарпова. // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 38.

чалась в том, что создавался «Великий Восток», как мы знаем, с одной-единственной целью — захват и удержание власти. После того, как власть была захвачена и закреплена, исчезла и необходимость его дальнейшего существования, по крайней мере, в том виде, в каком он продолжал функционировать в это время. Пытаясь выявить причины резкого уменьшения влияния масонов на события уже со второй половины 1917 года, В. И. Старцев называет, в частности, возвращение из эмиграции и ссылки большой группы «политиков высшего класса», к масонским организациям не причастных: Г.В. Плеханова, Е.К.Брешко-Брешковскую, Н. Д. Авксентьева и других. *«Хотя некоторых из вернувшихся удалось вовлечь в ложи, большинство этих лидеров действовали независимо от масонов, нарушали их планы и масонскую солидарность»*¹. В новых политических условиях ситуация повернулась так, что политическая деятельность уже перестала быть привилегией только избранных «братьев». Отсюда и резкое падение численности масонских лож. К октябрю 1917 года их в России оставалось, по сведениям В. Вяземского, не более 28². Сходную цифру приводит и Людвик Хасс. Из 40 лож, насчитывавшихся в феврале 1917 года, к октябрю этого же года осталось 29³. Последнее заседание Верховного совета состоялось в конце сентября или в начале октября и было посвящено борьбе с украинским сепаратизмом. Прибывшие на это заседание из Киева украинские масоны К.П. Григорович-Барский и С. Н. Чебаков упрекали Временное правительство в неоправданных уступках украинским сепаратистам. Верховный совет поддержал их, и было принято решение воздействовать в соответствующем смысле на Временное правительство⁴. Все это, конечно, замечательно, но не дай вам

¹ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 158.

² Вяземский В. Л. Четверть века существования зарубежного масонства. // Новый журнал. 1985. Кн. 161. С. 236.

³ Хасс Людвик. Русские масоны первых десятилетий XX в. С. 154.

⁴ Русское политическое масонство начала XX века. (1906—1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В. И. Старцева. // История СССР. 1990. № 1. С. 150.

Бог, читатель, подумать, что антирусская позиция российских масонов в национальном вопросе претерпела в 1917 году серьезные изменения. Нет, стратегический курс братьев вольных каменщиков, несмотря ни на что, оставался прежним — разрушение «империи» и создание на основе России ряда независимых или полунезависимых от Центра государств.

Любопытно в связи с этим характерное признание бывшего главы Временного правительства А. Ф. Керенского. Дело было в 1953 году. Интервьюировавший его французский журналист Роже Лютеньо, видимо, желая угодить отставному политику, напомнил А. Ф. Керенскому о провозглашенной им в 1917 году автономии Финляндии. Однако тот неожиданно запротестовал: *«Нет! Мы восстановили независимость Финляндии. Она была аннексирована Россией в ходе наполеоновских войн и вошла в империю в качестве независимого государства, заключившего союз лично с императором... Временное правительство немедленно вернуло Финляндии все права, при одном-единственном условии: независимость Финляндии должна быть принята Учредительным собранием. Одновременно мы провозгласили и независимость Польши. Начал разрабатываться режим предоставления независимости для прибалтийских стран, для Украины»*¹. Говорить о последствиях для нашего народа разрабатывавшихся оказавшимися у руля государства временщиками планов предоставления независимости для прибалтийских стран и Украины здесь, очевидно, большой необходимости нет. Всякому непредвзятому человеку ясно, что одной только «сдачей» Прибалтики и Украины ограничиться никак в то время было нельзя, ибо на очереди стояли уже сепаратисты Кавказа, Сибири и Поволжья.

Октябрьский переворот 1917 года не только поставил жирную точку на этих планах, но и положил фактический конец деятельности как Временного правительства, так и «Великого

¹ Императрица требовала моей головы. Беседа с Александром Керенским. // Литературная газета. 1990. 5 сентября. С. 13.

Востока народов России». Отдельные члены его продолжали свою работу на территории России вплоть до конца 1918 года. С отъездом в декабре этого года за границу генерального секретаря Верховного совета «Великого Востока народов России» А. Я. Гальперна исполнение его обязанностей взял на себя С. А. Балавинский. Но продолжалось его секретарство недолго, и в конце 1918 года «Великий Восток народов России» как организация фактически прекратил свое существование.

В годы Гражданской войны остававшиеся еще в стране деятели «Великого Востока народов России» заняли открыто антисоветские позиции. Так, во главе Комитета Учредительного собрания, захватившего в мае 1918 года при содействии бывших союзников России власть в Поволжье, подвизался лидер эсеров, видный масон одной из парижских лож А. Д. Авксентьев. Другой видный масон, народный социалист Н. В. Чайковский, встал во главе Временного правительства в Архангельске. Еще один «брат», эсер Б. В. Савинков, возглавил антисоветские мятежи в Рыбинске и Ярославле. Немало было масонов и в окружении Колчака, горько жаловавшегося на их происки.

В 1919 году в Париже группа оказавшихся здесь политических масонов попыталась было восстановить «Великий Восток народов России». Был даже избран его новый генеральный секретарь — И. П. Демидов¹. Но инициатива эта из-за прохладного отношения к ней со стороны французских братьев ни к чему не привела. Не жаловали А. Ф. Керенского и его ближайших коллег по «Великому Востоку народов России» и русские эмигранты. Возрождение русских масонских лож во Франции происходило вследствие этого уже без их участия².

¹ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 74.

² Сергов А. И. История русского масонства. 1845—1945. С. 127—170.

Заключение

Реформы 1860-х годов, удовлетворив основные чаяния либерального русского дворянства, резко тем самым сузили потенциальную общественную базу масонства в стране. Сказывался, несомненно, и факт официального запрещения масонских лож. Во всяком случае, рисковать карьерой ради масонского братства либералы во второй половине XIX века не хотели. Радикалам же из «Народной воли» и других подобных ей разночинских в своей основе организаций в масонских ложах делать было нечего. Конечно, «по духу» масоны в России были всегда, но как организационно оформленное общественное явление во второй половине XIX века масонство прекратило свое существование.

Возрождение его стало возможным только в начале XX века, когда в преддверии революционных потрясений в стране масонство было востребовано из-за рубежа политиканствующей либеральной российской интеллигенцией. То, что и политическая, и мистическая ветви его были импортированы ею из республиканской Франции ввиду радикальной идеологической ориентации нашей интеллигенции начала XX века, удивлять, кажется, никого не должно.

Другое дело, что *«делала революцию»*, как отмечал Иван Солоневич, главным образом *«второсортная русская интеллигенция»*. *«Именно второсортная, — подчеркивал он. — Ни Ф. Достоевский, ни Д. Менделеев, ни И. Павлов, никто из русских первого сорта при всем их критическом отношении к отдельным частям русской жизни — революции не хотел и революции не делал. Революцию делали писатели второго сор-*

*та — вроде Горького, историки третьего сорта — вроде Милукова, адвокаты четвертого сорта — вроде А. Керенского. Делала революцию почти безымянная масса русской гуманитарной профессуры, которая с университетских кафедр вдалбливала русскому сознанию мысль о том, что с научной точки зрения революция спасительна. Подпольная деятельность революционных партий опиралась на этот массив почти что безымянных профессоров. Жаль, что на Красной площади рядом с Мавзолеем Ильича не стоит памятник неизвестному профессору!**¹.

В отличие от лож екатерининского и александровского времени, действовавших с негласного разрешения правительства, политическое или думское масонство начала XX века было уже подпольным и имело откровенно антиправительственный характер. Оно уже изначально было ориентировано не на духовную работу братьев в ложах, а на захват власти, разрушение империи и изменение основ тогдашнего государственного строя в России. Недаром основным поставщиком адептов вольного каменщичества в эти годы была кадетская партия, известная в то же время и как партия леволиберальной российской интеллигенции по преимуществу. Радикальнее левых кадетов были, пожалуй, только эсеры и социал-демократы. Террористическая деятельность социалистов-революционеров в нашей стране слишком хорошо известна. Не представляют большого секрета и политические устремления тогдашних социал-демократов. Правда, большевиков среди масонов было, можно сказать, считанные единицы, но кто из них в этом больше «виноват» — это еще вопрос. Что касается меньшевиков и эсеров, то их в масонские мастерские приглашали более чем охотно. И не случайно, так как идефиксом политического масонства являлась идея создания широкого антиправительственного «народного фронта».

¹ Салоневич И. Великая фальшивка Февраля. В кн.: Салоневич И. Наша страна. XX век. М., 2001. С. 222.

Прежде всего надо отметить, что из трех направлений, на которые обычно и делится исследователями масонство (нравственное, политическое и мистическое), слабее всего в России начала века были представлены ложи именно нравственного трехстепенного английского масонства. И удивляться тут нечему. Реалии общественно-политической и духовной жизни в стране были таковы, что востребованы обществом оказались не традиционные английские ложи, нацеленные на нравственность и добрые дела, а т.н. «неправильное» масонство, представленное, с одной стороны, политическими ложами, восходящими к «Великому Востоку Франции», а с другой — сообществами оккультно-мистического характера.

Конечно же, о широком распространении масонства и мистики среди русской интеллигенции той поры было известно давно. И все же ближайшее соприкосновение с реалиями этой стороны дела духовной жизни тогдашних россиян способно поразить даже самое пылкое воображение.

Оказывается, что оккультизмом и мистикой в начале века были заражены практически все слои так называемого образованного русского общества от самых что ни на есть простых обывателей — участников спиритических кружков до богемной столичной интеллигенции, представителей аристократических кругов и даже великих князей. Не избежали увлечения оккультизмом даже царь Николай II со своей супругой. Особенно сильно оккультно-масонское поветрие охватило в 1900-е годы Москву и Петербург, где, по некоторым, быть может не вполне точным, данным, насчитывалось в общей сложности до 20 тысяч оккультистов. Одних только спиритических кружков на 1909 год в России было не менее 2 тысяч.

А ведь были и другие: филалеты, розенкрейцеры, martinисты, теософы, антропософы, наконец, просто кружки «ищущих интеллигентов», вроде деятелей Религиозно-философского общества, кружков Вяч. Иванова, З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского, «Братства Аргонавтов» и просто мистиков-одинок в вроде Владимира Соловьева и Анны Шмидт. Не будет поэтому большим

преувеличением сказать, что накануне революции 1917 года оккультно-мистической масонской паутиной была буквально окутана русская земля.

Подвести все эти кружки под какую-то одну схему не представляется возможным. Слишком уж разным был социальный состав и идеологические воззрения их членов. Но вот что интересно: при всей разнородности в идеологических и политических предпочтениях членов тех или иных кружков и групп все они в той или иной мере, как правило, тяготели все-таки к масонству, а в ряде случаев (филалеты, розенкрейцеры, мартинисты) и были связаны с ним. Часть оккультистов отдавала предпочтение ложам т.н. нравственного (английского) трехстепенного масонства. Но были и тяготевшие к масонству политическому, кадетскому (кружки Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, Вяч. Иванова, московское и петербургское религиозно-философские общества), духовные искания которых носили подчас откровенно антирусский и антиправославный характер.

Конечно же, в буквальном смысле этого слова подпольными или тайными все эти кружки и ордена в том смысле, что они занимались чем-то противозаконным, как правило (речь не идет, разумеется, о масонах политических), не были. Но сама тайна, ввиду чрезвычайно скрытного характера деятельности этих кружков, недоступного для непосвященных, здесь все же имела место быть.

На первый взгляд большого вреда государству и обществу деятельность каждого из этих кружков по отдельности принести не могла, хотя и свидетельствовала со всей очевидностью о духовном нездоровье нации. Однако, если рассматривать деятельность всех этих оккультно-мистических сообществ в их совокупности, вред этого явления сомнению не подлежит.

В то же время надо понимать, что и у масонов-космополитов, и у богоискателей, и у мистиков всех мастей были, конечно, свои резоны искать правду и смысл жизни на тех путях, на которых они их и искали. Не об этом речь, а о том, что «правда» эта была в тех конкретно-исторических условиях явно не к месту и не

ко времени, т.к., национально обезличивая и духовно разоружая стоящую буквально накануне революции страну, она делала ее беззащитной перед лицом ее злейших внутренних и внешних врагов. Хорошо в свое время сказал об этой проблеме наш русский философ и публицист В. В. Розанов. Если бы она, эта масонская «правда», отмечал он, не дай бог, «расползлась бы в десятках и сотнях тысяч листов, брошюр, книжек и журналов по лицу русской земли, — и дошла бы до Пензы, до Тамбова, Тулы, обняла бы, наконец, и Петербург, то пензенцы и туляки, смоляне и псковичи не имели бы духа отразить Наполеона. Вероятнее они призвали бы способных иностранцев завоевать Россию, как собирався позвать Смердяков и как призывал их идейно к этому «Современник»; так же и Карамзин не написал бы своей «Истории»¹.

Как видно из контекста высказывания В. В. Розанова, слова его относятся к масонам и оккультистам XVIII — первой четверти XIX века. Однако в полной мере справедливы они и в отношении масонских и парамасонских структур начала XX века, причем не только оккультного, но и откровенно политического характера. Речь идет о политических русских ложах «Великого Востока Франции» и «Великого Востока народов России». В масонстве их адептов привлекало не столько увлечение мистикой, работа над своей душой и добрые дела (хотя и эти соображения в ряде случаев могли иметь место), сколько открывающиеся в связи с этим возможности использования масонских структур и связей, в т.ч. международных, с целью координации деятельности антиправительственных сил в борьбе за «освобождение» России.

И хотя официальная установка заключалась в стремлении к ниспровержению царского самодержавия мирным, политическим, парламентским путем, реалии общественно-политической борьбы в стране были таковы, что уже изначально политическое

¹ Розанов В. В. Опавшие листья. // Розанов Василий. Уединенное. М., 1998. С. 519.

масонство в России имело леворадикальный характер и объединяло в своих рядах представителей левых партий: кадетов, эсеров, социал-демократов, прогрессистов, трудовиков. Собственно говоря, этот левый курс в условиях обострения в 1915—1916 годах общественно-политической борьбы в стране при общей слабости правительства (министерская чехарда) и привел, в конце концов, руководство «Великого Востока народов России» к идее насильственного устранения Николая II от власти или, иначе говоря, идее дворцового переворота (заговора). Можно, конечно, спорить, получили ли официально масонское посвящение Н. В. Рузский, М. В. Алексеев и другие генералы, сыгравшие роковую роль в отречении 2 марта 1917 года Николая II от престола, или нет. Но то, что они были участниками антиправительственного заговора, нити которого тянулись к единому масонскому центру, это сегодня уже твердо установленный факт.

То же самое, в принципе, можно сказать и о «масонском», как его иногда называют, Временном правительстве. Опять-таки можно долго и упорно спорить, сколько среди его министров было патентованных, так сказать, масонов. К консенсусу, учитывая характер источниковой базы по этому вопросу, прийти все равно будет крайне трудно. Да в принципе это и не так уж и важно, учитывая, что глава Временного правительства с 8 (21) июля 1917 года А. Ф. Керенский как раз и являлся к этому времени руководителем в рамках «Великого Востока народов России» всех русских политических масонов. Все ли министры его кабинета были масонами или только половина из них, масонские взгляды своего руководителя они наверняка разделяли. Как и его левый внутривнутриполитический курс, который, собственно, и привел страну (наряду, конечно, с прочими обстоятельствами) к «Великому Октябрю».

Вопреки распространенному в нашей историографии взгляду о некоей напряженной борьбе, которую якобы вело царское правительство с масонской угрозой, знакомство с фактической стороной дела показывает, что это было далеко не так. Действительно, с масонством у нас боролись, но не столько правительс-

тво, сколько т.н. «черносотенная» пресса и правоконсервативная часть политического спектра предреволюционной России, во весь голос, можно сказать, кричавшие о масонской опасности и надвигающейся революции. Определенный интерес к масонству и масонской угрозе России проявлял царь. Но чтобы проблемой этой так уж было озабочено правительство или Департамент полиции — этого сказать нельзя. Во всяком случае, нам не известно ни об одном серьезно пострадавшем от властей из-за своей принадлежности к этому сообществу масоне, ни об одном возбужденном в связи с этим уголовном деле. А ведь одних только политических масонов в стране накануне революции у нас насчитывалось от 400 до 600 человек. И все эти люди были, как говорится, «непростые» и на виду — думцы, промышленники, журналисты, адвокаты, руководители политических партий и общественных организаций. Так что не заметить их было просто невозможно. Их и заметили, хотя разобраться, кто есть кто в масонстве, в Департаменте полиции смогли далеко не сразу, и в первое время (1906—1909 годы) основное его внимание было сосредоточено не на политических ложах, а на отслеживании разного рода оккультно-мистических кружков и групп, причем прямо надо сказать, что здесь департамент шел не впереди, как того следовало ожидать, а позади патриотической общественности, узнавая о существовании масонов не от своих информаторов, а из газет. Очень скоро, впрочем, здесь поняли, что идут по ложному пути, т.к. никакой реальной угрозы для империи ни спириты, ни мартинисты, ни розенкрейцеры, ни филалеты не представляют, и интерес к ним с его стороны стал угасать.

Еще в меньшей степени интересовали Департамент полиции оккультные увлечения и богоискательство представителей российской творческой интеллигенции, на которых просто не обращали внимания. Правда, за отдельными кружками мистиков все-таки продолжали наблюдать, но это скорее по инерции, на всякий случай, ибо уже начиная с 1910 года главную опасность для империи в Департаменте полиции совершенно справедливо видели не в них, а в политических ложах, насаждаемых и патро-

нируемых в России республиканским и атеистическим «Великим Востоком Франции», и основные его усилия оказались сосредоточены именно на этом направлении.

Однако справиться с таким монстром, каким оказалось русское политическое масонство в сугубо правовом поле (а по-другому с 17 октября 1905 года было уже нельзя), Департаменту полиции, да и в целом правительству оказалось явно не под силу. И совсем не потому, что масоны были так уж сильны. Слабой и нерешительной оказалась сама власть. Этим же недугом страдало и пришедшее ей в февральско-мартовские дни 1917 года на смену и «масонское» Временное правительство, что, собственно, и предопределило его бесславный конец. Как видим, русские масоны предреволюционного времени хотя и представляли собой серьезную силу, но всемогущими, как их иногда представляют в нашей исторической литературе, они отнюдь не были, да и едва ли могли таковыми быть, учитывая реалии российской действительности. В этом, собственно, и состоит основной вывод этой книги.

Отрицать сегодня масонский вклад в деле разрушения российской государственности в 1917 году не приходится. В то же время большим преувеличением было бы думать, что именно масоны, мистики и богоискатели и являются той зловещей силой, которая якобы и погубила историческую Россию, хотя, конечно же, немалая доля вины за те потрясения, которые выпали на долю нашего народа в XX веке, ложится и на них.

Все это, казалось бы, должно было побудить наших «искателей истины», «правды и смысла жизни» извлечь определенные уроки из случившегося. Однако этого не произошло, и сегодня, как и в начале прошлого века, прилавки наших книжных магазинов опять завалены оккультно-мистической литературой. Растут, словно грибы после дождя, и различного рода масонские и парамасонские оккультные ордена и братства. Создается впечатление, что трагический опыт духовных исканий наших предшественников — российских интеллигентов начала XX века никого и ничему так и не научил.

Приложение

СПИСОК РУССКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ МАСОНОВ ЛОЖ ФРАНЦУЗСКОГО ОБРЯДА И «ВЕЛИКОГО ВОСТОКА НАРОДОВ РОССИИ» (СПИСОК В. И. СТАРЦЕВА)¹

Список составлен на основе двух упоминаний одного и того же лица в мемуарах самих масонов или упоминаний в делопроизводственных масонских документах.

1. Абашидзе Кита.

2. Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943). С.-р., член ЦК, французский масон с 1912 г. Принят в ложу «Великого Востока народов России» (далее — ВВНР) в 1917 г.

3. Амфитеатров Александр Валентинович (1862—1938). Писатель. Выслан в Минусинск за публикацию антицаристского памфлета «Семья Обмановых». Принят в Парижскую ложу «Космос» 13 мая 1905 г. 30 января 1906 г. произведен в мастера.

4. Андреянов. Второй наблюдатель Военной ложи французского обряда (далее — ФО) в 1909 г.

5. Аничков Евгений Васильевич (1866—1937). Литератор, профессор-литературовед. Принят в Парижскую ложу «Космос» 13 мая 1905 г. Второй наблюдатель ложи «Возрождение» ФО в Москве с ноября 1906 г.

6. Антоновский Юлий Михайлович (1857—1911). Мир. судья, ст. сов-к, переводчик Ницше. Принят учеником в ложу ФО в ноябре 1907 г.

¹ Старцев В. И. Тайны русских масонов. Русское политическое масонство начала XX века. С. 139—140.

7. Аркадакский-Добреневич Константин.
8. Баженов Николай Николаевич.
9. Балавинский Сергей Александрович.
10. Барт Бруно Германович.
11. Бахрадзе Ясен. Общественный деятель, с.-д. Принят в Кавказскую ложу ВВНР в 1915/16 г. в Кутаиси.
12. Бебутов Давид Иосифович.
13. Бланк Рувим Маркович.
14. Богучарский (Яковлев) Владимир Яковлевич.
15. Болотин. Адвокат. Принят в ложу «Полярная звезда». Список от 29 июня 1908 г.
16. Бомас В. П. Поляк. Левее к.-д. Принят в Витебскую ложу ВВНР в октябре 1914 г.
17. Бородин Николай Андреевич. Ст. сов.-к, специалист по рыбоводству, Департамент земледелия. К.-д., член ложи ВВНР В. А. Степанова.
18. Бороздин Александр Корнильевич.
19. Браудо Александр Исаевич.
20. Брук Гирш Яковлевич.
21. Брунет. Народный социалист. Чл. ложи ВВНР в Петербурге.
22. Брусов Яков Яковлевич. Архитектор. Чл. лож ФО и ВВНР с 1911 и 1912 гг.
23. Букейханов Алихан Нурмагометович.
24. Булат Андрей Андреевич. Литовец. Член II и III Государственных Дум. Трудовик. Член ложи ФО «Полярная звезда». Список от 29 июня 1908 г.
25. Бурышкин Павел Афанасьевич.
26. Буслов. Член ложи ФО с 1908 г.
27. Василенко Николай Прокофьевич. Профессор. К.-д. Член одной из киевских лож ВВНР с 1912 г., делегат I и III конвентов ВВНР.
28. Велихов Лев Александрович.
29. Вельмин. Член ложи ВВНР в 1916—1917 гг.
30. Венцовский. Поляк. Член ложи ВВНР с 1912 г.
31. Веретенников Александр Порфирьевич. Действ. ст. сов.-к. Чиновник особых поручений МИДа. Член ложи ФО с 1908 г. В 1914 г. член ложи «Зорабабель» в Копенгагене.
32. Вермишев. Хр. Ав. Входил в Тифлисскую ложу ВВНР.
33. Виноградов Владимир Александрович.

34. Волков Николай Константинович.
35. Волкович Алексей Онуфриевич.
36. Вырубов Григорий Николаевич.
37. Вязлов Андрей Григорьевич.
38. Гальперн Александр Яковлевич.
39. Гамбаров Георгий (Юрий) Степанович.
40. Гегечкори Евгений Петрович.
41. Геловани Варлаам Леванович.
42. Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945). Поэтесса. Принята в ложу ВВНР в 1915 г.
43. Головин Федор Александрович.
44. Голубков Константин Григорьевич. Надв. сов-к. Член СПб. гор. управы, к.-д. Член ложи ВВНР, делегат I конвента ВВНР.
45. Гольдовский Онисим Борисович.
46. Гольм. Мир. судья, член ложи «Полярная звезда» ФО. Список от 29 июня 1908 г.
47. Гордеев Яков Николаевич.
48. Григорович-Барский Константин Петрович.
49. Грушевский Михаил Сергеевич.
50. Гуревич Б. Бывш. бундовец. Председатель Витебской общегородской больничной кассы. Член Витебской ложи ВВНР с 1916 г.
51. Гуревич Виссарион Яковлевич.
52. Дворжак Александр К.
53. Демидов Игорь Платонович. Член IV Государственной Думы. К.-д. Член Думской ложи ВВНР с 1912 г., делегат III конвента ВВНР.
54. Демьянов Александр Алексеевич (ум. 1919). Прис. поверенный, прис. стряпчий. Член ложи ФО с 1907 г., секретарь ложи «Заря Петербурга» в 1909 г., в 1912/13 г., член Совета петербургских лож ВВНР, делегат III конвента ВВНР, венерабль ложи в 1917 г.
55. Диоголидзе Александр («брат берлинского?»), член Кавказской ложи в Кутаиси в 1916 г.
56. Дмитриев.
57. Ефремов Иван Николаевич. Член I, III, IV Государственных Дум, прогрессист. Член ложи ВВНР с 1912 г. Председатель Думской ложи ВВНР.
58. Жихарев Этьен (род. 1861). Врач. Член ложи ФО с 1907 г.
59. Зданович Георгий Феликсович.

60. Земгал. Член Рижской ложи ВВНР.
61. Зензинов Владимир Михайлович (1880—1953). С.-р. Член ПК. Член ложи ВВНР с 1915 г.
62. Зилов Петр Алексеевич (1850—1921). Ученый. Физик. Попечитель Киевского учебного округа в 1906—1907 гг. Масон одной из лож ВВНР в Киеве.
63. Знаменский. Член Думской ложи ВВНР в 1914—1917 гг.
64. Иванов Сергей Алексеевич.
65. Иванюков Иван Иванович.
66. Измайлов. Член ложи ФО в 1908 г.
67. Исаев Александр Александрович. Деятель Союза земств и городов. Член Думской ложи ВВНР в 1916 г.
68. Кальманович Самуил Ефремович. Прис. поверенный. Член ложи «Полярная звезда» ФО с 1907 г. Список от 29 июня 1908 г.
69. Каминский. Член ложи ФО в Нижнем Новгороде в 1910 г.
70. Караулов Михаил Александрович.
71. Кармин Николай Валерианович.
72. Карташев Антон Владимирович.
73. Кедрин Евгений Иванович.
74. Керенский Александр Федорович (1881—1970). Прис. поверенный. Депутат IV Государственной Думы. С.-р. с 1905 г. Председатель Трудовой группы IV Думы. Масон ложи ФО с 1911 г, чл. ложи ВВНР с 1912 г, делегат I, II и III конвентов ВВНР, член Верховного совета, генеральный секретарь Верховного совета ВВНР в 1916 и начале 1917 г. Министр юстиции; военный министр; министр-председатель Российского Временного правительства.
75. Килевейн Георгий Робертович.
76. Кипиани Петр. Член Кутаисской ложи ФО, член Кавказской ложи ВВНР с 1916 г.
77. Ключевский Василий Осипович. Член ложи ФО с 1906 г.
78. Ковалевский Максим Максимович.
79. Кокошкин Федор Федорович.
80. Коллюбакин Александр Михайлович (1868—1915). Тверской земец. Член III и IV Государственных Дум. Левый к.-л. Член ложи ФО с 1907 г. Делегат I и II конвентов ВВНР. Генеральный секретарь Верховного совета ВВНР в 1912—1914 гг.
81. Коновалов Александр Иванович.

82. Коровиченко Павел Александрович.

83. Костычев Сергей Павлович.

84. Котляревский Сергей Андреевич.

85. Кричевский Бенедикт Владимирович.

86. Кроль Лев Афанасьевич.

87. Кугушев Вячеслав.

88. Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич.

89. Кускова Екатерина Дмитриевна.

90. Ледницкий Александр Робертович.

91. Леонтьев Александр Александрович. Прис. поверенный. К.-д. Член ложи В. А. Степанова ВВНР.

92. Ливеровский Александр Васильевич (1867—1951). Инженер путей сообщения, профессор, член ложи В. А. Степанова ВВНР. Министр путей сообщения Временного правительства.

93. Литвинов. Первый наблюдатель ложи «Киевская заря» с 1909 г.

94. Лорис-Меликов Иван Захарович. Врач. Доктор медицины. Принят в Парижскую ложу «Космос» 13 мая 1905 г. 30 января 1906 г. произведен в степень мастера. Масон ложи ФО.

95. Лугутин Леонид Иванович (1864—1915). Горный инженер, профессор. Член совета Союза освобождения. Масон ложи «Полярная звезда» ФО. Список от 29 июня 1908 г.

96. Лучицкий Иван Васильевич.

97. Майдель Герман Христофорович, бар. (род. 1877). Инженер. Принят в ложу «Полярная звезда» ФО в 1907 г. Мастер в 1908 г., второй наблюдатель «Полярной звезды». Май 1908 г. в Петербурге — 18-й градус. Секретарь капитула 18-го градуса русских лож ФО (1908 г.).

98. Майнов Иван Иванович.

99. Макаров Павел Михайлович (1872—1922). Архитектор, гражданский инженер. Член ложи ФО с 1907 г. Первый наблюдатель Военной ложи в 1909 г., член Верховного совета ВВНР, делегат III конвента ВВНР.

100. Маклаков Василий Алексеевич.

101. Максудов, кн. Член ложи ФО в 1908 г.

102. Макшеев Федор Федорович. Инженер путей сообщения. Член ложи ВВНР.

103. Марголин Арнольд Давидович.

104. Маргулиес Мануил (Эммануэль) Сергеевич.

105. Масловский (Мстиславский) Сергей Дмитриевич.
106. Мациевич. С.-д. Член ложи ВВНР в Петербурге в 1912 г.
107. Мейер Александр Александрович.
108. Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941). Писатель, поэт. Принят в ложу ВВНР в 1916 г.
109. Морозов Николай Александрович (1854—1946). Народоходец, б. заключенный Шлиссельбургской крепости, писатель, ученый. Масон ложи ФО с 1907 г. В 1909 г. венераль ложи «Заря Петербурга».
110. Некрасов Николай Виссарионович.
111. Немирович-Данченко Василий Иванович (1848—1936). Журналист, писатель. Французский масон с апреля 1905, ложа «Гора Синай». Член русских лож «Возрождение» и «Полярная звезда» в 1906—1908 гг.
112. Никонов. Делегат III конвента ВВНР от ложи г. Саратова.
113. Обнинский Виктор Петрович.
114. Оболенский Владимир Андреевич.
115. Окунев Николай Александрович. Мир. судья, ст. сов.-к. Член ложи «Полярная звезда». Список от 29 июня 1908 г.
116. Орлов-Давыдов Алексей Анатольевич, граф.
117. Павлицкий Иосиф Теофилович.
118. Павлов-Сильванский Николай Павлович.
119. Панкратов Василий Семенович.
120. Пахомов. Товарищ прокурора судебной палаты в Киеве. Оратор ложи «Киевская заря» ФО в 1909 г.
121. Пергамент Иосиф Яковлевич.
122. Переверзев Павел Николаевич.
123. Писаревский С. М. Член ложи ВВНР в Витебске с октября 1914 г.
124. Писаржевский Лев Владимирович.
125. Полторацкий. Второй наблюдатель ложи «Киевская заря» ФО в 1909 г.
126. Прокопович Сергей Николаевич.
127. Пругавин Александр Степанович. Литератор, историк. Член ложи В. А. Степанова ВВНР.
128. Ратнер. Прис. поверенный. Член ложи ФО в Одессе.
129. Ржевский Владимир Алексеевич.
130. Роберти де Евгений Валентинович.
131. Розанов Николай Сергеевич.

132. Рубинштейн Яков Львович (ум. 1963). Меншевик-интернационалист. Председатель Харьковской гор. думы в 1917 г. Член ложи ВВНР в Харькове.

133. Рузский Дмитрий Павлович.

134. Савинков Борис Викторович (1879—1925). С.-р., террорист, писатель. Комиссар Временного правительства по Юго-Западному фронту. Управляющий Военным министерством. Принят в ложу ВВНР в 1917 г.

135. Сахаров Иван Николаевич (род. 1860). Прис. поверенный, журналист. Член ложи «Возрождение» ФО в 1908 г.

136. Светловский. Врач. Член ложи ФО в 1908 г.

137. Свечин Алексей Александрович.

138. Серeda Семен Пафнутьевич (1871—1933). Большевик, член Исполкома Рязанского Совета в 1917 г. Масон Рязанской ложи ВВНР.

139. Сигов (отец) Александр Сергеевич.

140. Сигов Иван Сергеевич. С.-р., член ложи В. А. Степанова ВВНР в Петербурге.

141. Сидамон-Эристов Георгий Дмитриевич.

142. Симаков. Гласный гор. Думы. Одесса. Член ложи ФО в Одессе.

143. Симонов. Масон ложи ФО в 1908 г.

144. Скворцов-Степанов Иван Иванович.

145. Скобелев Матвей Иванович.

146. Соколов Николай Дмитриевич (1870—1928). Прис. поверенный. Меншевик-интернационалист, потом большевик. Сенатор при Керенском. Член лож ФО с 1909, член лож ВВНГ, член Верховного совета ВВНР в 1912—1916 гг.

147. Степанов Василий Александрович.

148. Субботин Владимир Федорович.

149. Суботкин. Директор кредитного общества. Член ложи ФО в Одессе в 1909 г.

150. Сумбатов-Южин Александр Иванович.

151. Суханов (Пиммер) Николай Николаевич.

152. Тамамшев Михаил Иванович. Профессор, этнолог, специалист по Кавказу. Принят в Парижскую ложу «Космос» 13 мая 1905 г. 30 января присвоена там же степень мастера.

153. Теплов Владимир Владимирович (род. 1861). Полковник, к-р лейб-гвардии Измайловского полка. Принят в ложу «Полярная звезда»

ФО в 1907 г. Венерабль Военной ложи ФО в 1909 г., масон лож ВВНР. Главнокомандующий войск Петроградского военного округа в 1917 г., генерал, член свиты военного министра А. Ф. Керенского.

154. Терещенко Михаил Иванович (1888—1956). Масон лож ВВНР (?). Министр финансов, министр иностранных дел Временного правительства.

155. Тимофеев. Военный инженер. Секретарь Военной ложи ФО в Петербурге в 1909 г.

156. Тираспольский Григорий Львович.

157. Трачевский Александр Семенович.

158. Туманов Георгий Михайлович, кн. (сын поэта). Член Тифлисской ложи ВВНР.

159. Урусов Сергей Дмитриевич, кн.

160. Федорович В. В. Поляк. Левее к.-д. Член Витебской ложи ВВНР с октября 1914 года.

161. Философов Дмитрий Владимирович. Литератор, товарищ председателя Религиозно-философского общества. Член Литературной ложи ВВНР с 1913—1914 гг.

162. Харитонов Василий Григорьевич. Секретарь правления Российского золотодобывающего общества. Бывший политический ссыльный на золотых приисках в Бодайбо. С.-д. Член ложи ВВНР с 1914 г.

163. Харитонов Константин Петрович (род. 1881). Член III Государственной Думы. Член ложи ФО с 1911 г. Казначей Верховного совета ВВНР с 1912 г.

164. Цейтлин Михаил Соломонович. С.-р. Член Витебской ложи ВВНР с 1916 г.

165. Чайковский Николай Васильевич.

166. Чебаков Сергей Николаевич. Товарищ прокурора Судебной палаты г. Киева. Член одной из киевских лож ВВНР, член Киевского местного совета лож, член Верховного совета ВВНР в 1917 г.

167. Чермак Лев Карлович (род. 1862). Бывший народоволец, затем с.-р. Член ложи В. А. Степанова с 1913 г.

168. Чернов. Масон ложи ВВНР в Саратове.

169. Черносивтов Кирилл Кириллович.

170. Чхеидзе Николай Семенович.

171. Чхенкели Акакий Иванович (род. 1874). Член IV Государственной Думы. С.-д., меньшевик. Член Думской ложи ФО и ВВНР. Министр иностранных дел независимой Грузии в 1918—1921 гг.

172. Шагал Марк (1887—1985). Художник. Член Витебской ложи ВВНР в 1913 г.

173. Шах Владимир Михайлович.

174. Швецов Сергей Порфирьевич.

175. Шингарёв Андрей Иванович (1869—1918). Врач. Депутат II, III, IV Государственных Дум, член ложи «Полярная звезда» ФО. Список от 29 июня 1908 г. Министр земледелия, министр финансов Временного правительства.

176. Шольп Евгений Густавович (1863—1916). Военный юрист, журналист. Депутат I Государственной Думы. Член одной из лож ВВНР в Киеве.

177. Штейнгель Федор Рудольфович.

178. Штернберг. Член одной из петербургских лож ВВНР

179. Щёголев Павел Елисеевич.

Александр Шубин

Мифы
Февральской революции

Революция представляется обывателю адом кромешным. Послушать сегодняшних бойцов идеологического фронта, заполнивших телеэфир, — так в революции участвовали сплошь бандиты, жулики и идиоты. Миллионы людей сошли с ума, поскольку перестали думать о своих маленьких житейских заботах, а принялись сообща решать судьбы страны. Вертикаль власти, в которой добропорядочный обыватель видит основу благополучия Отечества, затрещала да рухнула, похоронив под обломками золотую мишуру Российской империи. Вчерашние экстремисты и рабочие заполнили коридоры власти, где прежде нельзя было появиться без высокой протекции. Ужас, кошмар прошлого. Или будущего?

Сейчас снова гниют стропила «вертикали». И почти век спустя самое время вернуться к урокам той революции, к ее загадкам. Если Российская империя рухнула потому, что всех запутали, обманули загадочные масоны, то почему умнейшие люди старой элиты оказались в дураках? Если Ленин — полоумный авантюрист, да еще и разоблаченный как немецкий агент — почему за ним пошла четверть населения России, причем самая сплоченная и активная? И могла ли история страны сложиться иначе, была ли тогда альтернатива крушению империи и победе большевизма? А значит — альтернатива всей советской эпохе с террором и прорывом в космос, с победой над нацизмом и с Чернобыльской катастрофой, с индустриализацией и Перестройкой.

В феврале 1917 г. не «белая кость», наследники древних вырождающихся родов, а люди из толщи народной получили шанс определить судьбу страны на десятилетия. Впервые со времен Смуты XVII века миллионы людей смогли выйти из скотного двора, где их держала Система, на холодный, ветреный простор Истории. Впервые за несколько поколений они почувствовали

себя людьми, а не тварями дрожащими. Одни принялись грабить, другие в ужасе бросились назад в теплый хлев, но третьи — и таких тоже были миллионы — стали писать нашу историю. Пусть неумело, с ошибками. Но спасибо им за это. Лучше так, чем история, напечатанная чиновниками под копирку.

Глава I

Масоны и депутаты

И «белые», и «красные» идеологи недолюбливали Февральскую революцию. Первые — за то, что она разрушила милый их сердцу вековой деспотизм, вторые — за беспечное презрение к «единственно верным идеям» большевистских вождей. С началом перестройки интеллигенция ухватилась за Февраль как за пример «бескровной революции», победы «парламентской демократии». Но на самом деле Февральский взрыв не был ни тем, ни другим. Наигравшись новой игрушкой, «властители дум» отбросили ее, так и не поняв. Теперь в моде «добрейший» царь Николай.

Революция — это и массовые выступления, и стихия, и раскол правящей элиты, и переворот. Раз есть переворот, то уместно заподозрить заговор. События в Петрограде поставили страну на грань гражданской войны, и генералы нашли решение проблемы, фактически арестовав царя.

Не была ли эта комбинация продумана заранее, не была ли вся Февральская революция результатом хорошо продуманного заговора?

ЗАГОВОРЫ И РАЗГОВОРЫ

Когда речь заходит о причинах Февральской революции 1917 г., мифотворцам скучно рыться в социально-экономических предпосылках, заниматься изучением положения народа.

Российская империя представляется им каким-то сказочным царством, где решены или вот-вот будут решены все основные социальные проблемы. Нынешние легенды о Российской империи дальше от реальности советских легенд о замечательной жизни в СССР. Так что в мифологизированном сознании революция 1917 г. становится такой же непонятной, как перестройка. Народ жил счастливее некуда. Дальнейшему процветанию помешала война. Но все же народ продолжал любить своего государя. И вдруг внезапно вышел на улицы, стал творить разные безобразия против властей, и в итоге рухнуло мощное государство. Объяснить это можно только заговором. Хитрые заговорщики обманом натравили счастливый, но глупый народ на сильную, добрую, но излишне благородную власть Святого Царя Николая II.

...

Авторитет Николая II на протяжении его правления падал, а число недовольных его режимом росло. Ходынская давка воспринималась еще как дурное предзнаменование, но трагедия 9 января 1905 года была уже результатом политики императора. Никуда от этого обстоятельства не деться. Приняв под давлением революции Манифест 17 октября и согласившись на создание парламента с урезанными правами, Николай перекраивал избирательное законодательство, чтобы обеспечить более выгодный для самодержавия состав депутатского корпуса. Делиться властью с «общественностью» он не желал. Что же удивляться, что «общественность» (то есть интеллигенция и политизированная часть буржуазии) относилась к самодержавию критически и по мере сил интриговала против имперской бюрократии, эффективность работы которой оставляла желать лучшего. Закрытость круга, где принимались ключевые для страны решения, порождала множество слухов, а уж затем оппозиционная пресса могла раздувать реальные и выдуманные сообщения о нечистоплотности царской семьи. Эта ситуация встречается во многих странах,

где разлагаются аристократические порядки. В основе революции лежит социальный кризис, вызванный трудностями индустриальной модернизации страны, на пути которой встал социальный эгоизм аристократии и бюрократии. Не случайно революционная волна накатывала на Россию дважды — в 1905 и 1917 гг. Это уже никак не случайность, а закономерность.

Но и заговоры-то все-таки были. Просто не следует считать их причиной событий. Они были лишь их промежуточным следствием. И часто — второстепенным, не сыгравшим существенной роли в реальных событиях.

В ходе революции 1905 — 1907 гг. возникла сеть многообразных связей между общественными деятелями, активистами самых разных, публично противостоящих друг другу организаций, подпольных и легальных. В этой «тусовке» можно было встретить и влиятельного предпринимателя, недовольного властями, и террориста, способного организовать «экс» банка, и либерально мыслящего офицера, и кадетского депутата. Это — нормальное явление, естественное следствие появления гражданского общества, которое все состоит из разнообразных контактов. Но это не значит, что все люди, причастные этим контактам, — участники одного разветвленного заговора. Заговорщики должны согласовывать свои действия, подчиняться единому центру, выполнять его указания. Иначе — единого заговора нет.

Первая мировая война определила развитие всего XX века, исковеркав судьбу Европы, а затем и мира. Война предопределила эпоху революций и конфликтов, вылившихся затем во вторую всемирную бойню. Особенно тяжело от последствий войны пострадала Россия.

Для Германии, Австро-Венгрии и России война закончилась революцией. Можно сколько угодно рассуждать о масонах, интригах оппозиции и происках шпионов врага. Но все это было и

во Франции, Великобритании. А там революций не произошло. Где тонко, там и рвется.

Война уже через год после своего начала дезорганизовала социально-экономическую жизнь страны. Участились сбои в работе транспорта. Сельское хозяйство сокращало производство продовольствия в условиях, когда нужно было кормить не только город, но и фронт. Царская бюрократия не могла решить эти сложнейшие задачи, но добилась больших успехов в коррупции и других злоупотреблениях, средоточием которых общественность была склонна считать императорский двор. Война активизировала общество, а неудачный ход боевых действий сделал его более оппозиционным.

Либеральные деятели были не прочь воспользоваться ухудшением ситуации, чтобы добиться воплощения в жизнь своей мечты — конституционной монархии, развития страны «по английскому пути». Но ведь ситуация действительно продолжала ухудшаться, и настолько, что это стало вызывать опасения «русского бунта, бессмысленного и беспощадного». «Общественности» приходилось маневрировать перед двумя перспективами — глухой абсолютистской реакции и смуты. Задача либералов в этих условиях заключалась в том, чтобы добиться от императора конституционных уступок до того, как режим доведет дело до социальной революции. «Подразумевалось, что думские политики, не желающие возникновения революционных уличных выступлений, должны критиковать власть в стенах парламента, решительно высказывая претензии от имени народа»¹, — воспроизводит историк И.Л. Архипов расчеты оппозиции. Они были бы оправданы, окажись власть более гибкой. Но Николай II упрямо отказывался от уступок, чурался перемен, заменяя действия колебаниями.

В 1915 г. представленные в Думе политические партии попытались установить контроль за деятельностью государствен-

¹ Архипов И.Л. Российская политическая элита в феврале 1917 г. Психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С. 27.

ного аппарата, выдвинув лозунг ответственного министерства (т.е. кабинета министров, ответственного перед парламентом, а не перед монархом). Однако Николай II считал недопустимым делиться и толикой власти сверх того, что у него вырвали силой в 1905 г. В этих условиях лидер кадетов П. Милюков выдвинул идею «министерства, пользующегося доверием страны»¹. Сначала казалось, что это — формула компромисса с самодержавием, но позднее выяснилось, что в этом пункте либералы выдвинули собственную авторитарную идею — «министерство доверия» может существовать и в случае падения самодержавия. Это — формула власти, которая не хочет быть ответственной перед парламентом.

Стремление императора сосредоточить в своих руках как можно больше полномочий в условия войны еще сильнее подмочило его авторитет. Поражения 1915 года, назначение себя на пост главнокомандующего, отказ пойти на уступки даже умеренно-оппозиционному Прогрессивному блоку, скандальные слухи, связанные с именем Г. Распутина, — все эти обстоятельства изолировали самодержца. Что ж тут поделать, такая у правителей планида — чем больше тянут на себя власти, тем сильнее одиночество.

Если правитель не привлекает к сотрудничеству общественность, она начинает работать в режиме «теневых кабинетов» — искать пути воплощения в жизнь своих идей вопреки воле некомпетентной и эгоистичной власти.

Пропагандистская кампания Прогрессивного блока сделала Думу центром общественного недовольства самодержавием и снискала ей значительную популярность, в том числе и в армии.

Но все интриги и элитарное возмущение не могут привести к гибели системы, если широкие слои населения довольны жизнью. Охранное отделение сообщало в канун Февральской рево-

¹ Милюков П. Н. История Второй русской революции. М., 2001. С. 29.

люции: «Если население еще не устраивает голодные бунты, то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем. Озлобление растет, и конца его росту не видеть»¹.

Казалось бы, картина событий понятна. Самодержавие своей неэффективностью и неуступчивостью довело страну в условиях войны до глубокого кризиса. Население и не выдержало. В феврале 1917 г. хватило призыва небольших революционных групп, чтобы население Петрограда вышло на улицы. Но такая картина не соответствует мифу о Святом Государе и счастливой жизни в империи. Мифотворцам нужна интрига, детектив, заговор тайных сил.

При этом в качестве главных заговорщиков называют людей вполне известных, никак не тайных — Гучкова, Родзянко, Милюкова. Может быть, они жили двойной жизнью? Утром выступали с высоких трибун, а ночью писали закодированные письма?

Каково было соотношение легальных и нелегальных действий либеральной оппозиции? В 1915 г. общественность имела вполне легальные структуры, которые занимались поддержкой армии, с одной стороны, и критикой правительства — с другой. Это — думский Прогрессивный блок, лидерами которого были спикер Думы, октябрист Родзянко и кадет П. Милюков, Центральный военно-промышленный комитет во главе с октябристом А. Гучковым, и Земско-городской союз (Земгор), лидерами которого был и князь Г. Львов, и московский городской голова М. Челноков.

Очевидная неэффективность бюрократического аппарата, особенно проявившаяся в 1915 г., позволила общественности активно включиться в дело снабжения армии через Красный Крест,

¹ Блок А. А. Последние дни старого режима. Архив русской революции. М., 1991. Т. 4. С. 16.

земские организации и военно-промышленные комитеты. Насколько эффективна была эта работа — можно судить по-разному, но интеллигенция и буржуазия отдавали предпочтение своим организациям. Туда привлекались финансовые и интеллектуальные ресурсы. Чиновничество в большинстве своем относилось к сети общественных организаций с недоверием. Это привело к соперничеству, «перетягиванию каната» между чиновничеством и общественностью в деле организации тыла.

Поскольку депутаты были людьми известными, на них выходили все новые недовольные. В условиях военных поражений это были и военные, готовые поиграть в «декабристов», ради того, чтобы сделать войну более «толковой» и победоносной. Неудивительно, что потенциальные военные заговорщики обращались к Александру Гучкову, который одно время возглавлял комиссию Думы по вопросам обороны и вообще слыл ведущим военным специалистом в депутатском корпусе. Во время войны он возглавлял Центральный военно-промышленный комитет. По признанию самого Гучкова, он вел секретные беседы о возможности дворцового переворота. Вот, наконец, и заговор. Что и требовалось доказать? Нет, доказать требовалось не это. Привел ли заговор Гучкова к свержению самодержавия, или речь идет о салонных конспирациях, которые так и остались разговорами, а самодержавие рухнуло в результате народных выступлений, с Гучковым никак не связанных?

...

Собирать кадры либерально настроенных военных, как их называли после турецкого переворота 1908 г. — «младотурков», Гучков начал практически сразу после первой революции. Сочувствие военных либеральным западническим идеям росло по мере дискредитации самодержавия.

Сам Гучков не считал свои контакты с военными заговором, не скрывал их и даже любил бахвалиться ими, преувеличивая

успехи¹. Так что об этих встречах, имевших легальное обоснование по части Военно-промышленного комитета, знала половина петроградского света. В узком кругу с Некрасовым и Терещенко обсуждали более решительные действия, но практических приготовлений сделано не было. Высокопоставленный чиновник-путеец Ю. Ломоносов вспоминал о разговорах подобного рода, которые велись «даже за генеральскими столами. Но всегда, при всех разговорах этого рода наиболее вероятным исходом казалась революция чисто дворцовая, вроде убийства Павла»².

Когда после провала снабжения армии 1915 г. предприниматели создали военно-промышленные комитеты, занявшиеся поставками войскам, генералы сотрудничали с их организаторами и продолжали проникаться либеральными идеями. В этом нет ничего сверхъестественного и требующего разыскания заговора.

Либеральные идеи не были чужды великому князю Николаю Николаевичу, генералам М. Алексееву, В. Рузскому, А. Лукомскому, А. Брусилову, А. Деникину, Ю. Данилову, А. Поливанову. А ведь они в ходе войны возглавляли фронты и штабы фронтов, занимали и более высокие должности, а Алексеев — возглавлял штаб Ставки. Поливанов в 1915—1916 гг. был военным министром, усиливая кадровые позиции либералов. Благодаря Поливанову военно-промышленные комитеты получили широкие права по распределению государственных военных заказов между заводами.

Военных раздражало, что аристократическая элита не могла обеспечить нужды армии, и поэтому им нравилось потакать либеральной критике. На заседаниях Особого совещания по обороне под председательством Поливанова Родзянко и Гучков

¹ *Кобылин В.* Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. СПб., 1998. С. 172.

² *Станкевич В. Б.* Воспоминания. 1914—1919; *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о мартовской революции 1917 года. М., 1994. С. 219.

могли позволить себе самые ехидные замечания в адрес правительства.

Либерализм военных был оборотной стороной их недовольства правительством и самим Николаем, о котором генерал Лукомский в бытность его заместителем военного министра говорил: «Мало ли что Государь находит достойным одобрения! Всем вам известна неустойчивость его взглядов»¹.

Алексеев отзывался о правительстве: «Это не люди, а сумасшедшие куклы, которые решительно ничего не понимают»². Очевидно, что Алексеев предпочел бы такому правительству кабинет либералов, тем более — знакомых ему лично и доказавших свое здравомыслие и патриотическое рвение. Казалось, что если правительство будет сформировано из представителей либерального крыла Думы, то власть будет иметь более прочную опору в обществе, можно будет легче привлечь частные капиталы к делу снабжения армии. Эти надежды были в значительной степени иллюзорными, но вполне естественными для того времени.

В либеральных салонах оживленно обсуждались составы будущего правительства³. Результаты этих обсуждений впоследствии пригодились.

Многие люди во фраках или погонах считали тогда, что было бы неплохо ограничить произвол аристократов правильно организованным представительством общественности, сделать «как в Англии». Эта простая идея приходила в голову интеллигенции и в начале, и в конце XX века. Люди, которые считают себя интеллектуальной элитой, уверены, что они сохраняют эту роль в обществе, устроенном по западному образцу, и не будут отброшены капитализмом в социальный осадок.

Англофильство оппозиции как нельзя лучше стыковало патриотизм, германофобию и либерализм. В знаменитой речи 1 но-

¹ Наумов А. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 421.

² Цит. по: Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 94.

³ А. И. Гучков рассказывает. // Вопросы истории. 1991. № 7—8. С. 205—206.

ября 1916 г. в Думе Милюков предложил только два объяснения негодного руководства самодержавной администрации: «глупость или предательство»¹. Это объяснение затем приглянулось и коммунистам, когда они искали причины неудач собственной политики или даже простых аварий на производстве. Какими бы ни были идеологические разногласия, но логика политической борьбы сближает деятелей разных взглядов. Можно было объяснять все неудачи происками скрытого врага, который использует некомпетентных ротозеев.

В канун Февральской революции либералы в патриотическом рвении искали предательство в окружении царя, где по распространенной версии свили гнездо «темные силы». Их оплотом считалась императрица Александра Федоровна. Либералы видели в императрице сильную личность, которая вредно влияет на слабовольного мужа в интересах германофильской партии (немка все-таки). Депутатам казалось, что они будут лучше смотреться у государственных рычагов. Им не приходило в голову, что источник проблем может крыться в устройстве самой бюрократической машины, которую либералы готовы были запустить «в нужном направлении».

При этом и многие участники досужих политических разговоров того времени рассуждали так же, как мифотворцы конца XX — начала XXI в. Раз есть недовольство царем, значит оно организовано. Михаил Родзянко вспоминал: «Мысль о принудительном отречении царя упорно проводилась в Петрограде в конце 1916-го и в начале 1917 года. Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с заявлением, что Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию.

¹ Милюков приписал общественному мнению убеждение, будто эта речь стала «началом русской революции» (*Милюков П. Н. История Второй русской революции*. С. 35), что можно расценить разве что как проявление мании величия лидера кадетов. Реальная революция началась четыре месяца спустя с демонстрации социал-демократов.

Многие при этом были совершенно искренне убеждены, что я подготавливаю переворот и что мне в этом помогают многие гвардейские офицеры и английский посол Бьюкенен¹.

В легендах о заговоре упоминается совещание у Родзянко 9 февраля 1917 г. В совещании участвовали Гучков, генерал Рузский и полковник Крымов. Но сам Родзянко в своих мемуарах об этом не вспоминает и вообще подчеркивает, что молва приписывала ему лишнее по заговорщической части. Так что речь скорее всего идет об очередной встрече военно-депутатского кружка Гучкова. Обсуждалась возможность ареста царя во время его пребывания в районе дислокации армии Рузского. Арест, вероятно, должен был осуществить Крымов с группой офицеров. Срок переворота намечался на апрель 1917 г. Это уже больше похоже на то, что произойдет во время Февральской революции. Но за одним исключением. Если бы не произошла революция, то группа заговорщиков оказалась бы один на один с остальной империей, все еще лояльной Николаю II. В Петрограде оставалось бы назначенное им правительство, в Ставке — не посвященный в эти планы Алексеев, рядом — верные пока царю части. Это обрекало попытку переворота на крах.

Разговоров было много, но дело шло медленно. Максимум успеха — группа решительных офицеров во главе с генералом Крымовым, которая надеялась перехватить императорский поезд и заставить царя отречься. Если откажется — тогда поступить как с Павлом I. Но и здесь все осталось на уровне разговоров — боевую группу еще только предстояло сформировать.

Высокопоставленные военные иногда тоже строили абстрактные планы путчей, но отдельно от Гучкова. По рассказам Львова, он консультировался на эту тему с Алексеевым осенью 1916 г. Генерал считал, что императрицу нужно арестовать и заточить². Этот план не лучшим образом характеризует умственные способности генерала. Он искренне считал, что все зло — в царице.

¹ Родзянко М. В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 202.

² Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 92.

Спору нет, женщина она была не самая приятная. Но сколько бы она просидела в заточении, а заговорщики, ее арестовавшие, — в своих креслах? Ведь Николаю-то Алексеев при этом собирался оставить всю полноту власти. Он был противником широкомасштабного переворота, так как «государственные потрясения» несут «смертельную угрозу фронту»¹. Этот эпизод можно расценивать как доказательство раздражения Алексеева ситуацией при дворе, но никак не реальной подготовки переворота. Высказав курьезный план решения всех проблем с помощью ареста царицы, Алексеев явно был не в курсе планов Крымова. Может быть, Алексеев просто водил Львова за нос? Вряд ли. Если бы генерал был вовлечен в заговор Гучкова — Крымова, то мог бы легко перебросить группу офицеров Крымова к царскому поезду, особенно во время Февральской революции. Но этим «инструментом» не воспользовались, так как Алексеев ничего не знал о планах Гучкова, а у Крымова на практике не было никакой реальной группы боевиков.

Сам Гучков признал позднее: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось». Н.Н. Яковлев не согласен с таким самоуничижением: «А Маниковский?»² С ним установил контакт масон Некрасов, знакомый с Гучковым. Это вам не шутки! И что генерал Маниковский сотворил в критические февральские дни? Да ничего.

Нужно различать заговоры и разговоры. Контактируя с отдельными офицерами и даже генералами, либеральным политикам не удалось заручиться поддержкой «критической массы» военных руководителей, которые приступили бы к подготовке военного переворота в столице. А без этого можно вести либеральные беседы еще долго, пока кризис самодержавия не вызвал настоящую революцию.

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 107.

² Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 года. М., 1993. С. 258.

Но эта пропаганда имела важный результат — значительная часть офицерского корпуса склонялась к мысли, что конституционная монархия является оптимальным государственным устройством.

МАСОНЫ, МАСОНЫ, КРУГОМ ОДНИ МАСОНЫ

Легальная деятельность оппозиции и консультации либералов с военными переплетались с загадочной деятельностью масонов. Не смыкается ли реальная политическая игра кануна революции со средневековыми мистическими ритуалами? Может быть, империю погубил тайный заговор мистического ордена масонов?

Возникнув как оппозиция католическому мировоззрению и европейскому абсолютизму, масоны превратились в накопитель разнообразных нелегальных религиозных, философских и политических идей. На заре Нового времени они приучились скрывать свои цели за ритуалами и шифрами. Понятно и всеобщее недоверие к масонами, которые считают всех остальных профанами, и интерес к их секретам — а вдруг они действительно определяли ход мировой истории или обладали сверхзнанием, которое меняет наш мир? Не будем разочаровывать искателей масонских тайн позапрошлых веков. Но раз уж масонов объявляют творцами истории XX века, давайте разберемся, что известно достоверно. Рассмотрим роль масонов в Февральской революции.

Источники по реальной истории масонских организаций немногочисленны и противоречивы. Историки (не путать с публицистами и драматургами) провели разбор этих источников, указав на очевидно недостоверные и путанные свидетельства, после чего круг достоверных сведений сузился еще сильнее¹.

¹ См.: Николаевский Б. И. Указ. соч.; Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 12—67.

При этом важно учитывать, что ряд деятелей дореволюционной оппозиции занялись модной масонской игрой в эмигрантском безделье. Например, писательница Н.Берберова решительно расширяет круг масонов, ссылаясь на эмигрантские слухи, впрочем, сами по себе противоречивые¹. Участие политика в эмигрантском масонстве не доказывает его принадлежность к ложе до февраля 1917 г. Не утруждая себя доказательствами, Берберова использует «презумпцию» масонства — если либеральный или правосоциалистический политик, замешанный в интригах против государя, не отмежевался, причем решительно, от масонов — значит, он этот самый масон и есть. Так в масоны попали и Родзянко, и командующие фронтами, и генерал Алексеев. К таким «свидетельствам» следует относиться осторожно.

Масонство было модной игрой российской элиты между двумя революциями, элементом культуры эпохи Серебряного века, заимствованным из Франции (прежде всего от ложи «Великого Востока Франции»). Первые российские ложи XX века сохранили следы традиционного масонства — с мистическими атрибутами, которые могут вызывать улыбку или обвинения в сатанизме. Их политическое влияние было минимальным. В 1909 — 1910 гг. масоны были замечены охранкой, и филиал «Великого Востока Франции» в России формально самораспустился. Ряд бывших членов франкмасонства и действующих оппозиционных политиков решили использовать форму масонства для создания независимой от зарубежных масонов подпольной политической организации. В 1910—1912 гг. была создана новая организация «Великий Восток народов России», где уже не было масонских ритуалов, зато под покровом «масонской» секретности велись оппозиционные политические консультации и согласовывались некоторые политические акции. Верховный совет организации был выборным, характерная для настоящих масонов иерархия была упрощена, разрешен прием в ложи женщин. В эту органи-

¹ Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. // Вопросы литературы. 1990. № 1.

зацию вошел ряд деятелей кадетской партии, а также некоторые умеренные социалисты, включая депутата-трудовика А. Керенского и социал-демократов Н. Чхеидзе, А. Чхенкели и М. Скобелева.

Такова объективка. Но искатели тайн задают многочисленные вопросы. Были ли новые масоны враждебны империи не по политическим, а по религиозным мотивам сатанинского или иудаистского неприятия православной империи? Кто входил в состав масонской организации и насколько широки были связи масонства и всеохватен его заговор? Насколько организация управляла своими членами? То есть была она клубом политических консультаций или действенной централизованной организацией? Каковы были конкретные действия масонов во время Февральской революции, которые были продиктованы масонской дисциплиной? Иными словами, организовали ли масоны Февральскую революцию?

...

Устав «Великого Востока народов России», принятый на съезде 1912 г., разочаровывает искателей мистических мотивов масонской деятельности: «Масонство имеет целью искание истины и достижение нравственного совершенства человечества путем объединения людей на началах братской любви, взаимопомощи, терпимости и полной свободы совести. Отсюда девиз масонов: свобода, равенство и братство»¹. Просто клуб демократов, связанных взаимным уважением. От «регулярного масонства» осталась одна оболочка — и цели другие, и темы, и порядки. Главное сходство — строгая тайна всего, что происходит внутри. Но только ли масоны являются тайной организацией?

Нет, не годятся такие масоны на роль заговорщического штаба. Наверное, устав не отражает их боевой сущности? А что отражает?

¹ Цит. по: *Старцев В. И.* Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 124.

Историк Н.Н. Яковлев, активный защитник советской державы от происков диссидентов, неумоимо расследовал также и подрывную работу масонов против России. Он уверен, что после роспуска ложи «Великого Востока» «другие ложи, неизмеримо усилив конспирацию, продолжили свою работу по овладению ключевыми постами в государственной иерархии Российской империи»¹. Что это за ложи и на какие ключевые посты сумели они провести своих членов?

Масоны вроде бы руководили Прогрессивным блоком в Государственной Думе. Но он, как известно, не смог добиться контроля над правительством, после чего «те, кто считали себя руководителями русской буржуазии, решили из мозаики лож, орденов и братств отковать единую тайную организацию»². Здесь Яковлев загадочен, как масон. Кто эти загадочные «те»? Что за мозаика «лож, орденов и братств» и чем они отличаются друг от друга? Впрочем, стоит ли вникать в такие детали, когда вот-вот возникнет единая «откованная» тайная организация, которая заменит собой «мозаику» и будет действовать под руководством «тех» самых вождей буржуазии.

Размах «заговора по типу масонских лож» оказался нешуточным: «организация пронизывает и охватывает высшую структуру Российской империи, особенно двор, бюрократию, технократию и армию»³. Тут бы неплохо привести примеры масонов, руливших двором и правительством. И почему, раз все так «схвачено», Прогрессивный блок не сумел договориться с правительством. Кругом одни загадки, но Н.Н. Яковлева это не пугало. У него была улика — найденная в материалах полиции «Диспозиция № 1» Комитета народного спасения 1915 г. Полиция изыла бумагу у французского журналиста, к которому она попала от депутата Петроградской Думы А. Брянчанинова — издателя «Церковно-общественного вестника» и прогрессиста. Брянчанинов сооб-

¹ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Там же.

шил, что воспринял бумагу как курьез и не помнит, от кого ее получил. Полиция успокоилась, но масоноведы — нет. Ведь «Диспозиция» имелась и в бумагах Гучкова.

Депутат и бизнесмен Гучков, как мы видели, мечтал о перевороте. Так что он — фигура, во всех отношениях пригодная для того, чтобы объявить его главой заговора масонской буржуазии (или буржуазного масонства — все едино). Да и бумага суровая, составленная с офицерской прямоотой: «Немедленно назначить штаб верховного командования из десяти лиц, предоставив сие основной ячейке: кн. Львов, А. И. Гучков и А. Ф. Керенский... Верховное командование, организованное народом в борьбе за свои права, принять на себя А. И. Гучкову, как объединяющему в себе доверие армии и Москвы, отныне не только сердца, но и волевого центра России»¹. Так что по этому плану Гучкову следовало обосноваться в Москве и командовать оттуда «штабом десяти», армией, прессой и петербургскими депутатами.

Правда, ничего масонского здесь нет. Писано сие скорее офицером, пытавшимся приложить законы казармы к политической сфере. Гучков был более опытным политиком, чтобы писать такие вещи. Во всяком случае, появление «Диспозиции» в его архиве еще никак не доказывает, что именно он — автор и даже что он согласен с планом создания «комитета». Мало ли прожектов передают депутату.

Сам текст по стилистике очень сильно отличается от депутатских и масонских документов, и, читая его и тем более сопутствующую ему «Диспозицию № 2», трудно не согласиться с А. Я. Аврехом, что это — «типичный образец политической графомании»². Автор, судя по стилю, — офицер, который надеется своей диспозицией заставить разношерстных политиков ходить строем под командой Гучкова. Автор «Диспозиций» пытался донести свое мнение до своего кумира и других центристских деятелей — так они попали в соответствующие архивы.

¹ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 82—83.

² Там же. С. 86.

«Диспозиции» отражают настроения не масонских, а праволиберальных офицерских кругов, которые будут затем тяготеть к генералу Корнилову.

Пусть забавная «Диспозиция № 1» 1915 г. — исторический курьез. Но ведь Гучков действительно строил планы переворота, хоть и малореальные. Насколько он мог опереться при этом на масонскую организацию? Начнем с того, что нет надежных свидетельств участия Гучкова в масонстве до революции (он стал масоном уже в эмиграции)¹. Вспоминая о действиях масонов в канун Февральской революции, один из их лидеров Н. Некрасов видит важное достижение в том, что удалось «нащупать» группу Гучкова и связанных с ним военных². То есть, по Некрасову, Гучков был союзником масонов, а не участником их организации.

Гучков взаимодействовал с масоном Некрасовым. Но планы их не совпадали. В феврале Гучков рассказал о своем плане апрельского переворота, после которого Крымов должен был быть назначен генерал-губернатором Петербурга и произвести репрессии против оппозиции: «Левые захотят воспользоваться переворотом, и необходимо в столице иметь человека, который не побоялся бы перевешать кого надо. Крымов такой — он в три дня очистит Питер от всех, кто не нужен»³. Но перспектива такого «нового порядка» масонам не улыбалась. Дело в том, что они делали ставку на союз с левыми (о чем ниже).

С.П. Мельгунов реконструирует такую структуру заговора от Гучкова до большевиков. Гучков—Терещенко—Крымов планируют напасть на императорский поезд в марте 1917 г. (На самом деле — в апреле, но Мельгунову важно, чтобы план заговорщиков был как можно ближе к реальной картине революции.) С этой

¹ См. Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 109—117.

² Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 274.

³ Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 95—97.

троицей контактируют масоны, что позволяет рассчитывать на поддержку думской оппозиции. Важную роль играет Терещенко, через которого Гучков контактирует с Родзянко¹.

Стоп. Какой-то абсурд получается. Зачем Гучкову и Родзянко общаться через Терещенко, когда они и так прекрасно знакомы по думской деятельности и даже принадлежат к одной фракции октябристов.

А нужно это, чтобы демонизировать фигуру Терещенко, ибо он внезапно «всплывает» в первом составе Временного правительства, что станет главным доказательством участия его в формировании неких таинственных закулисных сил.

Гучков и без всяких масонов связан с думской оппозицией. Масоны связаны с социал-демократами, а Гучков и Крымов собираются в случае успеха переворота перевешать леваков. Так при чем здесь масонские связи? Может быть, Гучков хотел попользоваться социалистами для провокации волнений, а потом устроить им «ночь длинных ножей»? Тоже не получается. У Гучкова в ВПК есть рабочая группа, и весьма влиятельная. Он собирался налаживать отношения с рабочим классом через эту группу. Но если Гучков надеялся опереться на рабочую группу ВПК, то ничего из этого не вышло. В февральские дни она стала организовывать Совет. А это прямо противоречило планам Гучкова. Более того, он не ждал волнений в Петрограде для осуществления своих планов. Напротив, рабочие выступления сорвали весь план Гучкова.

...

Итак, Гучков действовал в контакте с масонами, но две эти группы были вполне самостоятельны. Гучков был полон решительных идей, но не имел средств к их осуществлению. Масоны были полны осторожности. Устройство лож было рассчитано не на управление членами, а на организацию благожелательного

¹ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 187—195.

диалога между ними. Меньшинство не было обязано подчиняться большинству. Стороны стремились найти консенсус¹. Так что говорить о централизованной дисциплинированной организации не приходится. Масон А. Гальперн вспоминал о ложе: «Главное, что я в ней ценил с самого начала, это атмосфера братских отношений, которая создавалась в ложах между их членами, — безусловное доверие друг к другу, стремление к взаимной поддержке, помощи друг другу»².

Масоны не всегда договаривались между собой — большие споры кипели между сторонниками единой и неделимой России и украинским националистом Грушевским.

Собиратель воспоминаний масонов Б.И. Николаевский считал, что они вырабатывали идеологию «заговорщического движения»³. Непонятно только, какие заговорщики просили об этом масонов. Как раз идеологов в российской оппозиции и без масонов хватало. Политическая идеология российских масонов того времени сводилась прежде всего к сближению либеральных и социал-демократических позиций. Идея, прямо скажем, не оригинальная, в том числе и в России. История русского освободительного движения знает немало примеров, когда социал-демократы правели, а либералы левели без всякого масонства.

Историк С. Мельгунов, которого самого приглашали в масоны, пишет: «Мне кажется, что масонская ячейка и была связующим как бы звеном между отдельными группами «заговорщиков» — той закулисной дирижерской палочкой, которая пыталась управлять событиями»⁴. Характерна неуверенность автора в излагаемой им версии: «мне кажется», «как бы звеном». Мельгунов и сам не уверен в том, что говорит, а вот современные мифотворцы уже ссылаются на него как на источник, не вызывающий сомнений.

¹ Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 30.

² Там же. С. 52—53.

³ Там же. С. 38.

⁴ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 187.

Запутавшись в реальных и выдуманных масонских связях, сам Мельгунов в итоге разочаровался в своих первоначальных версиях. В его поздней работе «Мартовские дни 1917 года» масонам уже практически не уделяется внимания. Как подметил С.Н. Дмитриев, «видимо, по прошествии лет Мельгунов еще более убедился в том, что этой «дирижерской палочке» не очень-то удавалось управлять событиями, а наоборот, череда быстростремительных событий диктовала ее «лихорадочные движения». «Музыку заказывала» народная стихия, потому-то революции и называются революциями»¹.

Вспоминая уже в советское время о действиях организации во время Февральской революции, Некрасов называет ее «своеобразным конспиративным центром «народного фронта», который помог «объединению прогрессивных сил под знаменем революции»². Приятно объявить себя «центром» всех прогрессивных сил. Но в чем это проявлялось конкретно?

Наибольших успехов масонская организация добилась на парламентском поприще. По воспоминаниям самих масонов, их парламентская ложа стояла левее Прогрессивного блока, так как мало интересовалась октябристами и привлекала в свой состав социал-демократов и трудовиков. Это в целом соответствовало последующей конфигурации Временного правительства первой половины 1917 г. Из-за различия политического курса «Верховный совет был в оппозиции к политике Прогрессивного блока»³, что делало масонов не штабом, а левым крылом думского большинства.

Социал-демократы вошли в ложу, потому что сочли, что «эта организация по своим задачам носит определенно революционный характер», а «ее решения нас не связывали»⁴.

¹ Дмитриев С. Н. «Мартовская одиссея» последнего императора России. // Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 8.

² Цит. по: Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 274.

³ Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 66.

⁴ Там же. С. 76, 79.

Согласование действий кадетов и меньшевиков в Думе, по мнению Б.И. Николаевского, было более выгодно для левых фракций, так как правые были более влиятельны в Думе и могли, в частности, обеспечить прохождение запросов социал-демократов¹.

Литературная ложа масонов включала либеральных и в меньшей степени социал-демократических журналистов. Воображение рисует картину могущественной медиа-корпорации, которая может по сигналу центра смешать с грязью любого и навязать людям любую идею. Но в реальности речь могла идти не об управлении волей, публицистов из разных газет, а о согласовании взглядов и обмене информацией. Некоторую роль масоны сыграли в агитационной кампании против Распутина (хотя явно были не единственными ее организаторами).

Как только их взгляды расходились, братья по ложе публично бросались в атаку друг на друга. Так, А. Гальперн указывает на Н. Суханова как члена организации. Известно, что с началом революции Суханов принялся резко критиковать и Временное правительство, и Чхеидзе. Сам Чхеидзе, по воспоминаниям Гальперна, стал отходить от масонов уже с началом войны, считая их роль законченной. По утверждению Чхеидзе, после Февральской революции он вовсе отошел от ложи, но Гегечкори считает, что Чхеидзе и Некрасов продолжали общаться «как брат с братом»². Это значит, что личные связи сохранились, но не доказывает, что Чхеидзе посещал ложу после февраля 1917 г.

Военная ложа прекратила существование с началом войны, да и прежде была неработоспособной. Но важно, что масоны контактировали с генералом Рузским через его брата Дмитрия, масона. Они не могли управлять генералом, но могли пропагандировать его. Масоны завязывали и другие неформальные связи с военными. Впрочем, это делали и другие либералы — не масоны.

¹ Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 33.

² Там же. С. 71—72, 81, 89.

Б. И. Николаевский суммирует доступную информацию о деятельности Верховного совета: «Успешными усилия Совета могли быть, только где речь шла о сравнительно небольших вопросах, о сглаживании углов и т.д.»¹. Чтобы оспорить этот вывод, авторы сенсационных версий о масонском заговоре должны приводить факты. Это редко случается.

Может быть, масоны устроили рабочие волнения, с которых началась революция?

Масонами были социал-демократы Чхеидзе, Гегечкори, Чхенкели и Скобелев. Для коллекции вовлекли также большевика Н. Скворцова-Степанова, который был скорее информатором большевиков, чем агентом масонов в большевистской партии.

По Яковлеву, масоны дают Чхеидзе прямо обратные команды: «удерживать рабочих от выступлений»². Тогда у масонов дела совсем плохи. Чхеидзе этим приказам не подчиняется, а действует в русле политики меньшевиков. 14 февраля они организуют рабочие демонстрации в поддержку Государственной Думы. Часть лозунгов была более радикальна, включая «Долой правительство!». Так, может быть, Яковлев что-то перепутал и масоны как раз решили устроить рабочий бунт, который стал поводом к перевороту? Опять не получается. Депутаты — правые социал-демократы ни при чем, так как они не имели отношения к организации выступлений 23 февраля. Какие замыслы ни приписывай масонам в отношении рабочего вопроса, в любом случае принадлежность Чхеидзе к масонской ложе не помогает их подтвердить. К организации социальной революции масоны оказались непричастны.

А. Гальперн признает: «Революция застала нас врасплох»³. Ры-

¹ Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 34.

² Там же. С. 253.

³ Там же. С. 70

чагов для воздействия на ситуацию у масонов не было. Можно было обмениваться информацией с теми братьями, которые, подобно Керенскому, бросились в водоворот событий, можно было смотреть из окна на бунтующие толпы и печалиться, что революция свершилась не так, как мечталось.

Даже историк Г. Аронсон, в целом склонный преувеличивать влияние масонов, считает: «Цели масонов совпадали с целями политических деятелей-немасонов, да и методы работы были те же, если не считать конспиративности организации, созданной масонами»¹. Но и конспиративность не была отличительной чертой масонов — ведь все революционные партии и группы действовали конспиративно. Масонов можно определить как подпольную организацию части либералов с участием некоторых социал-демократов и трудовиков. В этом отношении они, конечно, не тянут на роль штаба революции, а лишь на часть «народного фронта», совместными усилиями свалившего самодержавие. Структура этого неоформленного фронта включала и собственно революционное подполье, и масонов, и легальных социалистов, и думский Прогрессивный блок, и фрондирующих генералов, связанных с думским блоком. Одни части этого «фронта» не только не управляли другими, но часто даже не знали об их деятельности. Но все были готовы воспользоваться случаем, чтобы начать действовать сначала против самодержавия, а затем практически сразу — друг против друга.

РУКА БЕРЛИНА. ИЛИ ЛОНДОНА?

Версия масонского заговора все-таки имеет некоторую историческую подоснову. И масонский заговор, и заговорщические планы Гучкова существовали на самом деле. Просто их значение в событиях было незначительно и искусственно раздута мифотворцами.

¹ Аронсон Г. Масоны в русской политике. // Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 163.

Более сенсационная и прямолинейная версия — Февральскую революцию сделали иностранные агенты. Можно — и масоны, но только — по заказу англичан или немцев. Лучше всего, чтобы немцев. Враг сгубил монархию, все, кто против самодержавия, — предатели Родины.

Доказательство простое — «кому выгодно». Выгодно немцам. Но тут же выстраивается длинная очередь социальных и политических сил от большевиков до старообрядцев, которые были рады свержению самодержавия. Эмигрантский историк Г. М. Катков пытается спасти «немецкую версию», рассуждая от обратного. Известно, что народные выступления в Петрограде были стихийными. Партии не направляли события, в них все участвовали на свой страх и риск. Каткову непонятно, как такое может быть, и он делает вывод: «Вмешательство немецкой агентуры дает объяснение этому поразительному успеху «революции без революционеров»¹. Если бы Катков вдумался в эту свою мысль, он сам изумился бы ей. Получается, что немецкие агенты пользовались огромным авторитетом на предприятиях. Во всяком случае, большим, чем члены революционных партий. Эти агенты прекрасно умели «глаголом жечь сердца людей», поднимать народ на восстание, зато потом как-то вдруг исчезли, вернув лидерство революционерам. По своей экзотичности эта версия сопоставима разве что с другой такой же — о том, что немецкий десант совершил Октябрьский переворот. Только десантников никто не заметил. И следов агентов, совершивших Февральскую революцию, не осталось даже в германских архивах.

А там тщательно фиксировали попытки воздействовать на политическую ситуацию в России.

Подо всем этим ворохом догадок есть, пожалуй, два реальных факта. Как-то Милюков вскользь высказал обывательское суждение о немецком следе в революции, о котором сам ничего не знал. Второй факт более сенсационен: немецкий коммерсант и

¹ Катков Г. М. Февральская революция. Париж, 1984. С. 262.

социал-демократ, он же бывший русский революционер А. Гельфанд предложил властям своей страны способствовать революции в России. Власти согласились. Помимо мелких подачек русским социал-демократам и сепаратистам, которые помогли им в выпуске небольших тиражей пропагандистской литературы, первым крупным делом Гельфанда на новом поприще стала попытка организовать революцию в России 22 января (то есть 9 января по старому стилю) 1916 г., на что Гельфанду был выделен миллион марок¹. Что же, Гельфанд отчитался, что отправил деньги в Петроград. Лучший способ отчетности. Тем более что стачки состоялись и не могли не состояться — ведь была очередная годовщина 9 января, и положение рабочих за время войны ухудшилось. Уместно напомнить, что стачки на Путиловском после начала войны возобновились уже в августе 1915 г., до всей этой затеи. Так что Гельфанд мог спокойно просто присвоить деньги.

Кстати, роль Гельфанда как раз была двойственной, германские чиновники ему не доверяли, полагая, что он может в большей степени заботиться об интересах мировой социал-демократии, чем Германской империи. Гельфанд, в частности, убеждал немецкие власти воздержаться от наступательных действий против России². По мнению Гельфанда, «русский рынок и участие в индустриализации в России для нас важнее, чем любые территориальные приобретения»³.

Чтобы придать Гельфанду хоть какой-то вес в предыстории российской революции, его биографы высказывают гипотезу (но без доказательств) о связях его с социал-демократами-межрайонцами. Единственный аргумент, который приводится в пользу этой версии, — контакты Гельфанда с эмигрантами, которые позднее запишутся в межрайонцы (а не с теми межрайонца-

¹ Шиссер Г., Траутман Й. Русская рулетка. Немецкие деньги для русской революции. М., 2004. С. 35.

² Земан З., Шарлау В. Парвус — купец революции. Нью-Йорк, 1991. С. 246.

³ Там же. С. 278.

ми, которые действовали в Петрограде)¹. Важно и другое — роль межрайонцев была существенной в начале событий 23 февраля 1917 г., а не 22 января 1916 г., когда революцию планировал Гельфанд.

В любом случае, события февраля 1917 г. явились для Гельфанда (равно как и для немецких властей) полнейшей неожиданностью.

Даже Катков понимал всю склизкость его немецкой версии, выстраивая ее с помощью словечек «как говорили» (кто?), «возможно», «по всей вероятности». Но он уверен, что 23 февраля не обошлось без немцев. А как же. Ведь выступления начались с листовок социал-демократов-межрайонцев, в которых было написано: «Долой войну!» Явная немецкая инструкция².

Катков забывает (или делает вид, что забывает), что лозунг «Долой войну!» был распространен среди левых социалистов (интернационалистов) и направлен он был против обоих воюющих блоков. Так что немцы дали бы другую инструкцию, если бы у них были рычаги влияния на забастовщиков и российских социал-демократов. Ведь даже Катков знает, что началось-то с межрайонцев. А они как раз стояли на интернационалистических позициях. Так что Катков безосновательно навел белоэмигрантскую тень на революционный плетень.

...

Раз уж немцы не годятся в организаторы Февральской революции, можно примерить на эту роль англичан. Доказательства? Да тоже никаких. Один принцип «кому выгодно». Так они же не немцы — им вроде бы невыгодно. Из-за революции русский фронт под угрозой оказался. Однако нет пределов мифотворчеству. Вот Н. Стариков целую книгу посвятил сложносочиненному доказыванию, что англичанам было выгодно

¹ Земан З., Шарлау В. Указ. соч. С. 214.

² Катков Г. М. Указ. соч. С. 264.

поражение России в войне. «Именно наши «союзники» по Антанте убили Российскую империю. Первую скрипку в этом похоронном марше играла британская разведка»¹. Очень, понимаете ли, боялись англичане, что Россия усилится после победы над Германией. Одна неувязка — Германию-то еще не победили. Даже США еще не вступили в войну против Германии. А вот англичане решили переиграть сами себя — обеспечивают немцам возможность выиграть войну, перебросив силы с Восточного фронта на Западный. В общем, хитро заверчено.

Знание предмета для создания таких веселых версий не требуется. Н. Стариков выясняет, например, каково участие эсеров в событиях Февральской революции. Ознакомиться с известными на этот счет фактами — лениво. Достаточно «полистать мемуары известного нам лидера этой партии Виктора Чернова»². А там о февральских событиях ничего нет. Н. Стариков забыл, что Чернов находился в эмиграции, а в выступлениях февраля 1917 г. участвовали те эсеры, которые были в России. А ведь на своем незнании вопроса Н. Стариков начинает выстраивать ветвистую теорию: эсеры не организовали революцию. И кадеты. И немцы с большевиками не организовали. Кто организовал? Остаются англичане (куда только японцы подевались?).

Спору нет, британцы симпатизировали конституционным преобразованиям в России, так как считали, что это сделает социальную систему, а значит — и фронт более эффективными и устойчивыми. Но и этот, вполне понятный, мотив еще никак не доказывает причастность англичан к событиям. Нужно найти рычаги. Но обличители англичан и немцев не нашли каких-то конкретных механизмов, с помощью которых иноземцы руководили рабочими массами. Приходится начать с другой стороны — а кто на самом деле запустил маховик революции в Пет-

¹ Стариков Н. Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века. М., 2006. С. 7.

² Там же. С. 181.

роgrade, которым затем уже воспользовались разнообразные политические силы?

Пока либералы, масоны, окружавшие царя группировки интриговали, вели разговоры, напоминавшие заговоры, и строили заговоры, не продвигавшиеся дальше разговоров, в стране обострился застарелый социальный кризис, усиленный войной.

Глава II

Февральский взрыв

БАБИЙ БУНТ

Шаткость версии о том, что империя стала жертвой разветвленного, заранее спланированного заговора, не останавливает мифотворцев. У них есть резервный миф, реабилитирующий самодержавие, — революция стала течением случайных обстоятельств. Вообще-то снабжение Петрограда было организовано отменно, население хорошо питалось. Но вот случайные снежные заносы помешали вовремя прийти эшелонам с хлебом. Этим воспользовались хулиганствующие элементы, которые устроили беспорядки. В народе от этого начался массовый психоз. Тут как раз подоспели либеральные, масонские и прочие заговорщики, поднявшие войска на бунт. А вот если бы не заносы и хулиганы — империя выиграла бы у Германии войну, захватила бы проливы в Средиземное море и жила бы долго и счастливо.

Вовремя войны обострился социальный кризис, сложившийся в России еще в начале века. В 1917 г. ситуация вновь, как в 1904—1905 гг., стала революционной. Причины недовольства были теми же, что и в 1905 г., — аграрный кризис, тяжелое социальное положение рабочих, отказ режима делиться властью с предпринимателями и интеллигенцией, военные неудачи. За

время войны цены выросли в среднем в 3,7 раза. Уровень жизни в среднем упал на четверть. Но это — в среднем. Положение низов обострилось до крайности.

Фронт потреблял 250 — 300 миллионов пудов из 1300 — 2000 миллионов пудов товарного хлеба. Это пошатнуло продовольственный рынок. Город теперь тоже работал на оборону, а производство товаров народного потребления упало. Крестьянин не хотел везти хлеб на продажу: «как бы самим не остаться без хлеба». Даже на ЦК оппозиционной партии кадетов обсуждалась необходимость продразверстки и реквизиций хлеба¹. Теперь эта идея станет постоянным спутником истории страны вплоть до 30-х гг.

Царское чиновничество пыталось бороться с продовольственным кризисом, но от этого становилось только хуже. В конце 1916 г. царский министр А. Риттих утвердил твердые цены на хлеб и нормы их продажи государству по губерниям (тогда и прозвучало впервые страшное слово «продразверстка»). Но это не помогло. Правительство не имело аппарата для изъятия хлеба, а хлеботорговцы не торопились продавать его по твердым ценам. Так что заготовить удалось четверть от запланированного.

Не было и аппарата распределения заготовленного хлеба. Чиновники ревниво боролись с земцами и городским самоуправлением, вместо того чтобы опираться на них. В итоге в России впервые возник дефицит дешевого хлеба.

В обращении к царю председатель Думы Михаил Родзянко писал: «Население, опасаясь неумелых распоряжений властей, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением»². Кто в этом виноват? Масоны? Англичане? Отныне

¹ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. М., 1998. С. 350.

² Февральская революция. 1917. Сборник документов и материалов. М., 1996. С. 110.

этот социально-экономический фактор будет потрясать страну вплоть до Второй мировой войны.

Эффективность государственного управления была крайне низкой, так как задачи, стоявшие перед обществом, усложнялись, а аристократически-бюрократическая система управления оставалась прежней. Чиновники неохотно делились полномочиями с общественностью, даже такой узкой и элитарной. Что до царя, замкнувшего на себя принятие наиболее важных решений, то он если и перетруждался, то не государственными делами. М. Родзянко вспоминает о диалоге с царем: «После одного из докладов, помню, государь имел особенно утомленный вид.

— Я утомил Вас, Ваше величество?

— Да, я не выспался сегодня, ходил на глухарей. Хорошо в лесу было»¹.

Утомившись на охоте, Николай с трудом вникал в суть доклада.

...

Рабочие волнения в феврале начались внезапно, по стечению обстоятельств? Рассмотрим поподробнее эти обстоятельства.

9 января 1917 г. в Петрограде, Москве и других городах России прокатилась волна забастовок и митингов, приуроченных к годовщине Кровавого воскресенья 1905 г. К рабочим присоединились студенты. Демонстранты несли лозунги «Долой войну!», «Да здравствует революция!».

На этот раз Гельфанду не заплатили за организацию волнений. Уже стало ясно, что он тут ни при чем.

Усиление волнений низов не могло не беспокоить российские власти. Но действовали они привычными репрессивными методами. 27 января полиция арестовала членов возглавляемой К. Гвоздевым рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете. Представители рабочих организаций

¹ Родзянко М. В. Указ. соч. С. 208.

были «виноваты» лишь в том, что выдвинули план «мирной революции», которая должна совершиться «не нарушая спокойствие жителей», «не вызывая полицию на насилие»¹. Но само слово «революция», стремление к изменению существующего строя, в глазах режима уже было преступлением. Вместо того чтобы вступить в диалог с рабочим движением, правительство и полиция провоцировали конфронтацию. Они подрывали стабильность империи сильнее всяких масонов.

Император в этих условиях колебался. На совещании нескольких министров он заявил о готовности «даровать» ответственное министерство, но затем переменял решение и уехал в Ставку армии, оставив правительству карт-бланш на роспуск Думы. Он следовал советам жены: «Только, любовь моя, будь тверд, покажи хозяйскую руку, именно это нужно русским, дай им иногда почувствовать твой кулак. Они должны научиться бояться тебя — одной любви недостаточно». Николай не мог не согласиться: «Все, что ты пишешь о том, чтобы быть твердым, хозяином, совершенно верно»². Развивая тему, будущая святая предложила конкретные меры: «Я надеюсь, что Кедринского из Думы повесят за его ужасную речь, — это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером»³. Имеется в виду речь Керенского, где он заявил: «Величайшая ошибка — стремление везде и всюду искать изменников, искать отдельных там немецких агентов, отдельных Штюрмеров... У вас есть гораздо более сильный враг — это система...»⁴ Речь шла о системе самодержавия. Уступать «распоясавшимся» депутатам царь не собирался.

Не таинственные заговорщики, а руководители самодержавного режима оказались главными организаторами социального взрыва.

¹ Канун революции. Пг., 1918. С. 99—100.

² Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 528, 530.

³ Февральская революция. С. 203.

⁴ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 615.

Очереди за хлебом — «хвосты» превращались в многочасовые митинги, прежде всего женские. «У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде получить булку или черный хлеб», — писала «Речь» 14 февраля. При этом более дорогие булки и кондитерские изделия имелись в изобилии, но на них у рабочих не было денег. А министр Риттих все недоумевал по поводу «страшного требования именно на черный хлеб»¹. У него-то хватало денег на белый.

В феврале ситуация обострилась. Риттих ссылаясь на снежные заносы. Вот если бы не заносы — все было бы нормально. Но что мешало наладить полноценное снабжение раньше? Уже в январе 1917 г. продовольственное снабжение Петрограда и Москвы составило 25% от нормы². Февральские заносы стали только «последней каплей» транспортного паралича, охватившего Россию. «Железные дороги, главным образом вследствие отчаянного состояния паровозов, начали впадать в паралич»³, — характеризовал ситуацию член инженерного совета Министерства путей сообщения генерал Ю. Ломоносов. «Состояние паровозов» было вызвано развалом машиностроения и ремонтной базы. Пало производство металла, поскольку к домнам не подвозили топливо. Стремительное падение угледобычи усугубляло развал транспортной системы.

Хлебный кризис обострился также из-за «распри по поводу контроля над продовольственным снабжением»⁴ между правительством и городскими властями — следствие неуступчивости правительства в отношениях с общественностью. Только когда разразится катастрофа, министр Риттих согласится с разумностью предложения о передаче распределения продовольствия городскому самоуправлению. Но будет уже поздно.

¹ Февральская революция. С. 44.

² Лейберов И. П., Рудаченков С. Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 18.

³ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914—1919; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. С. 219.

⁴ Катков Г. М. Указ. соч. С. 255.

Городские власти стали обсуждать введение карточной системы, петроградский градоначальник воспротивился. Нехватка хлеба привела к всплеску ажиотажа, прилавки и вовсе опустели. Власти располагали запасом хлеба, но отказались пустить его в продажу. Рабочие, пришедшие в булочные после работы, остались без еды.

...

Свою лепту в начало революции (но не «желательной» для либералов дворцовой, а настоящей, социальной) внесло наступление на социальные права рабочих. 8—9 февраля началась забастовка рабочих Ижорского завода, где зарплата снизилась в полтора раза. 16 февраля войска заняли завод. 17 февраля началась стихийная забастовка на Путиловском заводе, которая к 21 февраля охватила все предприятие. Забастовщики избрали стачечный комитет, в который вошли большевики, анархисты, левые меньшевики и левые эсеры. Эти «низовые» радикалы и станут заводилами событий 23 февраля. 22 февраля администрация приняла решение об увольнении всего коллектива завода. В столице возникла критическая масса недовольных рабочих, которым было нечего терять. В то же время остальные рабочие, измученные нехваткой продовольствия, представляли собой взрывоопасную среду. Не хватало только «детонатора». Один из полицейских доносил: «Среди населяющей вверенный мне участок рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба... Легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла такого размаха, что некоторые, дождавшись покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости»¹. В этой обстановке малейшая искра могла вызвать взрыв. Так что «случайность» революции — чистый миф.

¹ Цит. по: Лейберов И. П., Рудаченков С. Д. Указ. соч. С. 18.

Однако, по справедливому замечанию Н. Суханова, «ни одна партия не готовилась к великому перевороту. Все мечтали, раздумывали, предчувствовали, ощущали»¹. Мечта о революции была абстрактной, но революционные партии не забывали о дежурных «красных датах» календаря. 23 февраля по юлианскому календарю (8 марта — по грегорианскому) Междурайонный комитет РСДРП(б) с помощью группы эсеров во главе с будущим левым эсером В. Александровичем решили, объединив свои возможности, напечатать и распространить листовки к Международному женскому дню. В них перечислялись основные проблемы дня, обличалось самодержавие и капиталисты: «Сотни тысяч рабочих убивают они на фронте и получают за это деньги. А в тылу заводчики и фабриканты под предлогом войны хотят обратить рабочих в своих крепостных. Страшная дороговизна растет во всех городах, голод стучится во все окна». И выводы: «Долой самодержавие! Да здравствует Революция! Да здравствует Временное Революционное Правительство! Долой войну! Да здравствует Демократическая Республика!»² Идеология этого документа бесконечно далека от верхушечного заговора элиты. Революция начиналась совсем не так, как мечталось Гучкову и масонам.

В напряженной социальной обстановке не нужно больших ресурсов, чтобы организовать волну уличных выступлений. Достаточно бросить в народ удачные лозунги «на злобу дня», объясняющие, кто виноват и что делать, и собрать критическую массу митингующих. Тогда она станет обрастать народом сама собой. Люди подходят к митингу, поддерживают лозунги и становятся демонстрантами, собравшийся народ ощущает свою силу и эмоциональный подъем. Нынешнее поколение могло наблюдать аналогичный процесс во время перестройки, когда небольшие группы неформалов запустили волну массовых манифестаций. Именно это произошло и в феврале 1917 г., когда небольшая группа социалистов запустила цепную реакцию в Петрограде.

¹ Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1 С.49.

² Пролетарская революция. 1923. Т. 1. С. 283—284.

Остановить ее мог только страх перед репрессиями. Но возмущение населения было сильнее страха.

В небольшие демонстрации работниц-социалисток быстро вливались потоки женщин, стоявших в «хвостах». Затем к демонстрантам присоединились массы уволенных накануне путиловцев и ижорцев. Работницы Невской текстильной мануфактуры сняли с работы тружеников фабрики «Новый Лесснер». К рабочим присоединились студенты. Процесс принял лавинообразный характер.

ПСИХОЗ ХУЛИГАНОВ?

Еще один миф, связанный с революцией, можно назвать одним словом — «психоз». Историографическая мода сегодняшнего дня — оставить в стороне исследование социальных процессов и обратиться к массовой психологии. Правда, такие авторы редко предварительно изучают психологическую науку и проводят конкретные психологические исследования. При взгляде на революцию результат исследования известен мифотворцам заранее. Во время революции люди ведут себя не так, как положено добропорядочным и стопроцентно нормальным мещанам. Так что налицо явное буйное помешательство, истерия или психоз.

Псевдопсихологический подход, изображающий революцию как психоз, уходит корнями в высокомерное восприятие действительности как борьбы либерально-западнических принципов (разумеется, воспринимаемых автором как истина в последней инстанции) и архаики, куда относится та часть общества, которая не постигла всей мудрости либерализма. Попытка помыслить и тем более воплотить в жизнь какое-либо новое общество, отличное от либерального, характеризуется в качестве утопии и бунтующей архаики, анархии (безграмотно перепутанной с хаосом) и массового психоза. Эта схема применительно к Российской революции была выдвинута ее активным участником

П. Н. Милюковым¹ и несет на себе следы явного разочарования в народе, который «не оправдал высокого доверия партии» — в данном случае либеральной.

Забавно, что еще эмигрантский историк С.П. Мельгунов, всеупоминавший об этом «психозе», в доказательство приводил факт снижения уровня преступности во время революции². Убивают людей в Кронштадте — психоз. Не убивают и не грабят — тоже психоз. Просто психозомания какая-то. Вот современный историк И.Л. Архипов, рассматривающий события как некий психоз, объясняет причины всплеска митинговой активности в феврале 1917 г. как «эмоциональный стресс, связанный с недостаточным пониманием происходящего»³. Остается только определить «достаточное» понимание.

Скромное обаяние псевдопсихологического подхода к истории улетучивается, стоит вспомнить о значении терминов. «Стресс» — это всего лишь психологическое напряжение, вызванное внешним воздействием. Какое уж тут «недостаточное понимание», когда людям есть нечего. Понятно — у них стресс. Но высокомудрые аналитики убеждают, что если бы петроградцы все «достаточно понимали», то у них никакого стресса бы не возникло и они этим пониманием как святым духом бы питались. «Психоз» — другое дело, это — психическая болезнь, приводящая к нарушениям восприятия и поведения. То есть люди, вышедшие на улицу с лозунгами «Хлеба!» и «Долой самодержавие!» — это психически больные субъекты. Болезнь их заключается в том, что они воспринимают реальность не так, как верноподданные мещане и нынешние благовоспитанные либералы. И поведение у них какое-то странное. И взгляд голодный. В общем — всех в психушку. Там и накормят.

¹ См., например: Милюков П. Н. История Второй русской революции. С. 18—20.

² Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. С. 96.

³ Архипов И. Л. Указ. соч. С. 98.

А люди, в общем, требовали, чтобы была создана власть, не относящаяся к ним как к скоту. С точки зрения элитарного сознания — это явный «психоз».

...

Огромные демонстрации, обрастая по дороге все новыми и новыми толпами, двинулись к центру города, громя (но не грабя) дорогие булочные.

Императрица информировала супруга: «Это «хулиганское движение», юноши и девушки только для подстрекательства бегают с криками, что у них нет хлеба, а рабочие не дают другим работать»¹. Писатель А. Солженицын не может не согласиться с будущей святой и презрительно называет демонстрантов «уличными забияками, бьющими магазинные стекла, оттого что к этому болоту не сумели завезти вазаль хлеба». Под «болотом» подразумевается Петроград. Ссылаясь на министра земледелия Риттиха, Солженицын утверждает, что в Петрограде оставалось 700 тыс. пудов хлеба для гражданского населения. «Это, на потребляющих ржаной, по фунту хлеба в день на человека»². Но на сколько дней? Делим 700 тыс. пудов на указанное Солженицыным количество жителей Петрограда (2,5 млн.) и получаем, что по фунту в день на человека (а это — две ленинградские блокадные нормы) можно раздавать в течение 11 дней при жесточайшей дисциплине распределения — которой требовало городское самоуправление вопреки воле градоначальника, но которой в столице не было. А была спекуляция.

Но и 11 дней по фунту в день можно было бы теоретически обеспечить при условии, если все 700 тыс. пудов — только ржаной хлеб. Но в том-то все и дело, что при жесточайшем дефици-

¹ Мейлунас А., Мироненко С. Указ. соч. С. 531.

² Солженицын А. И. Красное колесо. Узел III. Т. 1. Вермонт — Париж, 1986. С. 42, 111.

те дешевой «черняшки» за витринами лежал дорогой белый хлеб и кондитерские изделия. В этих условиях негодование рабочих было вполне объяснимо.

Особенно раздражали рабочих случаи, когда хлеб укрывался продавцами с целью спекуляции. Так, 24 февраля рабочие стали громить булочную на Каменоостровском проспекте, где, несмотря на заверения служащих, обнаружился запас. Чтобы остановить погром, полиция принудила распродать его немедленно¹.

24 февраля командующий войсками Петроградского военного округа генерал С. Хабалов срочно выделил хлеб населению из военных запасов, но это уже не остановило волнений. Людей нельзя было просто успокоить подачками, потому что это были люди, а не животные. Они уже пришли к выводу, что в их бедах виновата Система. Демонстранты несли лозунги «Долой самодержавие!». Тем временем «хулиганы» самоопределялись политически. Они не собирались просто громить булочные. Среди митингующих появились активисты и сторонники парламентских партий, которые стали призывать демонстрантов идти к Таврическому дворцу «с требованиями к Государственной Думе об устранении настоящего правительства»².

Попытки полиции рассеивать митинги встречали сопротивление. 23 — 24 февраля было избито 28 городских. Иногда рабочим помогали в этом казаки, которые до сих пор считались опорой порядка. Вот такие «уличные забияки». Прозвучали первые выстрелы. Власти уверяли, что стреляли из толпы. Погибла женщина, был ранен демонстрант, который утверждал, что стрелял городской³.

Влияние правящего режима в столице таяло на глазах. «Дело было в том, что во всем этом огромном городе нельзя было найти нескольких сотен людей, которые сочувствовали власти...

¹ Февральская революция. С. 35.

² Февральская революция. Сборник документов и материалов. С. 28.

³ Там же.

Дело было в том, что власть сама себе не сочувствовала», — вспоминал депутат В.Шульгин¹.

«Я вспоминал атмосферу Московского восстания 1905 г., — писал Н. Суханов. — Все штатское население чувствовало себя единым лагерем, сплоченным против военно-полицейского врага. Незнакомые прохожие заговаривали друг с другом, спрашивая и рассказывая о новостях, о столкновениях и о диверсиях противника. Но замечалось и то, чего не было в Московском восстании: стена между двумя лагерями — населением и властью — не казалась такой непроницаемой: между ними чувствовалась диффузия. Полицейские и казачьи части разъезжали и расхаживали по улицам, медленно пробираясь среди толп. Но никаких активных действий не предпринимали, чрезвычайно поднимая этим настроение манифестантов»². «Силовые структуры» режима разлагались. То, что царице и нынешним монархистам кажется хулиганством, на деле было стремлением большинства изменить опостылевшую жизнь.

«ДОБРЫЙ ГОСУДАРЬ»

Сегодня принято любить царей. Особенно таких замечательных, как Николай II. При нем расстреляли народ 9 января? Да что вы говорите! Царь тут ни при чем, он срочно уехал из столицы перед расстрелом. Да и вообще народ сам виноват — нечего было ходить с глупыми требованиями к царю встречаться. А так царь был очень добрый, стрелял только в птиц и животных. И какой был отменный семьянин — вы читали его письма к жене? Обязательно прочитайте — будете плакать всю ночь. Но государю не повезло — ему достался народ-предатель. Когда в Петрограде начались массовые хулиганства, народ не порвал смутьянов на части, генералы не

¹ Шульгин В. В. Дни. 1920. М.1990. С 173.

² Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 57—59.

стерли столицу в порошок, и царь-государь не захотел дальше руководить таким неблагодарным народом.

Драматург Э. Радзинский рассказывает своим доверчивым читателям и слушателям, что, уезжая в ставку, царь «предполагал возможность бури, о которой ему все твердили, и решил с ней не бороться... И когда она разразилась, он лишь с нетерпением ожидал развязки. Он не хотел и не мог больше воевать с обществом, но он знал — она (императрица. — А. Ш.) не даст ему мирно уступить... У него оставался выбор — или она, или трон. Он выбрал ее. Он выбрал частную жизнь с семьей... Он ожидал, что Дума контролирует положение, что переворот, о котором все твердили, подготовлен... Но вскоре он узнал — чернь вышла на улицу. По телеграммам он с ужасом понял: думские говоруны не контролируют положения. Вот тогда он испугался за Аликс, за детей. Беспорядки могли переброситься в любимое Царское. Николаю пришлось начать действовать»¹.

Эта смелая версия была бы хороша, если бы Николай начал действовать 27 — 28 февраля, когда обстановка в столице действительно не контролировалась ни Думой, ни Хабаловым. Но в действительности реакция императора на события последовала уже 25 февраля, сразу же после того, как ему сообщили о происходящем. Никакой готовности сдать трон и удалиться в «частную жизнь» император не проявил. Напротив, Николай отправил Хабалову телеграмму, оказавшую прямое влияние на дальнейший ход событий: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии»². У Николая уже был опыт 9 января 1905 г. Тогда трагедию еще можно было «списать» на плохих исполнителей и стечение обстоятельств. Теперь Николай принял решение, зная, что оно ведет к кровопролитию.

¹ Радзинский Э. «Господи: спаси и усмири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М., 1993. С. 206—207.

² Цит. по: Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 621.

«Эта телеграмма... меняхватила обухом... — вспоминал потом генерал Хабалов. — Как прекратить завтра же?... Государь повелевает прекратить во что бы то ни стало... Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорят: хлеба дать — дали хлеба, и кончено. Но когда на флагах надпись «Долой самодержавие», какой же тут хлеб успокоит!.. Царь велел: стрелять надо, и я убит был»¹. Телеграмма царя означала конец попыток как-то урезонить доведенные до отчаяния массы.

Позднее предпринимались попытки снять ответственность с Николая с помощью утверждения, будто он послал эту телеграмму на сутки позднее. То есть Хабалов начал стрелять в толпу по собственной инициативе. Но тогда строгая телеграмма царя вообще теряет смысл (зачем подстегивать и без того ретивого генерала). К тому же в ней царь все равно одобряет жестокость Хабалова. Никакого намерения уйти от дел нет и в помине. Очевидно, что телеграмма была не единственным сигналом, с помощью которого царь направлял действия Хабалова. Его контролировал Протопопов, выполнявший конкретные указания императора. Николай писал жене: «Я надеюсь, что Хабалов сумеет быстро остановить эти уличные беспорядки. Протопопов должен дать им ясные и определенные инструкции»².

Получив указания царя (напрямую или через Протопопова), Хабалов собрал командиров батальонов и заявил: «Раз толпа агрессивна, то действовать по уставу — после троекратного сигнала открывать огонь»³.

Вечером 25 февраля демонстранты, привыкшие к относительной безопасности своих действий, были встречены войсками. Первый выстрел утром 25 февраля был, видимо, произведен случайно. В полшестого вечера отряд драгун открыл огонь по митингующим, убив и ранив 11 человек. В демонстрантов стре-

¹ Цит. по: Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 179.

² Там же. С. 180.

³ Там же.

ляли и на Невском проспекте¹. Теперь команда стрелять отдавалась вполне сознательно. Ибо исходила она с самого верха самодержавной власти: «Повелеваю завтра же прекратить!»

Расстрелом демонстрантов власти были намерены перейти в наступление. Однако кровопролитие привело к новому витку революции. Начались столкновения рабочих с войсками вокруг заводов. На Выборгской стороне были воздвигнуты баррикады. В результате рабочие кварталы оказались вне контроля властей.

«Продолжая наступление», власти в ночь на 26 февраля арестовали около 100 активистов революционных партий. Но революция развивалась уже независимо от политических активистов. Толпы «рождали» агитаторов из собственной среды сотнями. Организованность движению пытались придать и левые думские лидеры. Думу еще можно было использовать как инструмент возможного умиротворения масс.

Еще 26 февраля председатель Думы М. Родзянко, пытаясь как-то спасти ситуацию, которая грозила парламенту катастрофой (как казалось, прежде всего в случае победы самодержавия над «бунтом»), отправил царю телеграмму с предложением создания правительства во главе с популярным деятелем. Родзянко уверял, что «иного выхода нет, и медлить невозможно»². Во всяком случае второе было верно. Прочитав телеграмму, Николай сказал своему приближенному: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал всякий вздор, на который я ему даже отвечать не буду»³. Вместо ответа царя депутаты получили указ о приостановлении заседаний Думы.

Предпринимая этот шаг, премьер Горемыкин стремился «охладить страсти», которые якобы разжигала Дума. Правительству казалось, что оно даже идет навстречу «разумной» части депутатов. Накануне роспуска прошли консультации министров Риттиха и Покровского с депутатом Маклаковым, выступавшим от имени Прогрессивного блока. Маклаков выдвинул программу

¹ Февральская революция. С. 53.

² Там же. С. 110.

³ Милуков П. Воспоминания. М., 1991. С. 452.

выхода из кризиса: Дума ненадолго распускается, назначается новый популярный премьер из военных (Алексеев), который сам назначает «правительство доверия» из популярных министров, ранее уволенных придворной камарильей: Коковцева, Сазонова, Самарина и др.¹. Правительство имело право выполнить первый пункт этого плана, но не последующие. Царь не собирався назначать премьер-министром популярного деятеля, делиться властью хотя бы с ним.

27 февраля, протестуя против роспуска Думы, Родзянко телеграфировал царю: «Последний оплот порядка устранен»². Раз Николай глух к умеренным предложениям думских лидеров, им волей-неволей пришлось искать другую опору — в народном движении.

Народные избранники подчинились решению о роспуске и разошлись, но «члены Думы, без предварительного сговора, потянулись из залы заседания в соседний полуциркульный зал», — вспоминал депутат П. Милюков³. В этом «зале для игры в мяч» Русской революции был создан Временный комитет Государственной Думы (ВКГД) для «водворения порядка в г. Петрограде и сношений с организациями и лицами»⁴. Примечательная формулировка. Депутаты надеялись выиграть в любом случае. Победит царь — мы водворяли порядок. А если процесс пойдет дальше — представители Думы могут, действуя от ее имени, возглавить «общественные организации».

Комитет был создан так, чтобы в случае победы самодержавия депутатов нельзя было обвинить в нарушении закона. Таким образом, думский комитет становился единственным легальным органом, в котором бунтовщики могли обрести заступника перед лицом монаршего гнева.

В комитет, который иногда именовал себя также исполнительным комитетом (претензия на административные полно-

¹ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 189.

² Февральская революция. С. 111.

³ Милюков П. Указ. соч. С. 454.

⁴ Февральская революция. С. 115.

мочия), вошли кадеты, октябристы, социалисты. В центре оказались кадеты.

Между депутатами возникли споры относительно дальнейших действий. Характерно, что недавние товарищи по масонской ложе вовсе не сходились во мнениях. Некрасов предлагал создать военную диктатуру, а Чхеидзе выступал против этого¹.

Милюков, вспоминая о создании комитета, пишет о «самоубийстве Думы». Однако в этот момент Дума еще не прекратила свое существование, а лишь прервала заседания. Убийство (а не самоубийство) Думы лидеры ее либерального большинства произведут позднее.

Более того, в сознании масс Дума продолжала жить полноценной жизнью. Об официальной приостановке ее деятельности знали немногие (да и какое значение мог иметь указ царя в такой обстановке), и вскоре именно Дума, а точнее, место ее расположения — Таврический дворец стал центром притяжения восставших. Как законное учреждение, Дума обеспечивала какую-то видимость законности всему движению. Таким образом, Николай II своими действиями не только резко обострил ситуацию, но и толкнул парламентский центр ко все более активному участию в революции, исключив возможность достижения компромисса.

Своими действиями Николай II при поддержке супруги наносил такие удары по самодержавию, которые не могли бы нанести никакие масоны.

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ И ИНТРИГИ

27 февраля в Петрограде началось уже полноценное вооруженное восстание. Это знают все. Но мифотворцам важно доказать, что оно стало результатом либо закулисных интриг, либо шкурных настроений. Решиться на участие в восстании — это выбор, требующий некоторой смелости.

¹ Февральская революция. С. 113.

Поэтому важно объявить повстанцев трусами и маньяками бессмысленного разрушения. Это хаотическое выступление в Петрограде было легко подавить. Но заговорщики — политики и генералы — помешали сделать это, проводя свой заранее спланированный переворот.

Не обнаружив прямой связи дофевральских заговорщиков и Февральской революции в Петрограде, сторонники идеи искусственно организованной революции начинают строить замысловатые версии вредительства либералов. В. Кобылин, опираясь на мнение И. Солоневича, видит признаки заговора в том, что в феврале 1917 г. в столице не было «достаточного числа надежных кадровых войсковых частей»¹. Явные признаки вредительства в Генеральном штабе. Идет ожесточенная война, на фронте каждая боеспособная часть на счету. А генерал Алексеев оставляет в столице (в тылу) новобранцев и второсортный контингент. Вот В. Кобылин и другие монархические аналитики поступили бы наоборот. Второсортных солдат — на самые опасные участки фронта, а в столицу — самые боеспособные части. Видимо, чтобы дать там последний и решительный бой германцу, когда он, прорвав неустойчивый фронт, придет под Петроград.

Недовольство солдат в Петрограде имело объективные причины. Петроград как крупный тыловой город был одним из центров подготовки и размещения новобранцев. «В казармах царила невероятная теснота... Солдатская масса жила столичными слухами, общалась с рабочим населением, настроенным пораженчески... Солдатская масса была проникнута одним страстным желанием — чуда, которое избавило бы ее от необходимости «идти на убой»², — считал С. Ольденбург. Нежелание идти «на убой», видимо, играло роль в мотивах, которые двигали солдатской массой в феврале. Но, как показали последующие события, солдаты еще не были настроены «пораженчески». Так что попытки объяснить их поведение ис-

¹ Кобылин В. Указ. соч. С. 181.

² Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 618.

ключительно «шкурными» мотивами — присущая мифу односторонность. Приняв участие в восстании, солдаты пошли на большой риск. Позднее значительная часть этих людей будет сражаться в Гражданской войне, защищая «свою» власть. Тогда (в отличие от мировой бойни) они будут знать, ради чего умирают.

Прежде всего на сознание солдат действовали приказы стрелять по толпам населения. Впервые с 1905 г. в столице так обильно лилась кровь. 26 февраля восстала 4-я рота запасного батальона Павловского полка. «Видя картину расстрела безоружных, видя раненых, падающих около них, павловцы открыли огонь через канал по городовым... — писал Н. Суханов. — Павловцы же вернулись к своим казармам уже в качестве бунтовщиков, сжегших свои корабли, и призывали товарищей присоединиться к ним. Тут и произошла перестрелка между верной и восставшей частью полка»¹. Восставших окружили, урезонили с помощью священника. 19 «зачинщиков» были арестованы. Но победители не досчитались 21 винтовки. Оружие «ушло» к рабочим.

Восстание павловцев не только показало пример солдатам гарнизона, но и поставило перед ними дилемму — будут ли «зачинщики» «страдать за правду» или их можно «выручить». Можно ли довести дело павловцев до победного конца? Этот вопрос обсуждался в казармах в ночь с 26 на 27 февраля. Унтер-офицер Кирпичников (студент, призванный в армию в 1915 г.) сумел убедить солдат Волынского полка восстать. 27 февраля армия стала переходить на сторону революции. Волынцев поддержали павловцы, решившие «выручать» вчерашних бунтовщиков. Восставшие части и подразделения двинулись к центру. Соппротивление им было оказано только вокруг Невского проспекта. Верные правительству части отходили к Зимнему дворцу и Адмиралтейству. Пытаясь приостановить развитие «мятежа», Хабалов направил в район Литейного проспекта отряд полковника А. Кутепова численностью около 1000 штыков. Однако этот отряд быстро сме-

¹ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 65.

шался с восставшими. Солдаты не хотели стрелять «по своим» ради сохранения самодержавия. И в этом была главная причина и восстания, и его успеха в Петрограде.

Эмигрантский историк Г. М. Катков склонен преувеличивать роль либеральной пропаганды Гучкова среди офицерства, полагая, что «этим можно объяснить поведение офицеров во время восстания 27 и 28 февраля»¹. Но за этой гипотезой нет фактов, доказывающих, что восставших офицеров распропагандировал именно Гучков и его группа. К тому же офицеры как раз примыкали к революции постепенно, активное участие в событиях 27 февраля приняли единицы из них. Мифотворцы просто не понимают разницы между переворотом и восстанием. При перевороте солдаты делают то, что им приказывают офицеры-заговорщики. В условиях восстания его участники действуют более сознательно, под влиянием своих побуждений (может быть, и эмоциональных, но не слепых). Солдаты 26—28 февраля действовали сами, подчиняясь только тем офицерам, которых считали революционерами. К остальным офицерам они относились враждебно как к представителям режима.

...

Восставшие войска освободили политзаключенных, в том числе рабочую группу ВПК во главе с К. Гвоздевым. «Гвоздевцы» ничего не обещали либералам и теперь делали то, что и должны были делать социалисты: включились вместе с другими социал-демократами и эсерами в создание Совета, противостоящего буржуазии.

Рабочие и левые активисты не были сторонниками социального хаоса и понимали, что движению требуется организация. Иначе события так и могли остаться всего лишь хлебным бунтом. 23 — 24 февраля проходили совещания представителей рабочих организаций и социалистических партий. На них возникла идея

¹ Катков Г. М. Указ. соч. С. 184.

обратиться к опыту 1905 г. и создать Советы рабочих депутатов¹. Временный исполнительный комитет Совета, пополнившись уже избранными депутатами, приступил к организации выборов в Совет по всем заводам. Днем 27 февраля Совет уже проводил свое первое заседание, посвященное организации порядка, военных действий и снабжения войск. Сила Совета заключалась в том, что он опирался на низовую самоорганизацию трудящихся масс. Повсеместно возникали ячейки активистов, готовых выполнять распоряжения Совета, а также районные советы. Одновременно временный исполком Совета «принял экстренные меры к организации продовольствия для восставших, отбившихся от казарм, распыленных и бездомных воинских частей», — вспоминал член исполкома Совета Н. Суханов². Таким образом, «Таврический дворец превращался не только в боевой штаб, но и в питательный пункт. Это сразу создавало практическую связь между «Советом» и солдатской массой», — отмечал Ольденбург³. Вскоре Совет стал пополняться представителями восставших частей.

В исполком прошли прежде всего известные рабочим лично лидеры левосоциалистических группировок, а также те, кто удачно выступил на первом заседании Совета. 28 февраля состав исполкома был дополнен представителями (в большинстве своем более умеренными) революционных партий.

Совет действовал решительно. Он приказал изъять все имеющиеся запасы муки и пустить их в хлебопекарни⁴. Хранить их дальше не было смысла — либо к городу подойдут уже направленные эшелоны с хлебом, либо разразится голод.

Так в городе возник новый орган власти, тесно связанный с предприятиями, восставшими частями, революционными партиями и организациями рабочих. Теперь речь шла не о бунте и не о политическом перевороте, а о борьбе широких социальных

¹ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 55.

² Там же. С. 76.

³ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 624.

⁴ Февральская революция. С. 83.

слоев за власть с целью изменения самих принципов формирования социально-политической системы страны, то есть о социальной революции. Но революция — это не синоним хаоса и чистого разрушения. Революция рождала свою организацию, центрами которой были Советы.

Дума не противостояла Совету, а пыталась опереться на его авторитет. Совет создал продовольственную комиссию, и «Исполнительный комитет Государственной Думы» присоединился к этому начинанию, согласившись поставить свой «лейбл» после наименования Совета. Комиссия стала именоваться «Продовольственная комиссия Совета рабочих депутатов Петрограда и Исполнительного комитета Государственной Думы»¹.

Конечно, влияние Думы на ход революции оставалось очень значительным. Так, 28 февраля Петропавловская крепость перешла на сторону революционных сил только после того, как представитель ВКГД переговорил с комендантом². Но влияние депутатов было только моральным. Конкретных военных сил у них не было. Когда солдаты восстали, Керенский обзванивал своих знакомых демократов, которые по его инициативе направляли бродившие по городу отряды к Думе.

Пользуясь своим внезапно возросшим влиянием, Керенский пытался максимально снизить издержки революции. Он бросил лозунг: «Государственная Дума не проливает крови», который спас многих деятелей старого режима³.

Дума, оставаясь символом движения, не контролировала его. Бунтующие солдаты и жители иногда убивали полицейских, особенно после того, как распространились слухи, что полицейские с крыш стреляют по толпам из пулемета. Но среди демонстрантов действительно было много жертв.

28 февраля «движение перекинулось в окрестности столицы. В Кронштадте оно приняло особенно кровавый характер: вос-

¹ Февральская революция. С. 118.

² Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 96.

³ Шульгин В. В. Указ. соч. С. 187.

ставшие матросы убили адмирала Вирена, десятки офицеров были истреблены, остальных заточили в подземные казематы¹. Инициаторами бойни были матросы-арестанты, обозленные на офицеров. Совет и Дума послали делегацию в Кронштадт, и резня прекратилась.

И бескровность Февральской революции, и патологическая жестокость революционеров — однобокие мифы.

• • •

Когда правительство было разогнано восставшими в ночь на 28 февраля, ВКГД уведомил командующих фронтами, что «правительственная власть перешла в настоящее время к Временному комитету Государственной Думы». Генералы не приняли никакого участия в свержении действующего правительства. Так что пока никаких признаков их участия в «перевороте» не было.

28 февраля сопротивление сторонников старого режима в столице практически прекратилось. «Государственная Дума стала символом победы и стала объектом общего паломничества»², — вспоминал Милюков. Лидеры ВКГД выступали перед революционными частями, призывая их к дисциплине и подчинению офицерам. 1 марта войска были приведены в порядок, но подчинялись они теперь только «революционным» указаниям. Действия депутатов в этих условиях были направлены не на разжигание революции, а на прекращение конфронтации.

Затем выяснилось, что воинские части, присягая на верность Думе, реально подчиняются Совету, с которым они были связаны организационно через своих делегатов. Тем более власть Совета распространялась на рабочих, которые выполняли распоряжения депутатов только в том случае, если на это имелась санкция

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 626.

² Милюков П. Указ. соч. С. 456.

Совета¹. Опираясь на организованные революционные силы, Совет фактически взял власть в столице в свои руки.

Чтобы перехватить влияние у радикалов, Родзянко под давлением депутатов решился наконец подобрать «валявшуюся на мостовой» правительственную власть. Но, понимая, что это означает открытое участие в «мятеже», он был готов взять власть при условии, что члены ВКГД будут «безусловно и слепо» подчиняться его распоряжениям². Никаких обязательств ему, впрочем, никто не дал, но вопрос формирования нового правительства встал в повестку дня. М. Родзянко и не подозревал, что лидеры господствовавшего в Думе либерального Прогрессивного блока уже готовят другую кандидатуру в премьер-министры — более мягкого и уступчивого лидера земского движения князя Г. Львова. Такой премьер, а не «диктатор» М. Родзянко, и был нужен вождям думского большинства.

...

Но очевидно, что победа революции в Петрограде еще не означала успеха в масштабе страны. По мнению депутата А. Бубликова, «достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено. Более того, его можно было усмирить простым перерывом железнодорожного движения с Петербургом: голод через три дня заставил бы Петербург сдаться»³. Это мнение авторитетно — ведь именно Бубликов и его сотрудники обеспечили поставку продовольствия в столицу. Но по той же причине у Бубликова есть мотив драматизировать ситуацию. Устроить голод в столице империи — значило только ожесточить ее жителей, вызвать к ним сочувствие провинции. Но все же: могли ли генералы оперативно подавить

¹ См.: Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 136.

² Миллюков П. Указ. соч. С. 457.

³ Цит. по: Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 630.

восстание в столице? Если могли — почему не подавили? Нет ли здесь признаков заранее продуманного заговора?

27 февраля царь отказался ввести ответственное перед Думой министерство Г. Львова, о чем его просил и Великий князь Михаил Александрович. Генерал Рузский, пересказывая Николаю в телеграмме сообщение Родзянко, добавил от себя: «Позволю себе думать, что при существующих условиях меры репрессии могут скорее обострить положение, чем дать необходимое, длительное удовлетворение»¹. Царь считал, что, когда идет бунт — уступать нельзя. Но сам факт давления на царя со стороны руководителей армии был для режима чрезвычайно опасен. В условиях начавшейся в столице революции военные решили наконец все же вмешаться в политику.

Начальник штаба главнокомандующего М. Алексеев тоже обратился к царю с предложением пойти на уступки. М. Алексеев ссылаясь на генерала Н. Рузского, также выступил против репрессий. Одновременно Алексеев разослал телеграмму Родзянко другим командующим фронтами. Таким образом уже вечером 26 февраля генералы получили право высказать свое политическое мнение.

Не обращая внимания на эти тревожные обстоятельства, Николай назначил генерала Н. Иванова командующим карательной экспедицией против столицы с диктаторскими полномочиями. Ему придали три роты Георгиевского батальона. Другие фронты должны были выдвинуть к Петрограду 3 кавалерийские и две пехотные бригады.

28 февраля каратели начали движение из Могилева в Царское Село. Однако генерал Иванов не смог даже соединиться со всеми частями карательного корпуса.

Мог ли Иванов подавить восстание в Петрограде, если бы действовал более решительно? В Гатчине было сосредоточено около 20 тысяч войск, верных старому режиму. На ст. Алек-

¹ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990. С. 225.

сандровской высадили пехотный полк. Навстречу им генерал Н. Потапов выдвинул шесть тысяч революционных солдат, сохранявших дисциплину. Они стали занимать позиции в шести верстах от столицы со стороны Царского Села. В Луге восстал гарнизон и разоружил подошедший эшелон карателей, которые, в общем, не желали никого карать. В Петрограде уже 1 марта стали приводиться в порядок части восставшего гарнизона. Их боеспособность была не велика. Зато революционеры имели многократный перевес (более 100 тысяч солдат), на их стороне была сильная оборонительная позиция и симпатия населения столицы.

Удар по карательной экспедиции нанесли железнодорожники. Пути между Семрино и Царским Селом разбирались, с железнодорожных стрелок снимали крестовины, что делало движение невозможным, но позволяло революционерам, когда понадобится, быстро восстановить дорогу. Опасались, что генерал от Царского Села продвинется в Гатчину, к своей основной группировке. Но он отступил к Вырице. С 1 на 2 марта Иванов заночевал в Вырице, где арестовал начальника станции за саботаж. Саботаж после этого только усилился. Путь на Гатчину был испорчен, а в паровозах Иванова находчивые железнодорожники слили воду¹. Таким образом, атаковать столицу с ходу не удалось. А после 1 марта пришлось бы блокировать и штурмовать уже не только Петроград, но и Москву, Тверь, Нижний, Харьков.

Важную роль в этой обстановке сыграли действия как раз депутата А. Бубликова. В качестве комиссара ВКГД он занял Министерство путей сообщения и принялся управлять железными дорогами. В ночь на 1 марта по телеграфу всем станциям железных дорог была отправлена телеграмма: «Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась бессильной. Комитет Государственной Думы, взяв в свои руки оборудование новой власти, обращается к вам

¹ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914—1919; Ламоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. С. 240—244, 249.

от имени Отечества: от вас теперь зависит спасение Родины»¹. Судьба революции зависела от железнодорожников сразу в нескольких отношениях. Они дали зеленую улицу эшелонам с хлебом к столице, они проинформировали страну о том, что власть переменялась, они по требованию Бубликова стали тормозить движение к Петрограду любых военных частей, они взяли под контроль перемещение царского поезда. Железнодорожные служащие в большинстве своем поддерживали новую власть. Теперь спасти царя могли только решительные действия генералов. Если бы они этого хотели.

Что было делать в этих условиях командующим фронтами и Алексееву? 28 февраля Алексеев отправил две телеграммы, сравнение которых показывает, что в его настроении произошло важное изменение. В первой телеграмме он излагает ход «мятежа» с явной враждебностью к восставшим и обсуждает меры к подавлению бунта. Во второй говорится: «В Петрограде наступило полное спокойствие, войска примкнули к Временному правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное правительство под председательством Родзянко заседает в Государственной Думе...» Алексеев был информирован и о стремлении лидеров думского большинства к сохранению монархии². Генералам осталось только присоединиться. Поверхностному наблюдателю, который питался слухами и не знал об активности Совета, ситуация в столице могла представляться именно такой. В этих условиях либеральный генералитет не мог поддержать экспедицию Иванова, так как ее успех означал бы разгром представительных учреждений и либеральных партий России вплоть до октябристов, возвращение к глухой реакции,

¹ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914—1919; Ламоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. С. 230.

² Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. С. 228—229.

к «всеобщему развалу», который, по мнению Алексеева, начался еще до революции.

Из этого исходил генерал Алексеев, информируя командующих фронтами. Отчасти верно и мнение С.С. Ольденбурга о причинах поведения руководителей армии в эти дни: «Они верили, что в Петрограде — правительство Государственной Думы, опирающееся на дисциплинированные полки; ради возможности продолжать внешнюю политику они хотели, прежде всего, избежать междоусобия»¹.

Но это не значит, что либеральные генералы организовали военный заговор еще до восстания в столице. Они лишь сочувствовали либералам и были раздражены поведением государя. Только когда события в Петрограде и волнения в других городах поставили страну на грань гражданской войны, генералы пошли на отстранение обанкротившегося царя, чтобы предотвратить братоубийство. Их действия определялись информацией либералов о готовности взять ситуацию под контроль. Однако, когда в ночь на 2 марта выяснилось, что ситуация зашла дальше, чем хотелось бы Родзянко, генералы продолжили начатый переворот.

28 февраля массовые демонстрации под красными флагами захлестнули Москву. Социал-демократами и эсерами из представителей рабочей секции ВПК, кооперативов, профсоюзов и партий был создан Временный революционный комитет, который стал готовить созыв Совета. Вечером 28 февраля на сторону революции стал переходить московский гарнизон. Власть приняла городская Дума, по инициативе ее головы М. Челнокова стал формироваться Комитет московских общественных организаций, который стал опорой новой власти.

На следующий день гарнизон «древней столицы» полностью перешел на сторону Временного революционного комитета и городской Думы. Революция распространялась на крупные промышленные центры вместе с телеграфными сообщениями о

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 621.

событиях в столице. 28 февраля на сторону революции стали переходить гарнизоны в Харькове, Нижнем Новгороде и Твери (здесь толпа убила губернатора).

С этого момента быстрое подавление революции стало невозможным.

«КТО ВАС ВЫБРАЛ?» СНОВА МАСОНЫ

События действительно на время вышли из-под влияния ВКГД и военного руководства. Совет добился контроля над войсками гарнизона. Когда представители ВКГД отказались удовлетворить предложения советских лидеров о демократизации в армии, Совет пошел своим путем. Радикальные группировки смогли установить через Советы тесную связь с солдатской массой. 1 марта этот союз был закреплён в своего рода военной конституции, оформленной как Приказ № 1 Совета. По существу, приказ был написан самими солдатами.

Для критиков революции приказ — корень последующих злодейств. Он «развалил армию». А что, собственно, в нём такого, что делает невозможным существование боеспособной армии?

Приказ устанавливал, что во всех частях необходимо «немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов», избрать представителей от рот в Совет (что, кстати, привело к преимущественному представительству солдат по сравнению с рабочими). Далее приказ гласил: «Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам». Совет становился не только органом солдатского самоуправления, но и официально закреплял за собой военную силу тылового гарнизона и нейтрализовывал другие влияния на войска: «Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов». Но речь идет не о военных, а о политических действиях. То есть Совет пытался гарантировать демократические завоевания от военного подавления.

Далее, приказ провозглашал гражданские права для солдат. «В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане». Отменялось отдание чести вне службы, старое титулование офицеров и их право грубо обращаться с солдатами¹.

В приказе № 2 5 марта исполком Совета разъяснял, что приказ № 1 не предусматривал избрания офицеров. Этот приказ был утвержден военным министром Гучковым. А что ему было возразить — что нужно грубо обращаться с солдатами или что вся страна получает гражданские права, а солдаты будут лишены их даже вне службы? Даже либеральный историк С. П. Мельгунов признает, что приказ имел «умиротворяющее значение»² для солдатской массы.

...

Казалось бы, возникало «двоевластие» — власть оказывалась в руках и создаваемого Думой правительства, и Совета. «Двоевластие» считается теперь чуть ли не символом хаоса и смуты. Но это понятие предполагает противостояние центров власти. А если они мирно сосуществуют и поддерживают друг друга — то это разделение полномочий, а не «двоевластие». Весной 1917 г. о «двоевластии» говорят как об угрозе, а не о реальности. Временное правительство признавало, что ему придется считаться с мнением Совета, но оно отказывалось допустить прямое вмешательство снизу в деятельность правительства, что «было бы недопустимым двоевластием»³. Хорошо ли, плохо ли, а функции общегосударственного правительства исполняло прави-

¹ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 145.

² Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 96.

³ Архив новейшей истории России. Т. 7. М., 2001. С. 385.

тельство. Советы были гораздо влиятельнее на местах, что вообще характерно для органов самоуправления.

Прибывший в Россию в апреле Ленин будет говорить о «двоевластии» как о возможности добиться перехода всей власти к Советам. Но как раз Петросовет и большинство Советов весной 1917 г. категорически не поддерживали позицию Ленина. Этот вопрос уже был обсужден Советом, и решения были приняты другие.

А в первые мартовские дни обсуждение «вопроса о власти» в Совете выявило три точки зрения. Н. Чхеидзе и М. Скобелев доказывали, что брать власть нельзя, потому что тогда придется взять на себя ответственность за неизбежные буржуазные меры, включая и продолжение войны. К. Гвоздев и правые меньшевики считали, что войти в правительство можно, чтобы отстаивать точку зрения трудящихся. Характерно, что именно эта правая точка зрения в большей степени соответствовала масонской политической линии, чем позиция отходивших от ложи Чхеидзе и Скобелева. Они согласятся с участием социалистов в правительстве позднее и под влиянием обстоятельств. Большевики, междоуонец К. Юренев и левый эсер В. Александрович предлагали свергнуть временное правительство и создать из партий, входящих в Совет, временное революционное правительство. Это предложение было отвергнуто исполкомом 13 голосами против 8. 2 марта на заседании Совета только 19 человек против 400 поддержали большевиков. Предложение Гвоздева тоже не прошло — до мая. Это значило, что возникает не двоевластие, а федерализм, нормальная демократическая система, где правительство могло бы опираться на сеть организаций самоуправления.

Лидеры Совета понимали, что управлять страной они не смогут, да и вся страна, не связанная с Петросоветом организационно, не станет подчиняться решениям неизвестных пока России людей, лидирующих в этом революционном органе. Революционерам необходимо было еще приобрести достаточную известность и опыт легальной работы, чтобы их авторитет превысил

влияние думских лидеров. Поэтому Совет, воспринимавшийся в столице как власть, исходил из того, что правительство будет формироваться думским большинством. Но Совет претендовал на роль верховного контрольного органа. Лидеры Совета считали: «Стихию можем сдержать или мы, или никто. Реальная сила, стало быть, или у нас, или ни у кого»¹. Это утверждение было недалеко от истины.

Чтобы контролировать ситуацию в Петрограде, ВКГД должен был договориться с Советом. До 2 марта Совет еще не определился, как относиться к формируемому думцами правительству. В ночь с 1 на 2 марта представители Совета и ВКГД сошлись для того, чтобы согласовать позиции (благо сидели они в соседних комнатах). Для советских лидеров, не собиравшихся брать власть самим, это был шанс навязать будущему правительству условия минимальной лояльности со стороны «демократии». По чьей инициативе начались эти переговоры? Суханов приписывает ее советской стороне. Но не все так просто. Как таковая инициатива привлечения советских лидеров к решению «вопроса о власти» исходила от Думы. Шляпников вспоминает, что 1 марта Чхеидзе «принес из Комитета Государственной Думы сообщение, что без вхождения левых партий последний составить правительство не может»². Это значит, что идея переговоров возникла между Чхеидзе и его друзьями в левом фланге ВКГД — а это Керенский и Некрасов. Инициатива исходила от масонской группы и примыкавших к ней депутатов Думы и Совета. Характерно, что на самих переговорах Керенский вел себя пассивно, отдыхая в промежутке между более важными делами — ему был важен сам факт договоренности. Однако когда неуступчивый Милюков, требовавший сохранения монархии, завел переговоры в тупик, Керенский вмешался и уговорил «сво-

¹ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 151.

² Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. С. 196.

их» достичь компромисса — обойти стороной этот вопрос до Учредительного собрания¹.

Сами эти переговоры были воплощением масонской политической линии — сковать думцев и леваков одной цепью ответственности за общее дело, сдвинуть оба фланга революции к центру. Это предоставляло масонской группе господствующие позиции в центре политического поля: когда возникало противоречие центристов с кадетами и октябристами — можно было опереться на поддержку левых сил, а если левые начинали своевольничать — им можно было бы противопоставить правых. Соответственно, к связке Керенский — Некрасов — Чхеидзе в силу логики событий примыкали все правые социалисты и левые либералы, которые сами по себе не имели отношения ни к какому масонству. А те масоны, которые расходились по взглядам с социал-либеральной центристской группой в правительстве, отпали от этой группировки. Таким образом стала складываться межпартийная группа, которая пришла на смену масонской ложе, но сохранила ее политический курс. Поэтому условно мы будем называть эту группу «масонской партией», не забывая, что лишь часть ее лидеров прежде входила в масонские ложи.

Лидеры ВКГД «центристы» в своем поиске компромисса действовали самочинно, без ясных полномочий. Но только так и можно было поступать в революционном потоке, когда не было времени на длительные многосторонние согласования позиций. И в то же время каждая сторона знала, на что согласятся ее сторонники, а на что — нет. Достигнув в итоге компромисса, и левые, и правые сумели убедить противостоящие стороны в необходимости союза перед лицом монархической и военной угрозы. В итоге к утру 2 марта было решено, что правительство

¹ См.: Мельгунов С. Н. Указ. соч. С. 56. Милюков приписывает себе победу над делегатами Совета, которых он якобы заставил отказаться от включения в соглашение записанного в Приказе № 1 положения о выборности офицеров (Милюков П. Н. История Второй русской революции. С. 46.). Правда, это положение в действительности не значилось в Приказе № 1.

провозгласит в своей декларации амнистию по политическим и религиозным делам, широкие гражданские свободы, отмену сословных, национальных и религиозных ограничений, замену полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления. Кроме того, под давлением социалистов правительство провозглашало начало немедленной подготовки к выборам в Учредительное собрание, а также в органы местного самоуправления на основе всеобщего, равного и тайного голосования. Важной частью соглашения стало обещание не разоружать и не выводить из Петрограда революционные части гарнизона, распространение на солдат гражданских прав при сохранении строгой дисциплины на службе¹. В этих решениях не было ничего социалистического. Но для либералов, вошедших в правительство, этот демократический курс был вынужденным, принятым под давлением снизу. Либеральное правительство противостояло демократии Советов, но Советы приняли решение все же поддерживать правительство постольку, поскольку оно соблюдает соглашения с Советом. Таким образом, удалось избежать противостояния властей, пока правительство соблюдало договоренности. Реальное «двоевластие» возникло осенью, когда Петросовет перешел под контроль большевиков.

При этом Совет и в февральские дни, и позднее показал, что является относительно работоспособной структурой. Журналист В. Розанов, позднее известный консервативными взглядами, признавал, что в Совете «ораторы определенно лучше, нежели как были в Г. Думе», «речи вообще не для красноречия и даже не для впечатления, а именно — деловые, решительные, требовательные или — разъясняющие вопрос»². Советы стали основной структурой демократии в России. А вот Временное правительство как раз демократическим не было.

¹ Февральская революция. С. 91, 141.

² Цит. по: *Архипов И.Л.* Указ. соч. С. 216.

Пока либералы боролись за власть с самодержавием, они выступали за правительство, ответственное перед избранниками народа.

Милюков уже в 1916 г. произвел чуть заметную, но имевшую большое значение сдвигку в лозунгах — от «ответственного правительства» к «правительству народного доверия». Когда от него попросили разъяснений, он прокомментировал: «Как кадет, я стою за ответственное министерство, но, как первый шаг, мы по тактическим соображениям ныне выдвигаем формулу — министерство, ответственное перед народом»¹. Перед народом — это ни перед кем. «Первый шаг» вел к безответственному авторитарному правительству во главе с либеральной элитой.

Вероятным премьером все бурные дни революции считался Родзянко, но в решающий момент 2 марта думские лидеры смогли отодвинуть его в сторону изящной комбинацией. Обсуждалась конфигурация власти, где Родзянко становился больше чем премьером, фактически — президентом, временным главой государства. Эту конструкцию наивный Родзянко излагал Алексееву 3 марта: «Предполагается необходимым созыв Учредительного собрания, а до тех пор действие Верховного комитета и Совета министров, уже нами обнародованного и назначенного, при одновременном действии двух законодательных палат»². Родзянко не знал, что уже 2 марта Временное правительство взяло всю власть в свои руки, фактически распустив Думу. Не собиралось оно считаться и с «Верховным комитетом», как назвал Родзянко ВКГД.

Теперь идея «ответственного» кабинета была окончательно отвергнута.

2 марта Временное правительство приняло решение: «Вся полнота власти, принадлежащая монарху, должна считаться пере-

¹ Катков Г. М. Указ. соч. С. 32.

² Февральская революция. С. 231.

данной не Государственной Думе, а Временному правительству»¹. Лукавство этого решения заключалось в том, что после 1905 г. монарх в России не обладал всей полнотой власти. Таким образом, Временное правительство восстанавливало самодержавную диктатуру, только не во главе с монархом, а в своих руках. Такое правительство никак нельзя назвать демократическим.

Временное правительство складывалось из представителей различных общественных структур, которые должны были стать опорой новой власти (Временный комитет Государственной Думы, Земский и Городской союзы, Военно-промышленный комитет, даже Петросовет).

2 марта Милюков произносил свою первую речь от имени правительства. В ответ он услышал возмущенный вопрос: «Кто вас выбрал?» «Я ответил: «Нас выбрала русская революция!» Эта простая ссылка на исторический процесс, приведший нас к власти, закрыла рот самым радикальным оппонентам»². Отныне даже правые политики признавали право «революции» «выбирать» правительство. Вооруженное революционное меньшинство воспользуется этим правом еще не раз.

Рассматривая механизм формирования первого состава Временного правительства, мы снова вспоминаем о загадочной заговорщической предыстории февраля. Как мы видели, роль масонской организации в событиях самой Февральской революции была ничтожной. Но когда речь зашла о дележе пирога, масонские связи оказались как нельзя более кстати. Покинув салоны, масонские комбинаторы отправились в Таврический дворец, чтобы напомнить вовлеченным в большую политику братьям о масонском единстве. Насколько этот фактор сыграл свою роль при формировании новой власти?

До начала революции, в условиях борьбы за «ответственное правительство», в политических салонах то и дело раскладывали грядущие министерские пасьянсы. Если царь согласится

¹ Архив новейшей истории России. Т. VII. С. 385.

² Милюков П. Указ. соч. С. 465.

призвать к власти общественность, нужно быть готовыми предложить опытные кандидатуры. Политики готовились к ролям министров. Не остались в стороне от этого и масоны, которые, конечно, также обсуждали свои кандидатуры на кресла в либеральном кабинете. Чем они хуже других?

Поскольку масоны входили в организации, формировавшие правительство, они могли содействовать друг другу в получении постов. Миф упрощает проблему. Могли — значит, действовали заодно. Н.Н. Яковлев, как всегда, категоричен: «Верность масонской ложе в глазах посвященных была неизмеримо выше партийной дисциплины любой партии. И когда пришло время создавать временное правительство, его формирование нельзя объяснить иначе, как выполнением предначертаний этой организации. Кандидатуры были выдвинуты не лидерами буржуазных партий, ибо только немногие из них были в ложах, а одобрены на тайных собраниях руководящего ядра масонов»¹. Здесь бы хотелось доказать. Н. Н. Яковлев их не привел, поэтому поищем сами. Как формировалось Временное правительство?

Милюков вроде бы подтверждает основные аргументы «антимасонов», утверждая, что Львов оказался во главе правительства именно благодаря своей принадлежности к масонству. Но тут же, в прямом противоречии с этим, признает: «При образовании Временного правительства я потерял 24 часа (тогда ведь почва под ногами горела), чтобы отстоять кн. Г. Е. Львова против кандидатуры М. В. Родзянко, а теперь думаю, что сделал большую ошибку»². Так при чем здесь масонство? Милюков считал Родзянко слишком властной фигурой, предпочитал слабого Львова, которым был намерен вертеть в новом кабинете, формально не являясь его главой (мало ли как сложится ситуация). Это вполне совпадало с интересами других «сильных людей» думской оппозиции совершенно независимо от их принадлежности к масонству. Сам Милюков, сыгравший решающую роль в назначении

¹ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 15.

² Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 215—217.

главой правительства именно Львова, по общему мнению, к масонам не принадлежал.

А. Гальперн, на тот момент секретарь Верховного совета, высшее должностное лицо в масонской иерархии, вспоминает, что высший масонский орган не собирался в дни Февральской революции и, соответственно, не мог обсуждать состав Временного правительства. Однако влиятельные масоны Коновалов, Керенский, Некрасов, Карташев, Соколов и Гальперн активно контактировали между собой. Поэтому трудно согласиться и с крайним выводом А.Я. Авреха о том, что «масонская организация не имела к их выдвижению никакого отношения»¹. Все же имела, хоть и не решающее. Одни сумели стать активными участниками событий, другие давали братьям советы. Такой и была роль большинства масонов в событиях — совещательной. Было бы соблазнительно представить себя архитектором первого временного правительства, вполне соответствовавшего вкусам либералов. Но Гальперн честно признает, что «говорить о нашем сознательном участии в формировании правительства нельзя: мы все были очень растеряны»².

Г. М. Катков уверен: «Партийная принадлежность и партийная дисциплина должны были уступать более прочным масонским узам. Более всего от этого пострадала партия кадетов. Когда настал час формирования Временного правительства, решение выносилось не партийными комитетами, а влиятельными масонскими группами»³. И сколько было этих групп, властно отодвинувших кадетский ЦК? И кто его на деле отодвинул от решения «кадрового вопроса»? В горячечной обстановке первых чисел марта действительно было не до ЦК. Состав правительства формировался на длительных совещаниях политиков разных либеральных фракций. Но центром этих совещаний, как следует из воспоминаний Шульгина, Милюкова (оба — не масоны) и других свидетелей, были не масоны, а сам Милюков.

¹ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 171.

² Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 71.

³ Катков Г. М. Указ. соч. С. 181.

Присутствие масонов в правительстве еще не говорит о том, что они попали туда именно благодаря масонским связям. Керенский был одним из лидеров революции, депутатом и членом исполкома Петросовета одновременно. При таком наборе он мог открыть ногой дверь правительства. Там кадеты только повторяли ему: «Просим, просим». Милюков заявил на кадетском съезде 27 марта: «Я помню тот решительный момент, когда я поздравил себя с окончательной победой. Это был тот момент, когда по телефону на нашу просьбу стать министром юстиции А.Ф. Керенский ответил согласием»¹. Так что Керенскому масоны были не нужны для попадания во власть, скорее наоборот — масоны становились организацией при Керенском и Некрасове. Некрасов был видным кадетом. Ему для попадания в правительство тоже не нужно было масонской протекции.

Главным призом масонов в правительстве считается М. Терещенко, малоизвестный в Петрограде чиновник и предприниматель. Его включение в правительство вызывало недоумение и даже обиды кадетов — не масонов. А.Я. Аврех и даже В.И. Старцев отрицают его принадлежность к масонству, поскольку Некрасов не перечисляет его среди министров-масонов² (правда, нет и доказательств, что перечисление Некрасова является исчерпывающим), а прямо на Терещенко в качестве масона указывает только Гегечкори (но он-то как раз не состоял с Терещенко в одной ложе, и уже поэтому его свидетельство ненадежно)³.

Пикантность ситуации заключается еще и в том, что Терещенко потеснил кадета Шингарева, претендовавшего на пост министра финансов. А Шингарев, которому дали менее престижный пост министра продовольствия, как раз был масоном, но

¹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. 1915—1917 гг. М., 2000. С. 466.

² Аврех А. Я. Указ. соч. С. 151.

³ Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 163.

«классическим», не в той организации, где состояли Некрасов и Керенский¹.

Собственно, как раз появление Терещенко в числе министров и является главным доказательством его принадлежности к масонству — а кто еще мог бы его проташить на вершину власти?

Впрочем, есть и другой канал. Распоряжаясь значительными средствами, Терещенко активно включился в работу Красного Креста и военно-промышленных комитетов. В 1915 г. он стал председателем Киевского военно-промышленного комитета, для чего масонские связи были не нужны. Тут требовались капиталы. Таким образом, в системе ВПК Терещенко стал представителем «Юга России», сотрудником Львова и Гучкова. Это и был его канал для продвижения во власть. Если Терещенко был масоном, то этот фактор мог ему помочь, но он не был единственным и даже главным в возвышении будущего министра иностранных дел России. Он оказался представителем общественности «Юга России» по должности, а правительство не должно было состоять только из питерцев. Тогда это считалось неудобным.

Судьба Терещенко сложилась так удачно во многом благодаря тихому перевороту, который кадеты совершили против Родзянко. Раз не он возглавил правительство, то на его место перемещался Львов, и в правительстве образовалась важная вакансия. Пришлось снова переключивать пасьянс. Шингаревым «заткнули» Министерство земледелия, а на финансы нужно было поставить еще кого-то, кто в них разбирается. Вот тут и пригодился гучковский «кадр».

Масонство сформировало не правительство, а личные связи, часть которых затем использовалась при формировании правительства и легла в основу его центристской фракции, состоящей из старых знакомых, в том числе по масонству. Но это не значит, что масонская организация могла претендовать на то, чтобы диктовать свою волю правительству и его центру — «масонской

¹ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 151.

партии». Советовать — пожалуйста. Но если мнение советчиков расходилось с мнением публичных политиков, то последние действовали по-своему.

Н.Н. Яковлев считает, что почти все члены первого состава Временного правительства были масонами («десять братьев»¹). Кроме Милюкова. Отчего так? Оттого, что сам Милюков категорически отмежевался от участия в масонской ложе и даже туманно намекал на наличие масонской организации. Остальные члены правительства не сообразовали этого сделать. Следовательно — они все масоны и есть.

С Н. Н. Яковлевым не согласен важный свидетель. Бывший министр Временного правительства Николай Некрасов, который, попав в конце жизни в застенки НКВД, решил оставить потомкам память о масонах. Он дал о них подробные показания, благо это уже никак не могло повлиять на судьбу как самого Некрасова, так и его братьев. Некрасов пытается показать значительность влияния ложи. В ней было много влиятельных лиц. «Показательно, что в составе первого Временного правительства оказалось три масона — Керенский, Некрасов и Коновалов»². И чего Некрасов решил скрыть причастность к масонству остальных министров?

Но не будем впадать в другую крайность. «Расклад реально задействованных политических сил накануне и в ходе Февральской революции был таков, что масонского присутствия среди них практически не ощущалось. Оно было так мало и ничтожно, что его не заметили даже современники, даже Департамент полиции. Поэтому история и историки имеют полное право сбросить со счетов русское политическое масонство в последние 10 лет существования царизма: вывод о масонах как *quantite negligeable* (ничтожная величина) в предфевральских, февральских и постфевральских событиях 1917 г. остается неизменным.

¹ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 16.

² Цит. по: Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 273.

Чего не было — того не было»¹, — заключает свою книгу А. Я. Аврех.

В этой однозначности есть явные признаки идеологической заданности. Не было не потому, что нет свидетельств, а потому, что опасен сам факт признания, что было. Только дай волю этим рассуждениям, и пойдет: враги России установили режим тайной власти, рулили и рулят массой профанов, Сталина убили, СССР развалили.

А. Я. Авреха можно понять, тем более что полемизировал он с активными участниками общественного противоборства того времени (тема масонства в 70—80-е гг. была очень актуальна в борьбе патриотов и западников). Но сегодня мы уже можем выйти за рамки черно-белой логики и оценить роль масонов без уничижения и без преувеличений.

...

В марте 1917 г. масонская организация решала две задачи — искала кадры для новой власти в первые месяцы, когда расстановка сил была еще неясна: «Ложь на местах определенно становятся ячейками будущей местной власти — вернее, резервуарами, из которых будущая, созданная после переворота центральная власть сможет черпать надежных, со своей точки зрения, кандидатов для замещения власти местной»². Во-вторых, масоны воздействовали «на левые партии в целях удержания их в русле коалиционной политики»³. Но те же задачи выполняли далеко не только масоны, но все сторонники политического центризма — от правых социалистов до левых либералов. Ядром этой политической силы была группировка Керенского — Некрасова, но большинство сторонников линии Керенского не

¹ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 339, 342.

² Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 39.

³ Там же С. 72.

были масонами. Поэтому можно говорить о политической группировке Керенского — Некрасова, своего рода «масонской партии», унаследовавшей курс масонов. Но в правительстве они были далеко не единственной партией. Большинство в нем составляли обычные кадеты, вовсе не стремившиеся к союзу с социалистами.

«Масонская партия» заменила логи и свела их влияние на нет. Масонская дисциплина оказалась слишком слабой связью по сравнению с идеологическими убеждениями. Масоны, не согласные с курсом Керенского — Некрасова, не могли повлиять на него, взывая к масонской дисциплине. Лишь некоторые деятели «масонской партии» решились вступить в ложу после февраля 1917 г. (называют Авксентьева и Савинкова), но участие в затухающей масонской игре сыграло минимальную роль в карьере этих и без того известных политиков.

Некрасов утверждает, что масонская организация распалась вскоре после создания Временного правительства из-за разногласий правого и левого крыльев¹. Он не исключает, что правые масоны продолжили работу, но в этом случае их политическое влияние было ничтожно, поскольку праволиберальный фланг политического спектра имел свой штаб в партии кадетов, и никакой нужды в масонах уже не было.

Можно согласиться с выводом советского историка В.И. Старцева: «Масонские связи быстро рухнули под влиянием могучего дыхания революции»². Единственная чисто масонская связь, которая продолжила влиять на политический процесс до октября 1917 г., — это дружба Керенского и Некрасова, основанная на их приверженности принципу коалиции правых социалистов и левых либералов. Но идеология и личные симпатии приверженцев коалиции в середине 1917 г. уже были важнее, чем дореволюционная масонская игра.

¹ Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 274.

² Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978. С. 204.

ФИНАЛ ИМПЕРИИ

28 февраля царь покинул Ставку и направился в Царское Село, к семье. По мнению С. Ольденбурга, «отъезд из Ставки оказался роковым»¹. Мол, если бы царь остался в Ставке, все сложилось бы иначе. И с чего бы так? Генералы готовились предъявить царю ультиматум об отречении, и не все ли равно, где они сделали это — в Пскове или в Могилеве.

В ночь на 1 марта царский поезд был остановлен на ст. Малая Вишера, поскольку следующая станция уже была в руках «неприятеля». Затем он переместился в Дно, где ждал Родзянко, обещавшего приехать, но в итоге отказавшегося — слишком быстро менялась ситуация. Пока царь ждал в Дно, думские лидеры могли прозондировать настроения командующего Северным фронтом Н. Рузского. После некоторых железнодорожных перемещений царь оказался в штабе Северного фронта в Пскове. Отсюда было проще всего в сложившихся обстоятельствах руководить подавлением бунта. Если бы этого хотело командование. Но беседа царя с Рузским быстро приобрела не военно-технический, а политический характер. Выражая мнение командующих фронтами, Рузский добивался ответственного министерства. Царь не уступал — принцип кабинета, ответственного перед парламентом, а не перед самодержцем, противоречил основам его представлений о государстве: «Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело...»²

После длительной дискуссии с Н. Рузским Николай согласился сначала на создание кабинета доверия во главе с Родзянко, а затем — и на ответственное министерство. С его согласия в ночь на 2 марта был подготовлен манифест, в котором говорилось: «Я признал необходимым призвать ответственное перед пред-

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 627.

² Там же. С. 632.

ставителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей России»¹.

В ночь на 2 марта телеграммой царя завязшие в Вырице войска Н. Иванова были официально «остановлены». Царь отменял решение о посылке подкреплений карательной экспедиции.

Но было поздно. Под впечатлением общения с социалистами лидеры ВКГД решили, что только отречение Николая может как-то успокоить восставших и восстановит порядок. М. Родзянко связался со штабом Северного фронта, где находился император.

Родзянко сообщил Рузскому: «Наступила такая анархия, что Государственной Думе вообще, а мне в частности оставалось только взять движение в свои руки и стать во главе, чтобы избежать такой анархии, при таком расслоении, которое грозило бы гибелью государству.

К сожалению, мне это далеко не удалось». В этих условиях «ненависть к династии дошла до крайних пределов». Признав, что не может справиться с ситуацией, Родзянко вдруг меняет тон, подходя к выводу. Теперь он сообщает Рузскому, что войска все же встают на сторону Думы, и в то же время «грозные требования отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становятся определенным требованием»². Так ненависть к династии или определенное требование передачи власти другому монарху ради сохранения монархии? Очевидно, что Родзянко уже не рассказывает о настроениях населения, а предлагает Рузскому, а через него царю программу ВКГД, которая могла бы, по мнению его лидеров, успокоить разбушевавшуюся толпу. В случае отречения, утверждал Родзянко, можно будет спокойно заняться подготовкой к весенним военным операциям.

Мнение Родзянко произвело впечатление на военных. Родзянко противопоставил Думу и анархию (под которой пони-

¹ Февральская революция. С. 132—133.

² Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. С. 233.

мался хаос), а не Думу и Совет. О том, что левые силы способны самоорганизоваться и противостоять партии порядка, генералы не могли и помыслить. Альтернатива виделась им совсем иначе — либо уступки монарха, либо затягивание бунта.

Рузский и Алексеев решили добиваться отречения Николая II. В ночь с 1 на 2 марта Алексеев и генерал-квартирмейстер Ставки Лукомский¹ стали убеждать командующих фронтами поддержать отречение. Алексеева, Лукомского и Рузского поддерживали командующие — великий князь Николай Николаевич, Брусилов и Эверт. Именно в этот момент в стране фактически произошел государственный переворот. Но он стал результатом не возникшего заранее заговора, а начавшейся в стране революции, которую генералы уже не могли подавить без широкомасштабной гражданской войны.

Фактически к этому моменту Николай находился под домашним арестом. После того, как командующие фронтами в большинстве своем высказались за отречение, Николай был сломлен окончательно и дал согласие. К утру 2 марта Алексеевым, Лукомским и камергером Базили был подготовлен проект отречения в пользу Алексея. Около 15 часов 2 марта Николай подписал его. Однако затем он решил повременить до прибытия думской делегации (Гучков и Шульгин), чтобы еще раз выслушать «представителей общества». По мнению С.П. Мельгунова, «вмешательство делегации лишь задержало опубликование манифеста и тем самым осложнило проблему сохранения монархического строя, ради которой делегаты поехали в Псков»². Делегация мало что изменила в представлении царя о ситуации, но он использовал эту паузу для выработки иной формулы отречения. К вечеру Николай решил отречься в пользу брата Михаила. «Не желая расстаться с

¹ С. П. Мельгунов даже пытается приписать Лукомскому инициативу в движении требования отречения (С.227—229), хотя Родзянко в переговорах с Рузским договорился о необходимости отречения за два часа до того, как эту идею подхватил Лукомский. Инициатива отречения исходила все же не из Ставки, а из революционного Петрограда.

² Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 177.

любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского»¹.

Это была существенная разница. По законам Российской империи отречение могло быть произведено только в пользу Алексея. Сам Алексей не мог отречься от престола до совершеннолетия. Михаил был совершеннолетним и вполне был готов также отречься от престола, по существу ликвидировав монархию. Он и сделал это 3 марта под давлением левых депутатов во главе с Керенским, а точнее — под влиянием общей ситуации в столице. Милюков еще пытался спасти монархию как таковую. Правовая схема легитимности, определявшая его взгляд на события, сковывала его сознание. Милюков надеялся, что на пути революционной стихии встанет «принцип монархии». Милюков безуспешно пытался уговорить Михаила сохранить за собой трон (как будто это реально от него зависело).

Как рассуждал позднее кадет В. Набоков, «для укрепления Михаила потребовались бы очень решительные действия. Не останавливающиеся перед кровопролитием», для чего требовались реальные военные силы в Петрограде. «Таких сил не было»².

Зато, совершив незаконное отречение, Николай мог позднее, когда все уляжется, оспорить его. То, что Николай совершает тактический ход, первой поняла его супруга. Аликс писала Ники: «Мы знаем друг друга насквозь, и слова не нужны — и, пока я жива, мы еще увидим тебя опять на своем престоле, возвращенного твоим народом и войсками к славе твоего царствования»³.

«Нельзя не прийти к выводу, что Николай II здесь хитрил...

¹ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. С. 223.

² Цит. по: Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 286. Забавно, что Милюков называет отречение Михаила «первой капитуляцией русской революции» (Милюков П. Н. История Второй русской революции. С. 53). Тогда уж самой первой капитуляцией эпохи революции (а в понимании Милюкова — и самой революции, как ее хотел бы видеть кадет) является отречение Николая.

³ Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 541.

Пройдут тяжелые дни, потом все успокоится, и тогда можно будет взять данное обещание обратно»¹, — считал П. Милюков.

Некоторые современные авторы пытаются оправдать Николая II с помощью версии, будто он решил отречься в пользу Михаила под давлением Гучкова². Получается, что Гучков — просто тайный республиканец и, конечно же, масон, слуга Керенского, наносит решающий удар монархии. Эта экзотическая версия находится в прямом противоречии с известными воспоминаниями В. Шульгина — участника последней беседы царя с депутатами. В начале беседы Гучков требует отречения в пользу Алексея. Николай отвечает, что изменил решение и хочет отречься в пользу Михаила. Это вызывает замешательство Гучкова и Шульгина, и они лишь после обсуждения между собой этой новости «сдали позицию», согласившись с решением Николая³.

А пока Николай Романов предпочел склонить голову перед либеральными идеями, с которыми боролся всю жизнь: «Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу»⁴, — говорилось в манифесте об отречении от престола, подписанном после 23 часов. Уже после отречения, задним числом Николай II утвердил предложенную лидерами Думы кандидатуру премьер-министра — князя Г. Львова, лидера земского движения. История Российской империи завершилась.

¹ Милюков П. Указ. соч. С. 467.

² Куликов С.В. Февральская «революция сверху», или Фиаско генералов для «пронунсиаменто». // Россия XXI. 2004. С. 177.

³ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. С. 170—171. По свидетельству сопровождавшего Николая генерала Д. Дубенского, решение об отречении в пользу Михаила было принято после беседы с врачом о состоянии здоровья Алексея (там же. С. 67). Это показывает, что Николай принял решение до визита депутатов, но не является окончательным объяснением его мотивов — ведь о состоянии здоровья Алексея было известно и до этих событий.

⁴ Там же. С. 223.

...

История признает сослагательное наклонение. Она полна альтернатив, развилочек. Без их оценки историческая наука лишена смысла. Как сложилась бы история России, если бы империя устояла? Если бы Николай был чуть менее упрям, если бы на месте Иванова и Рузского оказались кровожадные и решительные каратели? В конце концов, если бы чиновники и общественники успели договориться по продовольственному вопросу и в столице было бы достаточно «черняшки»?

События 1905 — 1917 гг. показали, что правящие круги империи были достаточно эгоистичны, чтобы поступиться своими привилегиями ради задач модернизации. Аристократия и бюрократия могли уступать только насилию. Аристократы цеплялись за власть по праву рождения, авторитарная структура власти не давала места под солнцем для разночинных интеллектуалов, в деревне и городе накапливалась беднота, и этот взрывоопасный социальный материал не могли «рассосать» ни столыпинские реформы (они, впрочем, делали прямо обратное, выбрасывая новые массы разорившихся крестьян в города), ни циклические подъемы экономической конъюнктуры. Война не создала предпосылки революции, а, напротив, заморозила их. Но к 1917 г. «заморозка» стала отходить, и болезнь проявилась сильнее, чем накануне 1914 года.

Революция в России была неизбежна. Но подавление движения 1917 г. могло отодвинуть ее на некоторое время, победоносное завершение войны благодаря истощению Германии могло дать режиму еще некоторую фору. Но не надолго. Вспомним, что Италия, худо ли бедно воевавшая в лагере победителей, после войны столкнулась с революционным кризисом. А в России все было гораздо запущеннее. Так что где-нибудь в 1919 — 1922 гг. в России все равно разразилась бы революция. Но она бы уже не была отягощена военным кризисом, иной было бы настроение армии. В этих условиях, как и в феврале 1917 г., многое зависело от действий генералитета. Если бы либеральные настроения не

позволили генералам подавить социальную революцию на ранней стадии, то мы имели бы более умеренный и конструктивный вариант 1917 года. Если бы карательные инстинкты снова возобладали, новый «пятый год» смог бы лишь еще немного продвинуть Россию на Запад. Она стала бы «большой Болгарией» и прозябала бы в качестве периферии Запада, пока не настало бы время большой дележки 30-х гг. Тогда Россия удачно пригодилась бы в качестве «новой Османской империи», «европейского Китая».

Глава III

«Масонская партия»

Временное правительство — назидательный пример слабости демократии в России. Попробовали разок создать правительство демократически, править по воле народа — вот и получили разор и гражданскую войну. Ничего демократы не могут нормально сделать — ни тогда, ни теперь.

Но закрадывается сомнение: нынешние правители даже в 90-е годы не были настоящими демократами, поскольку действовали явно не по воле народа. Может, и тогда, в 1917 году власть была примером не демократии, а чего-то иного? Чем руководствовались лидеры Временного правительства? Может быть, всем заправляли масонские ложи?

ЛИБЕРАЛИЗМ ПРОТИВ ДЕМОКРАТИИ

В истории России не так часто случаются периоды демократии. Из этого легко сделать обобщение — не приспособлена страна к демократии, жить ей вовеки под пятой деспотизма. Сторонники такого обобщения не замечают, что демократия не сводится к порядку назначения министров. Демократия

существует постольку, поскольку народ, «демос» может оказывать воздействие на принятие решений. Демократия живет не в правительстве, а в народе. Если правительство следует курсу, поддержанному организованными «низами», можно говорить о демократии. Если навязывает свою волю народу — это авторитаризм. А бывает так, что правительство живет своей жизнью, а народ своей, и время от времени они сталкиваются. Так бывает при революционном переходе от авторитаризма к чему-то новому. Но к чему: демократии? Плюрализму? Новому авторитаризму?

Слово «демократия» понималось (да и сейчас понимается) в самых разных смыслах. Это — социально-политическая система, обеспечивающая власть народа, участие людей в принятии решений, которые их касаются; это и система представительной власти, парламентаризма; это и коалиция сил, выступающих за расширение прав народа. Наиболее сущностное понимание — первое. Наиболее распространенное — второе, хотя парламентская система или выборы президента обеспечивают лишь власть элиты, манипулирующей массовым сознанием и голосами избирателей. В начале века было принято называть «демократией» также то, что теперь обычно называют «демократические силы», поскольку считалось, что они опираются на трудящиеся классы, представляют интересы большинства. Лишь позднее выяснится, что политики, выступающие от имени классов, могут действовать и против их интересов.

Отношение к демократии сплошь и рядом меняется, когда политик приходит к власти. Пока он в оппозиции — нет более последовательного сторонника демократии и защиты прав меньшинства. Но стоит политику припасть к рычагам управления страной, он начинает с раздражением реагировать на давление снизу — со стороны «непросвещенных», ничего не понимающих масс, «безответственной» оппозиции и того самого парламента, где сам недавно произносил речи, обличающие предыдущий авторитарный режим.

События Февральской революции воспринимаются как социальный взрыв и свержение самодержавия. Но, как мы видели, за кулисами революции произошел тихий, незаметный переворот — создав новое правительство от имени Думы, лидеры парламентского большинства саму Думу фактически распустили. Действовал только Временный комитет Государственной Думы во главе с Родзянко. Но на деле с Временным комитетом считаться не стали. 2 марта Временное правительство забрало всю полноту власти себе.

Чтобы как-то уравновесить это возвращение к диктатуре, 9 марта министры решили, что законодательные постановления будут приниматься ими коллективно. С возникновением коалиции нескольких партий это сделает процесс законодательства крайне затруднительным, так как правая и левая части правительства парализуют законодательные инициативы друг друга.

Весной 1917 г. авторитет Думы в стране был все еще высок. Но политические элиты в большинстве своем выступали против возобновления ее деятельности как монархического органа, избранного по авторитарному «третьеиюньскому» закону. В то же время и Советы не могли еще восприниматься как представительство народа, так как часть общества в них никак не была представлена. В итоге правительство решило вообще ни перед кем пока не отчитываться.

Беда Думы заключалась в том, что ее не собирались защищать сами депутаты. Монархическая часть депутатов была деморализована и в обстановке революции потеряла всякое влияние. А либералы активно включились в работу аппарата Временного правительства. Именно депутаты составили высший слой нового чиновничества. Так что им было не до парламентских прений.

Правительство, сформированное Г. Львовым, состояло из известных думских деятелей-либералов (в основном прогрессис-

тов и кадетов). Министром иностранных дел стал П.Миллюков, министром юстиции — А. Керенский.

Если Керенский на первых порах готов был считаться с Советом (чтобы иметь право выступать от его имени), то кадеты были готовы держать ответ перед идеально избранным Учредительным собранием, а пока править по своему разумению. Правительство считалось временным, потому что должно было существовать до Учредительного собрания. Никакие народные представители пока не должны мешаться под ногами.

На деле это привело к тому, что правительство повисло в воздухе. Его надежной опорой были только кадеты. Оно держалось на доброй воле социалистов, доминировавших в Совете, который пока согласился терпеть либеральный кабинет. Но кадеты и тем более октябристы противостояли низовой демократии, боялись ее и стремились от нее избавиться.

Либеральные политики пытались установить контроль над массами с помощью создания политической мифологии, иррациональных ритуалов, «эмоционального воздействия на массовое сознание»¹. Если бы сознание масс было архаичным (как полагают некоторые нынешние либеральные историки), это дало бы результат. Но общество уже не было архаичным, рациональные мотивы проникли в сознание населения. И лучшим способом заручиться поддержкой масс было предложить им конкретные меры решения социальных вопросов.

...

Очень быстро правительство столкнулось с проблемой, характерной для авторитарных режимов, — приходилось решать самые разнообразные, разнокалиберные вопросы от войны и мира и до «учреждения в составе Саратовского университета факультетов физико-математического, историко-филологичес-

¹ *Архипов И. Л.* Указ. соч. С. 143—147.

кого и юридического»¹. Это создавало перегрузку, невозможность на чем-то сосредоточиться. Но если деспотические режимы хотя бы обладали реальной силой для того, чтобы осуществить свое решение, то Временное правительство не имело пока рычагов власти. Оно было авторитарным, но слабым.

Либералов и советских демократов роднило представление о необходимости немедленного расширения гражданских прав (советские лидеры были радикальней, предлагая распространить их и на армию). Но проблема социальных реформ была куда сложнее.

Н. Некрасов, лидировавший среди левых либералов и обеспечивавший их связку с «масонской партией», говорил в марте: «Не будем уподобляться старому режиму, который говорил: сначала упокоение, а потом реформы. Меньше всего можно говорить: сначала политика, а потом социальные вопросы»². В зале раздались аплодисменты. Не то чтобы бурные, так — оживленные. Кадеты разделяли надежды министра на реформы, но, может быть, они лучше его понимали — для реформ нужно согласие всех социальных сил или подавление несогласных. Чтобы провести существенные реформы, нужно отказаться от политики компромиссов, которая составляла сущность стратегии «масонской партии».

Прежде чем принимать решения, правительство создавало совещания, которые подробно и иногда очень долго обсуждали вопрос. По идее, это позволяло заручиться поддержкой разных общественных сил. Но правительство оставляло решение за собой, что вызывало раздражение тех, чье мнение было проигнорировано.

Правительство пошло по пути удовлетворения наиболее очевидных, уже реализованных явочным порядком требований рабочих. 6 марта были отменены наказания за стачки, 10 марта

¹ Архив новейшей истории России. Т. 9. С.50.

² Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 474.

введен 8-часовой рабочий день, и так уже установленный явочным порядком. 23 апреля правительство приняло положение о «рабочих комитетах», пытаясь ограничить их функции чисто профсоюзными задачами.

Одно из мифологизированных мероприятий правительства — амнистия. Она считается чуть ли не главной причиной разгула преступности в 1917 г. На деле она была достаточно осторожной. Никто не собирался выпускать на свободу всех уголовников. Амнистия заменяла смертную казнь 15-летними каторжными работами, снижала сроки наказания¹. Так что если бы это решение, подготовленное Керенским, было полностью осуществлено, массы уголовников еще несколько лет провели бы в местах заключения.

Но социально-экономический кризис, развал уголовной полиции и системы исполнения наказаний в ходе более поздних революционных событий привели к безудержному всплеску преступности.

После первых решительных мероприятий социал-либерального содержания наступила пауза. Либералы не были готовы углублять социальные преобразования.

22 марта было создано юридическое совещание, через которое должны были проходить все проекты решений. Это был лучший способ затормозить любое решение, не соответствующее взглядам либеральных политиков. Летом совещание станет главным заслоном на пути любых покушений на помещичью собственность.

...

Правительство либералов в условиях войны и нараставшей разрухи было вынуждено приступить к мерам регулирования экономики, более характерным для социалистов и позднее — даже для коммунистов. Правда, делалось это без энтузиазма.

¹ Архив новейшей истории России. Т. 7. С. 113—121.

Уже первое Временное правительство, находившееся в руках либералов, пошло по пути усиления государственного регулирования хозяйства, закладывая основы политики, которую позднее большевистское правительство будет проводить с помощью грубой силы.

Важнейшим вопросом, лихорадившим Россию, был продовольственный. Продолжая политику царского министра А. Риттиха и предвосхищая меры большевиков, 25 марта Временное правительство приняло решение о передаче хлеба в распоряжение государства. Что характерно, это «социалистическое» решение было принято по инициативе министра-кадета А. Шингарева. Таково было требование дня, и страна восприняла его с пониманием. Этот факт иногда воспринимается как алиби большевиков — они ведь тоже огосударствили распределение продовольствия. Но было и различие. Временное правительство закупало хлеб через систему заготовительных организаций, а не отнимало его. При Временном правительстве деньги еще имели цену, хотя их покупательная способность упала в 3—6 раз с начала войны.

Большевики позднее изымали хлеб силой, фактически — безо всяких стимулов со стороны крестьян расставаться с продовольствием и, соответственно, выращивать его в следующем году.

Кадетский министр предвосхитил и коммунистические идеи государственного регулирования распределения. 28 марта правительством было принято представление «О планомерной организации сельского хозяйства и труда», которое предусматривало создание государственных органов по снабжению сельского хозяйства металлом, средствами производства, семенами, удобрением, рабочими силами и кредитом¹. Но где все это взять? Планируя распределение промышленных продуктов, либералы не решились покуситься на «священное право частной собственности». Для поиска путей решения этой сложной задачи

¹ Архив новейшей истории России. Т. 7. С. 189.

21 апреля был учрежден Главный земельный комитет, который включал представителей губернских комитетов, правительства, крупнейших крестьянских организаций, одиннадцати партий, а также делегатов экономических обществ и специалистов. Создав очередную бюрократическую надстройку, Временное правительство и здесь не придумало, как заставить общество ей подчиняться.

24 апреля, развивая эти идеи, Шингарев предложил организовать снабжение населения промышленными продуктами широкого потребления. В результате правительство создало очередную комиссию «для выяснения вопроса»¹. Предстояло подсчитать нужды и возможности предприятий, но по-прежнему было неясно, каким образом заставить собственников поставлять продукцию в нужных количествах по государственным ценам. Принцип создания комиссии был уже отработан — в нее включили представителей ведомств, Советов, кооперативных организаций, Земгора.

Главной идеей Временного правительства было согласование всевозможных интересов. Для регулирования хозяйства создавались органы, в которые включались «все заинтересованные стороны». Дело хорошее, если четко обозначены время и порядок принятия решения. В случае с Временным правительством торопиться было некуда, ждали Учредительного собрания. А с его созывом не торопились, ожидая, пока народ «остынет», научится мыслить более здраво, чем в февральские дни, согласится с аргументами либералов. В условиях нарастающего социального кризиса происходило прямо обратное. А инициативы правительства выливались в бесконечную согласовательную говорильню, которая раздражала народ, собравшийся на улице и занятый все более эмоциональной митинговой говорильней.

Признав необходимость вторжения в отношения собственности, общественного регулирования хозяйства, либералы рас-

¹ Архив новейшей истории России. С. 344.

писались в неспособности сделать это самим и тем поставили в повестку дня приход к власти социалистов.

Таким образом, первоначально социальные преобразования были парализованы либералами, которые то готовились к созыву Учредительного собрания, то согласовывали интересы «волков» и «овец». Вскоре перспектива созыва собрания запустила еще один механизм, который стал определять поведение партий — они вступили в предвыборную борьбу. Учредительное собрание, которое сначала ожидалось «вот-вот», теперь переносилось на несколько месяцев под предлогом того, что нужно все как можно более тщательно подготовить. Чтобы ни один голос не пропал, и все согласились с «волей народа». Пока готовили списки избирателей, партии стали охотиться за голосами, как всегда в таких случаях не смущаясь популизма. Добиться согласования и так плохо согласуемых интересов в этих условиях становилось все труднее.

...

Важнейшим фактором, оказывавшим воздействие на ход революции, оставалась война. Открытая демократическая система новой России должна была сосуществовать с продуктами распада авторитарного милитаризованного общества. Огромную роль стала играть выходящая из-под контроля солдатская масса, стремящаяся к скорейшей демобилизации. Особую силу приобретали тыловые гарнизоны, и прежде всего петроградский. Объявляя себя гарантом революции, солдаты петроградского гарнизона активно воздействовали на политические события в своих собственных интересах.

Одной из важнейших задач новой власти было поддержание дисциплины на фронте и в тылу: «Революционная интеллигенция, стоявшая в то время во главе советских организаций, только благодаря своей мирной программе, отвечающей стремлениям масс на фронте и в тылу, пользовалась доверием армии... она ис-

пользовала это доверие не только для политической кампании в пользу всеобщего мира, но и для того, чтобы восстановить дисциплину в армии и предохранять фронт от распада»¹, — отвечает И.Церетели критикам справа, обвинявшим социалистов в «развале» армии.

С. П. Мельгунов, рассмотрев этот вопрос, заключает: «В конце концов, реальных данных, свидетельствующих об увеличении в революционное время дезертирства по сравнению с тем, что было до переворота, нет»². В первой половине года и братания на фронте были сравнительно редким явлением.

Посетив в апреле Гельсингфорс, который к осени станет оплотом большевиков, депутаты А. Александров и В. Степанов констатировали: «Отношения между солдатами и офицерами можно считать налаженными», дисциплину поддерживают сами матросы и их комитеты³. По примеру Петрограда солдатские комитеты возникали по всей стране и брали военную силу под свой контроль. После февральского всплеска ненависти к офицерам ситуация стабилизировалась. «Разложение армии» возобновилось позднее, когда выяснилось, что революция не ведет ни к победам, ни к миру.

Позднее в «разложении армии» винили большевистскую пропаганду. Но вот 24 апреля, когда влияние большевиков на фронте еще стремилось к нулю, генерал Брусилов требует присылки на фронт опытных патриотических агитаторов, так как началась «разрушительная пропаганда мира», которая «пустила глубокие корни»⁴. Не большевики развернули «разрушительную пропаганду мира», а сторонники скорейшего мира стали позднее большевиками и левыми эсерами.

¹ Церетели И. Г. Кризис власти. М., 1992. С. 51.

² Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 356.

³ Архитов И. Л. Указ. соч. С. 187.

⁴ Цит. по: Архитов И. Л. Указ. соч. С. 232.

Впрочем, еще не «разложенная» армия, измученная войной, имела слабую боеспособность, что показало поражение на Стоходе в марте 1917 г.

Чтобы как-то повысить боевой дух войск, правительство решило закрепить права солдат, провозглашенные Советом. 11 мая была принята разработанная Керенским «Декларация прав солдата», которая закрепляла за ним большинство гражданских прав, но давала офицерам право применять силу к солдатам, не подчиняющимся боевыми приказам.

...

Революционно-демократические силы, осознававшие невозможность немедленного и радикального выхода из кризиса, но противостоящие реставрации авторитарного режима, были представлены социалистическими партиями: партией социалистов-революционеров (эсеров) и социал-демократами меньшевиками. Весной 1917 г. именно революционно-демократические партии стали лидирующей силой в Советах.

Авторитет этих течений был приобретен ими в годы борьбы с царизмом и укреплялся способностью революционно-демократической интеллигенции убедительно обосновать свою позицию в тот период, когда массы рабочих и солдат еще были готовы «потерпеть» в надежде на относительно быстрый выход из кризиса после революции. Первоначально такая позиция была продиктована не масонами, а взглядами самих социалистов, которые опасались брать власть в условиях, когда придется решать «буржуазные задачи», когда у социалистов еще нет административного опыта и не вернулись из эмиграции и из ссылки наиболее известные вожди. Социалисты были готовы искать компромисс между радикальными массами трудящихся и либеральными «цензовыми элементами» — состоятельной интеллигенцией и предпринимателями, без которых эффективное

функционирование экономики представлялось сомнительным. Именно социалистическая интеллигенция взвалила на себя задачу консолидации общества в тяжелых условиях 1917 г. Разделяя цели радикализированных революцией масс, социалистическая интеллигенция сдерживала их, разъясня утопизм стремления к немедленному воплощению этих целей в жизнь. Грамотность и социальная близость к народу, «народничество» обеспечивало социалистам сохранение их авторитета даже тогда, когда им приходилось агитировать за непопулярные меры. Но постепенно, по мере затягивания преобразований, этот авторитет таял.

У нового правительства не было прочной опоры в массовых организациях, сотнями возникавших или выходивших из подполья после революции — партиях, профсоюзах, Советах. Эту опору могла дать только связка с социалистами. Меры принуждения были невозможны, поскольку войска в столице подчинялись Совету.

Поэтому в принятой Временным правительством 26 апреля декларации говорилось: «В основу государственного управления оно (Временное правительство. — *А. Ш.*) полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе»¹. Здесь использована масонская идея морального, а не властного воздействия. Но его было явно недостаточно в условиях, когда обострялись социальные противоречия, и представления о добре у «цензовиков» и радикалов из рабочих кварталов были диаметрально противоположны. Так что мораль моралью, а требовалось что-то еще для удержания власти. Требовалась или сила (на что надеялся Милюков), или умение манипулировать политическими партнерами и массовым сознанием (что до поры лучше других умел делать Керенский и его друзья с масонской подготовкой). Временное правительство не

¹ Церетели И.Г. Указ. соч. С. 45.

было демократическим. Оно не могло быть авторитарным (хотя к этому стремились правые кадеты и Гучков). Оно было манипулятивным.

БИТВА ЗА ПРОЛИВЫ

Первый кризис революционной власти разразился уже в апреле. Улицы столицы заполнили массы народа, требовавшие отставки Милюкова. Поскольку Милюков — не масон, значит, это все организовали они, злодеи. Или немцы — через большевиков.

«Масонская» политическая линия требовала включения всех «ответственных сил» в единую систему власти, подчиненную общей цели — политической либерализации и в дальнейшем по возможности — решения наиболее острых социальных проблем на основе классового компромисса. Между тем правительство висело в воздухе, Советы относились к новой власти прохладно, как к чуждой, как к меньшему из зол.

Социалисты требовали, чтобы с ними считались не только во внутренней, но и во внешней политике, тем более что от хода войны зависела судьба революции. «Бойня» Первой мировой усугубляла практически все проблемы страны, ей не видно было конца и края. Патовая ситуация на фронте могла разрешиться либо победой одной из сторон (но за многие годы никто решительного успеха не достиг, не было надежды прорвать немецкий фронт и в будущем), либо всеобщим истощением (то есть новыми бедствиями для трудящихся), либо компромиссным миром. В 1915 г. на конференции в Циммервальде социалисты предложили принципы такого выхода из войны — мир без аннексий и контрибуций. Чтобы революционная Россия могла взять на себя инициативу заключения всеобщего мира, она должна была первой отказаться от территориальных и имущественных претензий к Германии, Австро-Венгрии и Турции. Но пришедшие

к власти либералы были настроены весьма агрессивно, надеясь «получить свое» — поучаствовать в разделе Турции и Австро-Венгрии, получить компенсацию с противников за издержки войны. А пока продолжалась политика, нацеленная на аннексии и получение контрибуции с противника, достичь мирного компромисса было невозможно.

11 марта Милюков, выступая перед дипломатическим корпусом, подтвердил стремление России вести войну до «победы». Значит, новое правительство не собирается искать компромиссного мира без аннексий и контрибуций? 22 марта Милюков разъяснил свою мысль с предельной ясностью: Россия стремится приобрести Константинополь и проливы, но это — не «захватные тенденции», ведь Турция когда-то тоже захватила эти земли¹. Так можно оправдать любые аннексии, поскольку почти каждая территория была когда-то кем-то завоевана.

Мнение лидера разделяло большинство кадетов. При бурных рукоплесканиях Ф. Родичев говорил на съезде партии 26 марта: «Где же аннексии? А Константинополь? У кого мы собираемся его аннексировать? У турок?» Зал затих в недоумении. Действительно — у кого, если не у турок? «Господа, вы знаете, что Константинополь — город не вполне турецкий. Вы знаете, что там, если память мне не изменяет, 140 000 турок, остальные — христиане-греки и евреи». Ну, понятно — сотня тысяч турок не в счет. А грекам сам бог велел жить в России, а не в Турции или какой-нибудь Греции. Не говоря уж о евреях. Какие уж тут аннексии! Впрочем, Родичев так разошелся, что уже и не скрывает, что кадеты требуют именно аннексий: «У кого же мы аннексируем Константинополь, находящийся под пятой разбойничьей власти?» Да уж, против разбойников не грех и поразбойничать, выйти, так сказать, на большую дорогу: «И не Константинополь нам нужен, а нам нужны проливы». То есть Константинополь, ко-

¹ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 368.

нечно, тоже. Но раз немцы маячат в Средиземном море, то «дело обеспечения русской самостоятельности»¹ требует аннексии Константинополя с проливами. И никакого империализма. Даже сталинские требования 40-х гг. были скромнее, чем претензии русского либерализма к южному соседу.

Циничная логика либералов-шовинистов наткнулась на сопротивление миротворцев из Совета.

14 марта в ответ на заявление Милюкова Совет принял свою декларацию по вопросам войны и мира — воззвание «К народам мира». Исходя из принципов Циммервальдской конференции социалистов, воззвание предлагает народам своими усилиями прекратить кровопролитие на условиях отказа от «захватных стремлений». Для этого трудящиеся Германии и Австро-Венгрии должны свергнуть свое самодержавие по примеру России.

Таким образом социалисты искали возможность выйти из тупика безысходной позиционной войны. Но для того, чтобы призывать других к компромиссному миру, Россия должна была сама отказаться от территориальных претензий к противнику. А Милюков категорически отказывался это делать. В итоге возник первый кризис, когда Совет мог публично отказать правительству в доверии и тем поставить его перед лицом политического краха. Пришлось правительству вступить в переговоры с Советом, чтобы сохранить единство. Даже правый социалист Церетели требовал, чтобы правительство признало формулу мира без аннексий и контрибуций.

Милюков дрогнул под давлением «масонской партии», стремившейся сохранить союз с Советом. В Заявлении Временного правительства о целях войны, увидевшем свет 28 марта, говорилось: «Цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного

¹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. I. С. 443—444.

мира на основе самоопределения народов¹. Это означало, что Временное правительство отказывается от мечты шовинистов (включая Милюкова) водрузить русский флаг над Дарданеллами. Однако по настоянию кадета Ф. Кокошкина были вставлены слова о соблюдении обязательств перед союзниками. Это поставило согласование заявления с социалистами на грань срыва — ведь сами обязательства содержались в секретных договорах. Делегаты Совета не могли подписаться под тем, что не видели. Эта коллизия разрешилась только после победы большевиков, которые просто опубликовали секретные договоры Российской империи (что не мешало им потом заключать свои — не менее секретные). Но в марте на выручку пришло масонское искусство компромисса — Некрасов убедил социалистов, что они могут толковать двусмысленные формулы документа в свою пользу. Этот «гнилой компромисс» продержался меньше месяца. Милюков тоже толковал заявление по-своему, считая захват проливов чуть ли не освобождением. И вообще он был готов поставить левых перед фактом игнорирования их требования. Еще в апреле Милюков убеждал Алексеева в необходимости провести десантную операцию по захвату проливов², что означало бы новый виток войны.

В этих условиях Керенский попытался закрепить успех компромисса, предложив опубликовать официальную ноту к союзникам с разъяснением заявления 28 марта. Нота, подготовленная Милюковым и принятая правительством, вышла за рамки декларации 28 марта — в ней говорилось о войне до победы (что исключало быстрый компромиссный мир), после которой «демократические государства» (то есть Антанта) введут «санкции», способные предотвратить новую войну. Понятно, что санкции будут введены против побежденных Германии и Австро-Венг-

¹ Милюков П.Н. История Второй русской революции. С. 76.

² Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 388—389.

рии. Нота Милюкова была принята 18 апреля, но опубликована 20 апреля, через два дня после первомайских демонстраций, где господствовало циммервальдское, миротворческое понимание задач внешней политики. Однако задержка с публикацией ноты не помогла избежать конфликта — социалисты почувствовали себя обманутыми и не позволили поставить себя перед фактом изменения внешнеполитической линии правительства.

По мнению Милюкова, его нота дала «новый благодатный повод большевикам для первой уличной манифестации вооруженных сил против Временного правительства». Демонстрации против Милюкова и других «министров-капиталистов», по его мнению, были инициированы из «темного источника»¹ (намек то ли на немцев, то ли на масонов). Провозгласив вывод о причинах движения, продиктованный его политической схемой, Милюков вскользь обращает внимание и на реальные обстоятельства выступления 20 — 21 апреля. А эти обстоятельства разрушают всю схему кадетского историка. Оказывается, солдат Финляндского полка на демонстрацию против ноты Милюкова вывел не кто иной, как прапорщик Ф. Линде, весьма далекий от большевизма член исполкома Совета. Позднее он будет назначен Временным правительством комиссаром Юго-Западного фронта, со всем возможным пылом станет убеждать солдат идти в наступление. И солдаты, уже убедившиеся в бессмысленности наступлений, застрелят его. Но в апреле нота Милюкова возмутила даже такого социал-патриота.

Может быть, Линде действовал по приказу масонов? Но он не смог бы ничего сделать без большевиков, а они — враги «масонской партии». Кто же координировал действия таких разных сил? Разгадка находится перед глазами: сам Милюков. Его акция возмутила и Линде, и левых социалистов, и большевиков. Так же как в феврале упрямство Николая II довело кризис до револю-

¹ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 83.

ции, так и в апреле упрямство Милюкова и его сторонников вывело массы на улицы.

Движение против ноты Милюкова носило широкий и многопартийный характер. Большевики, разумеется, тоже приняли участие в демонстрациях, поскольку нота подтвердила их обвинения Временного правительства. Произошли столкновения между противниками и сторонниками Милюкова, пролилась кровь.

22 апреля правительство выступило с разъяснениями злополучной ноты: мол, под «санкциями» имелись в виду пацифистские меры — международный трибунал и ограничение вооружений (вообще-то такие меры не называются санкциями). Правые социалисты добились того, что исполком Совета признал эти разъяснения удовлетворительными. Но стало очевидным, что лидерство Милюкова в правительстве ведет к конфронтации и, возможно, — гражданской войне. В Петрограде «партия порядка» не имела пока шансов подавить уличные выступления. Когда командующий Петроградским военным округом Корнилов попытался вызвать на Дворцовую площадь две батареи Михайловского артиллерийского училища, то собрание солдат и офицеров постановило не давать ему орудий. Новое 9 января не состоялось, и Корнилов подал в отставку.

Раз нельзя было подавить левых, нужно было направить их энергию на пользу правительства. А это было возможно только при условии исключения из кабинета «ястреба» Милюкова, который и после апрельских столкновений продолжал стоять на своем. Характерен диалог левого либерала, лидера «промасонского» крыла кадетов Некрасова и Милюкова. Некрасов: «Что такое жизненные интересы России? Скорейшее доведение войны до прочного мира или сакраментальная фраза: Константинополь и проливы?»¹ Милюков ответил вопросом на вопрос: «Так и будем говорить, что вопрос идет о победе или об окончании

¹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн.1. С. 503.

войны вничью?»¹ В этом заключалась суть разногласий левых и шовинистов по внешнеполитическим вопросам. Победы неудачно добивались с 1914 года. Теперь левые предложили иной выход — завершение бойни без победителей и побежденных. Милюков настаивал на победе, надеясь на новые десантные авантюры. «Масонская партия» колебалась — Некрасов внял аргументам циммервальдцев, а вот Керенский, заняв пост военного министра, под влиянием ведомственного интереса сам стал мечтать о бонапартовых лаврах.

26 апреля правительство выпустило декларацию по итогам событий. Проект написал кадет Кокошкин, и он был проникнут духом обличения Совета и левых. Но «масонская партия» в условиях социальной нестабильности и военного бессилия правительства в столице легко переиграла кадетских «ястребов». При обсуждении в правительстве текст декларации кардинально изменился, и она превратилась в приглашение расширить состав правительства за счет «тех активных творческих сил, которые доселе не принимали прямого и непосредственного участия в управлении государством»². Прежде всего это относилось к Советам и социалистическим партиям.

Напрасно Милюков убеждал премьера Львова пожертвовать Керенским и установить твердую власть, готовую подавить левых. В обстановке весны 1917 г. эти предложения были совершенно неадекватными. Гучков первым понял это и 29 апреля подал в отставку. Милюков сначала утверждал, что не останется в правительстве в случае коалиции с левыми, но затем все же при-

¹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 508—509.

² Цит. по: Милюков П. Н. Указ. соч. С. 91.

нялся делить портфели, испытав новое унижение — ему предложили пост министра просвещения. Просвещать граждан в таких условиях Милюков отказался и покинул правительство.

Когда под напором левых сил Милюкову пришлось оставить правительство, он недоумевал, каким образом его во всех отношениях правильная линия потерпела столь быстрый крах. В своих воспоминаниях Милюков намекал, что он пал жертвой интриг загадочной группы в правительстве, связанной «какой-то личной близостью политико-морального характера»¹ (прямо слово «масоны» не было произнесено, а в более строгом исследовании Милюкова «История Второй русской революции» отсутствуют и сами намеки²). Г. Аронсон считает, что намеков этих достаточно, «чтобы получить представление о месте и влиянии масонов в Февральской революции и событиях 1917 г.»³. Но для того, чтобы согласиться с этим поверхностным выводом, нужно начисто забыть обо всем, что творилось за пределами кабинета министров в апреле 1917 г., когда многотысячные толпы требовали отставки Милюкова, нарушившего соглашение с Советом в вопросе о продолжении войны. Масоны были утлой лодкой, маневрировавшей среди других лодок по бурным волнам революции. Милюков попытался встать на пути широкого левого движения и был смят. Намеки обиженного министра на «истинные» причины его отставки к этому факту ничего не добавляют.

ТРИУМФ «МАСОНСКОЙ ПАРТИИ»

Апрельский кризис позволил не только отстранить от власти Милюкова и Гучкова, усилив позиции «масонской партии». Теперь открывалась возможность полностью воплотить в жизнь союз

¹ *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859—1917). Нью-Йорк. 1955. Т. 2. С. 332—333.

² *Милюков П.Н.* История Второй русской революции. С. 96.

³ *Аронсон Г.* Указ. соч. С. 166.

умеренных левых и правых, о котором масоны мечтали еще до революции.

Теперь у левых были и известные вожди, и большой опыт. Почему бы им не взять на себя всю власть, раз либералы не справились? Они не решились на это, что соответствовало масонским взглядам Керенского и Некрасова. Но только ли масонское наследие предопределило этот выбор? Отнюдь нет. В пользу коалиции либералов и социалистов было много других мотивов. Нельзя забывать, что все происходило тогда в условиях предвыборной кампании. Этот фактор довлел над политиками. Умеренные социалисты были фаворитами предвыборной гонки, и брать власть до голосования было невыгодно — тогда они стали бы терять очки, проводя непопулярные меры. В коалиции ситуация была иной — можно было возлагать часть ответственности на конкурентов — кадетов. Умеренные социалисты преувеличивали влияние «цензовых элементов» в стране (так же как большевики преувеличивали опасность именно буржуазной контрреволюции). Социалисты видели в разрыве с либералами, а значит и с буржуазией, угрозу экономического саботажа, утечки капиталов (она происходила несмотря на присутствие «цензовиков» в кабинете) и отказа союзников по Антанте в сотрудничестве с социалистическим правительством (это опасение было явно преувеличенным). Опасались и отсутствия поддержки справа в борьбе против большевизма. Правда, буржуазия и так не доверяла Временному правительству (хоть с кадетами, хоть без них) и выводила капиталы из страны, углубляя социально-экономический кризис.

• • •

5 мая правительство было реорганизовано — в него вошли социалисты — лидеры Петроградского Совета — В. Чернов, М. Скобелев, И. Церетели, А. Пешехонов. Два министерства возглавил А. Керенский.

Союз «всех живых сил» давал правительству дополнительный авторитет, который, как казалось министрам, позволял перейти

от мер убеждения и морального давления на массы к принуждению. «Правительство, опирающееся на доверие большинства населения, должно быть в состоянии в случае нужды принять меры принуждения к анархическим элементам, нарушающим демократический порядок»¹, — вспоминал И. Церетели о соглашении между «цензовыми элементами» и социалистами. Однако «доверие большинства населения» могло поддерживаться только в случае проведения социальных реформ, способных несколько снизить социальное напряжение в обществе. Между тем правительство в большинстве своем выступало за отказ от существенных преобразований до созыва Учредительного собрания. Лидеры «масонской партии» понимали, что кадеты и социалисты вряд ли смогут договориться о стратегии развития страны. Они собирались вести ее в разные стороны. Выход был один — по крайней мере до Учредительного собрания, а желательно — до конца войны тормозить любые преобразования, уходить от конфликтов.

За бортом этой политики оказывались большевики и анархисты, но пока они казались несущественной, маргинальной силой. Между тем из-за войны и революционных событий усиливался экономический кризис, ухудшавший и без того тяжелое положение трудящихся. Это порождало массовое отчаяние, стремление вырваться из сложившегося положения одним скачком, нереальные ожидания и в итоге — стремление к быстрым и решительным мерам, качественно изменяющим общество, — социальный радикализм. Силой, которая взяла на себя консолидацию радикально настроенных солдатских и рабочих масс, стали большевики.

Отказ от социальных преобразований приближал социальный взрыв с точностью математического закона, усиливал большевиков².

¹ Церетели И.Г. Указ. соч. С. 88.

² «Теория заговора» объясняет успехи большевиков тем, что германский генштаб взял Ленина на содержание. Эта версия не выдерживает проверки фактами. См.: Шубин А.В. Десять мифов советской страны. М., 2006. С. 25 — 39.

ЛЕБЕДЬ, РАК И ЩУКА

Когда революционные демократы, социалисты вошли в правительство, это считалось торжеством демократии, народовластия. Но даже организованные в Советы рабочие и крестьяне, не говоря уж об остальной массе населения, не могли заставить правительство учитывать их стремление к социальным переменам. Правительство делало то, что считало нужным. А оказавшаяся в центре правительственной конструкции «масонская партия» не хотела делать ничего, что могло бы нарушить хрупкий баланс ее власти.

На практике министры остались безответственными. Они зависели прежде всего друг от друга и в значительной степени — от своих ЦК. Более широкой опоры у власти не было, и межпартийный конфликт или разногласия министров приводили к тому, что правительство «повисало в воздухе» и режим держался на связях «масонской партии». Такова была система коалиции, возникшая в мае 1917 г.

Быстро выяснилось, что коалиция либералов и социалистов позволяет лишь временно стабилизировать ситуацию. Кадеты и социалисты, как лебедь и щука из басни, тащили в разные стороны. И «масонская партия» предлагала выход — как рак пятиться от назревших проблем.

Для того, чтобы не просто заморозить кризис, а начать его лечить, нужны социальные преобразования — хотя бы умеренные. Чтобы люди поняли — что-то делается. А либералы стояли насмерть — никаких социальных преобразований до Учредительного собрания, нельзя предвосхищать волю народа. В действительности они легко «предвосхищали» эту волю, проведя серию политических преобразований в апреле. Но теперь встал вопрос о собственности на землю, и тогда кадеты «проявили принципиальность». Ради защиты собственности они были готовы расколоть коалицию. А коалиция составляла суть политики «масонской» группы. Чтобы сохранить коалицию, следовало остановить реформы.

Чтобы начать решать накапливающиеся в стране проблемы, следовало определиться. Первый путь — твердой рукой проводить либеральную «шоковую терапию» в интересах цензовых слоев. Эта политика не удалась Милюкову, но кадеты не отказались от надежды осуществить эти планы, когда народ «успокоится». Они поддержат генерала Корнилова, а затем и белое движение. Второй путь — начать социальные преобразования, которых требовали массы работников, организованные в Советы: земля — крестьянам, фабрики — рабочим или государству. Чем бы ни кончились такие преобразования, но их начало принесло бы власти новую популярность, возможность опереться не на штыки, а на организацию Советов, на массовый энтузиазм. По этому пути могли пойти революционные демократы и большевики. Если бы решились первые, вторым ничего бы не осталось, как присоединиться или уйти на обочину истории. Еще во время апрельского кризиса правый большевик Каменев и левые эсеры выдвигают идею социалистического правительства, опирающегося на Советы и ответственного перед ними.

Между тем советская демократия уже в это время сформировала широкое народное представительство, позволявшее установить «обратную связь» власти и общества. Это были съезды Советов. 2—4 мая проходил съезд Советов крестьянских депутатов, на который приехало 1353 депутата. 4 июня работал Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором присутствовали 1080 депутатов от 336 Советов и 23 воинских единиц. Несмотря на то, что оба съезда не представляли всего населения, они несомненно опирались на большинство активных граждан России. То же самое можно сказать и о любом парламенте. Это естественно наводило на мысль о возможности превращения съезда во временный революционный парламент, который мог выполнять функции законодательного и контрольного органа вплоть до созыва Учредительного собрания. Такая модель власти позволила бы начать социальные реформы,

которые ожидали массы, восстановить обратную связь между правительственной верхушкой и широкими слоями населения. Таким образом, в систему власти удалось бы интегрировать более широкие слои населения, в том числе и радикальные массы, которые шли за анархистами и большевиками. Впервые еще на крестьянском съезде Советов встал вопрос о возможности создания правительства, ответственного перед ним, но «трудовая демократия» не решилась на это¹.

Не удивительно, что подобная перспектива не устраивала кадетов — «цензовые» (то есть обладавшие имущественным цензом) слои в Советах не были представлены, а возможность самостоятельного, «сильного» (то есть в ситуации 1917 г. авторитарного) правительства, за которое выступали либералы, стала бы совсем призрачной.

Но перспектива потерять союз с «цензовыми элементами» пугала и умеренных социалистов, причем не только сторонников Керенского. Если социалисты возьмут власть одни, ее база станет более узкой, социалисты будут отвечать за все, что происходит в стране. В итоге на выборах может победить реакция. Угроза большевизма также заставляла лидеров социалистических партий отказываться от идеи правительства без либералов. Возражая В.Чернову, который пришел к выводу о необходимости разрыва с кадетами, член ЦК партии эсеров А. Гоц говорил: «Слева большевики травят десять «министров-капиталистов», требуют, чтобы мы от них «очистились», то есть остались без союзников и скатились им прямо в пасть»². Аргументы «масонской партии» пока убеждали большинство социалистов. А время уходило.

Но все больше социалистических лидеров понимало: социально-экономическая ситуация ухудшается так быстро, что настало время начинать глубокие преобразования.

¹ Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917 — 1918 годах). М., 1996. С. 43.

² Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993. С. 326.

Один из ведущих социал-демократических экономистов, председатель Экономического отдела Совета В. Громан заявил на заседании рабочей секции I съезда Советов: «Настала последняя минута, когда государство должно, наконец, поставить и немедленно приступить к осуществлению грандиозной задачи организации народного хозяйства. От анархического производства необходимо перейти к организованному производству по заданиям государства, с тем чтобы была использована максимальная производительность национального труда»¹. Этот характерный для социал-демократов того времени бюрократический идеал нужно было совместить с бурно растущей в стране низовой самоорганизацией, поэтому Громан благосклонно упомянул о поддержке регулирования «органами революционного самоуправления народа».

Но меньшевики не добились усиления государственного регулирования экономики. Их предложение было отвергнуто правительством. Кадеты заблокировали «социалистические» меры, предложенные меньшевиками (причем «масонская партия», включая правых социалистов, поддержала в этом вопросе кадетов).

Попытки министра земледелия, лидера партии эсеров В. Чернова провести хотя бы скромные земельные преобразования в духе требований съезда крестьянских Советов встретила сильное сопротивление в правительстве и администрации. Чернов планировал приостановку «земельных сделок, посредством которых у народной власти может утечь между пальцев тот земельный фонд, за счет которого может быть увеличено трудовое землепользование, и переход частной земли на учет земельных комитетов, призванных на местах участвовать в создании нового земельного режима»². 29 июня Чернов внес в правительство

¹ Цит. по: Злоказов Г.И. Меньшевикско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 г. М., 1997. С. 174.

² Чернов В.М. Указ. соч. С. 321.

проект закона о запрещении земельных сделок и передачи арендуемых и необрабатываемых земельных владений в распоряжение земельных комитетов. Категорически против законопроекта выступили кадеты и премьер-министр В. Львов. Проект Чернова похоронили в комиссиях. Но, застопорив по этой причине любое решение земельных отношений, кадеты и «масонская группа» лишь раззадорили крестьян, и те двинулись громить и старые помещичьи гнезда, и новые показательные сельхозпредприятия. Эта ситуация склонила Чернова к необходимости «развода» с кадетами в интересах конструктивных реформ.

Только после июльского социально-политического кризиса, когда кадеты на время покинули правительство и Керенский стал премьером, земельный закон все же 9 июля был принят с поправкой — земельные сделки разрешались, но требовали согласия губернского земельного комитета с утверждением министра земледелия¹. С такими оговорками закон фактически блокировал земельные махинации. Но это был предел реформ, на которые согласилась «масонская партия». Дальнейший сдвиг влево означал бы создание однородной демократической (то есть левой, преимущественно социалистической) коалиции, в которой группа Керенского — Некрасова теряла бы господствующие позиции. В партиях эсеров и меньшевиков обострилась борьба между сторонниками «масонского» центристского, социал-либерального курса и теми, кто осознал необходимость более глубоких социальных преобразований, проводимых с помощью массовых демократических организаций, включая Советы.

Таким образом, перед страной встала дилемма — сохранение либерально-социалистической коалиции до Учредительного собрания или создание однородного (без кадетов) демократического правительства из всех партий, представленных в Советах. «Масонская» политика сдерживания преобразований кан-

¹ Лавров В.М. Указ. соч. С. 118.

далами повисла на российской революции. Кризис нарастал. С одной стороны — попавшие в отчаянное положение рабочие и мечтавшие о мире солдаты во главе с большевиками и анархистами. С другой стороны — офицерство и цензовые слои во главе с Корниловым.

Керенскому и его единомышленникам — в том числе не масонам, все сложнее приходилось балансировать между давящими друг на друга социально-политическими пластами. В этой борьбе старые масонские связи уже не могли помочь, и приходилось рассчитывать на искусство политического маневрирования и манипулирования.

Послесловие

В июле «масонская партия» воспользовалась вспыхнувшими в Петрограде волнениями и обыграла Ленина, представив большевистские демонстрации мятежом, оплаченным немцами¹. 9 июля Керенский возглавил правительство. Но все это были пирровы победы. Россия раскололась на сторонников левого и правого курса, и «масонская партия» оказалась зажата между ними. Новая пиррова победа над Корниловым в августе усилила не столько Керенского, сколько большевиков.

Каждый новый манипулятивный политический кульбит приносил Керенскому тактический успех и приближал стратегический крах социал-либеральной группировки (нечто подобное повторилось и во время перестройки Горбачева). Керенский терял поддержку уже и в партии эсеров, которую формально представлял в правительстве. ЦК эсеров во главе с Черновым настаивал на создании правительства без кадетов, в сентябре социалисты и большевики обсуждали формирование однородного демократического правительства. Казалось, что России удастся избежать гражданской войны. Но Керенский «кинул» и собственную партию, создав новое правительство с кадетами. Последнее Временное правительство. Лишившись всякой опоры, остатки «масонской партии» уже ничего не могли предложить России. Им на смену шел большевизм.

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Указ. соч. С. 39 — 56.

До революции масоны были информационным каналом между левыми либералами и правыми социалистами. Масоны — конспиративная игра политических центристов. Она обеспечивала контакты левых либералов и правых социал-демократов, которые формально следовали курсу своих партий, а реально боролись за коалицию оппозиционных сил.

До революции масоны были далеко не единственной и даже не самой влиятельной организацией, где велись беседы об ограничении власти царя или его отречении. Не всякий земец или деятель ВПК, вовлеченный в такие консультации, — масон. У сторонников версии о всемогущем масонском заговоре не хватает доказательств принадлежности к ложам даже Гучкова, Львова и генерала Рузского.

Сторонники схемы, в соответствии с которой масоны или другие заговорщики из элиты «сделали революцию», не видят самой революции — движения широких народных масс, доведенных до отчаяния самодовольной правящей элитой. Эти массы вмешались в борьбу элитарных группировок и решительно изменили расстановку политических сил. Но нельзя отрицать, что политики, участвовавшие в масонских ложах, продолжали воздействовать на ситуацию после февраля, хотя и не определяли ее.

При формировании Временного правительства масоны были тоже лишь одной из многих общественных структур, участвовавших в его конструировании, причем не самой влиятельной. Масоны лоббировали свои интересы, консультировали тех членов организации, которые добились реального влияния в ходе февральских событий. Но в марте они не смогли определить состав правительства, который оказался правее их либерально-социалистической ниши. Перечисление масонов, занимавших видное место в политической жизни 1917 г., мало что доказывает, так

как большинство из них стали широко известны до вступления в ложу, то есть в условиях революции могли достичь тех же высот без помощи масонов. В то же время масонские каналы (наряду с другими) использовались при подборе региональных кадров новой вертикали власти. Однако несколько сотен масонов быстро растворились в общей массе новых региональных лидеров.

После Февральской революции масонская конспиративность теряла прежний смысл. Но те бывшие масоны, которых сближало не только членство в ложе, но общность взглядов, сохранили старые связи. Отмирая, политическое масонство породило явление, которое можно назвать «масонской партией» — сообщество политиков, объединенных не ложей, а искренней приверженностью центристской политической стратегии, выработанной масонами. Это придавало смысл остаткам масонской традиции до октября 1917 г. На смену старой масонской организации пришла межпартийная «масонская партия» сторонников Керенского.

Весной 1917 г. в силу развития революции влево была создана либерально-социалистическая коалиция, что совпало с линией «масонской партии». Ее представители оказались в центре коалиции, стали, таким образом, ее ядром. По мере дальнейшего развития революции и обострения конфликтов между кадетами и социалистами «масонская партия» маневрировала между ними, парализуя назревшие социальные преобразования. Уже независимо от принадлежности к масонству вокруг Керенского сплотились сторонники сохранения коалиции, в то время как в партиях влияние правительства Керенского падало, опора правительства размывалась. Социальная болезнь усиливалась, а социал-либеральная «масонская партия» блокировала попытки приступить к лечению. В 1917 г. это делало крах социал-либералов неизбежным.

«Масонская» стратегия заключалась в сближении левых либералов и правых социалистов на общей платформе гражданских

свобод и умеренных социальных гарантий. В 1917 г. эта политика потерпела в России крах, но в мировой истории XX века она имела большое будущее. Из этой линии вырастет социал-либерализм с реформами Рузвельта, социальным государством, манипулятивной политической системой элитарного плюрализма, присвоившей себе имя «демократии». «Масонская партия» в России тоже пряталась в среде «демократии» — более широкого круга социалистов и демократов. Искусство манипуляции, умение пользоваться личными связями за кулисами открытой партийной политики давало «масонской партии» преимущества на начальном этапе революции. Опираясь на левое крыло кадетов и правые крылья эсеров и меньшевиков, «масонская партия» повела Россию на Запад, в «семью передовых народов». И привела бы хоть и не в самую семью, но на ее периферию — если бы революция заканчивалась. Но она только начиналась, и народ хотел другого, своего пути. Этот путь получил имя, произносившееся тогда миллионами уст, — «социализм».

Оглавление

Виктор Брачев

•ПОБЕДОНОСНЫЙ ФЕВРАЛЬ• 1917 ГОДА: МАСОНСКИЙ СЛЕД

Предисловие	7
Источники и историография	31

Часть I. •Только масонство может победить самодержавие: русские масоны в борьбе за «освобождение» России

Глава 1. Русское масонство начала века во Франции. Ложь «Великого Востока Франции» в России (1906—1910)	60
Глава 2. «Февральский переворот» в... 1910 году: «молодые реформаторы» берут власть в ложах. Образование (1912) и первые шаги «Великого Востока народов России»	94
Глава 3. «Великий Восток народов России» и его ложи в 1912—1916 годах. Масоны в Государственной Думе. Масоны и Департамент полиции	122

Часть II. Масоны и революция

Глава 1. На путях к дворцовому перевороту: проблема масонского заговора накануне революции 1917-го	166
Глава 2. Масоны и отречение Николая II	188
Глава 3. «Первыми воспользовались результатом стихийного восстания 27 февраля 1917 года»: масоны, Петроградский Совет и Временное правительство	201

Заключение	220
Приложение. Список русских политических масонов лож французского обряда и «Великого Востока народов России» (список В. И. Старцева)	228

Александр Шубин

МИФЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Глава I. Масоны и депутаты	240
Заговоры и разговоры	240
Масоны, масоны, кругом одни масоны	252
Рука Берлина. Или Лондона?	263
Глава II. Февральский взрыв	268
Бабий бунт	268
Психоз хулиганов?	275
«Добрый государь»	279
Вооруженное восстание и интриги	284
«Кто вас выбрал?» Снова масоны... ..	296
Финал империи	311
Глава III. «Масонская партия»	317
Либерализм против демократии	317
Битва за проливы	329
Триумф «масонской партии»	336
Лебедь, рак и щука	339
Послесловие	345

МАСОНЫ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 года

Художественный редактор С. Груздев

Технический редактор В. Кулагина

Компьютерная верстка Г. Ражикова

Корректор Т. Пикула

ООО «Яуза-пресс»

109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5

Тел.: (495) 745-58-23

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.02.2007.

Формат 84x108 1/16. Гарнитура «Гaramond». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 4000 экз.

Зак. N 5150.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Масоны

и Февральская революция 1917 года

Масонство и его роль в Февральской революции — одна из наиболее загадочных проблем современной истории, которая будоражит умы уже девяносто лет. На эту тему написано множество небылиц. Но известные историки В.С. Брачев и А.В. Шубин тщательно отделяют реальность от мифов, и с фактами в руках реконструируют те судьбоносные события. В этой книге нет «единственно правильной» точки зрения — два автора смотрят на события с разных сторон. На суд читателя представляются две разные версии закулисной истории Февральской революции, отречения Николая II, старта Советской эпохи.

ISBN 978-5-903339-19-8

9 785903 339198 >

тайны масонства

Масоны
и Февральская революция
1917 года